Бат-Йеор

ЗИММИ

ЕВРЕИ И ХРИСТИАНЕ ПОД ВЛАСТЬЮ ИСЛАМА

БАТ-ЙЕОР ЗИММИ

2

183

Бат-Йеор

ЗИММИ

Бат-Йеор

ЗИММИ

Евреи и христиане под властью ислама

Том 2

БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ
1991

עיריית חיפה
799

יהודים ונוצרים בשלטון האיסלם

Bat Ye'or

The Dhimmi

Jews and Christians under Islam

Перевод с английского:
1-й том — *А.Любинский*
2-й том — *Ю.Винер*
Редактор *М.Шкловская*

הספריה של תנועת
הציונית • חיפה •
БИБЛИОТЕКА СИОНИСТСКОГО
ФОРУМА • ХАЙФА •
2836

ISBN 965-320-220-0

© All rights reserved

כל הזכויות שמורות

לספרית-עליה
ת.ד. 4140 ירושלים
יצא לאור בסיוע:
האגודה לחקר תפוצות ישראל, ירושלים

OCR Давид Титиевский, ноябрь 2021 г., Хайфа

Typesetting, plates and printing by PRISMA-PRESS, Jerusalem

Printed in Israel

СОДЕРЖАНИЕ

Том 2
Документы

I
ЮРИДИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ

1. Джихад 21
(Ибн Аби Зайяд ал-Каравани, Ибн Халдун)
2. Завоевания 24
Мирный договор между Хабибом ибн Мусламой и христианами Тифлиса (Грузия, ок. 653) 24
Завоевание христианской Армении 25
Завоевание христианского Египта 25
Письмо Омара ибн ал-Хаттаба к Са'аду абу-Ваккасу, покорителю ас-Савада (Ирак) 26
Как относиться к земле ас-Савад и ее обитателям 26
(ал-Баладхури)
3. Судьба завоеванных территорий и покоренных народов 27
Омар ал-Хаттаб (634—644)

отвечает мусульманам, требующим раздела земель Ирака и Сирии (Палестины) между завоевателями 27
Обитатели покоренных стран и бедуины, обратившиеся в ислам для того, чтобы сохранить свои земли и имущество 29
Разница между десятинной землей и землей хараджа 32
Относительно одежды и внешнего вида данников 34
Письмо Омара к Абу Обейде по завоевании Сирии и Палестины 36
Правила поведения во время битвы 37
(Абу Юсуф)
4. Налоги, которыми облагаются *зимми*, и их использование 40
Добыча 40
Фэй 41
(Ибн Таймийя)
5. Джизья и харадж (11-й век) .....
Подушная подать и земельная подать ... 45
(ал-Маварди)
6. Изгнание местных уроженцев с государственных административных постов 50
Традиции, восходящие к халифу Омару ибн ал-Хаттабу (634—644) 50
Некоторые постановления, введенные завоевателями в Сирии-Палестине 53
Халиф Омар ибн Абд ал-Азиз (717—720) к имперским

управителям 54
(Гази ибн ал-Вазити)
7. Ограничения, налагаемые на *зимми* 56
Церкви 57
Подушная подать 58
(Ибн Наккаш)
8. Указ халифа ал-Мутаваккила (850) 59
(ал-Табари)
9. Зооморфические отличительные знаки (9-й век) 61
(ал-Малики)
10. Подчиненное положение *зимми* в Севилье (ок. 1100) 61
(Ибн Абдун)
11. *Джизья* и что она означает: эдикт халифа ал-Амира би-Аххама Иллаха (1101—1130) 63
(Ибн Наккаш)
12. Насильственное обращение в ислам в странах Магриба 65
(ал-Марракуши)
13. Евреям и христианам запрещается занимать почетное положение в обществе (ок. 1220) 66
(Ибн ал-Фувати)
14. *Зимми* в странах Магриба и в Египте (1301) 70
(Ибн Наккаш)
15. Синагоги и церкви 74
(Ибн Таймийя)
16. Места богослужения, одежда и поведение *зимми* 76
Отличительное платье 77
(Ибн Кайим ал-Джавзийя)
17. Смещение чиновников-христиан с их постов в Египте (1419) 80

(Ибн Тагрибирди)
18. Презрительные и похвальные отзывы о *зимми* 82
(Ибн Аскар)
Еврейские законы, касающиеся пищи 83
(ал-Джили)
Скромность зимми и покровительство им (16-й век) 83
(аш-Ша'арани)
19. Как надлежит взимать подушную подать 84
(ал-Магили, ал-Адави)
20. Традиции и отношение к *зимми* (18-й век) 86
(ал-Даманхури)

II
РАЗЛИЧНЫЕ СТОРОНЫ ЖИЗНИ ЗИММИ ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦЕВ

ВОСТОК

21. Багдад 91
Рассказ Обадии (Иоханнеса), норманна, новообращенного, уроженца Оппидо в северной Италии, священника, перешедшего в иудаизм (1102) 91
22. Отважный копт в Египте (12-й век) 93
(Ибн Наккаш)
23. Копт не имеет права быть свидетелем 94
(Гази ибн ал-Вазити)
24. Обращение христиан в ислам (Египет) 95
(Гахи ибн ал-Вазити)
25. Еврейский визирь в Багдаде 97

Мусульманский надзор над зимми 99
(Гази ибн ал-Вазити)
26. Копты претендуют на владение
Египтом (14-й век) 101
(ал-Аснави)
27. Рассказ датского путешественника
(1761) 103
В Каире 103
В Йемене 104
Языковая дискриминация 105
(Нибур)
28. Христиане в Сирии-Палестине
(18-й век) 106
Соперничество между общинами 108
Европейские купцы в Каире
в 1785 году 109
Особенности характера,
вырабатываемые притеснениями 110
(Вольней)
29. По пути в Иерусалим (1807)
(Али Бей) 112
30. Евреи и самаритяне в Палестине
(1816) 115
(Бакингэм)
31. У евреев Хеврона (1836) 118
(Стивенс)
32. Улучшение положения
в Сирии-Палестине (1836) 120
Судебная система 121
(Кэмпбелл)
33. Посещение святых мест Израиля
(1839) 122
Возможности евангелизации
в Палестине 124
(Бонар, М'Чейн)
34. Принц Уэльский посещает Хеврон

(1862) 126
(Уилсон)

ЭПОХА ЭМАНСИПАЦИИ

35. Османская Палестина девятнадцатого века 128
Препятствия на пути эмансипации зимми в Палестине 137
(Финн)
36. Похищение христианских детей; бессилие местного правителя (Алеппо, 1842) 149
(FO)
37. Мятежи и избиение христиан в Алеппо (1850) 150
(FO)
38. Мусульмане, православные христиане и протестанты в Наблусе (1853) 154
(FO)
39. Изгнание протестантов из Наблуса (1856) 157
(FO)
Воззвание иерусалимских протестантов 162
(FO)
40. Безнаказанность *улама* в Палестине 165
(FO)
41. Христиане в Иерусалиме (1858) 167
(PP)
42. Изгнание христиан из селений близ Наблуса (1858) 169
(PP)
43. Сообщение о христианах Алеппо (1859) 170
(FO)

44. Избиение христиан в Хасбее и Рашее (июнь 1860) 174
(FO)
45. Избиение христиан в Дамаске (июль 1860) 179
Меморандум 179
(PP)
46. Положение христиан в Сирии (1860) 192
(FO)
47. Убийцы остаются безнаказанными 194
(FO)
После арестов 195
48. Причины мятежей (Сирия, 1860) 196
(FO)
49. Ответственность мусульманских сановников 199
(FO)
50. Исход христиан из Дамаска 202
(FO)
Похищение христианских женщин враждующими бедуинскими племенами 204
(FO)
51. Христиане вымещают свое отчаяние на евреях Дамаска (1860) 205
Главы еврейской общины города Дамаска сэру Мозесу Монтефиоре 206
(PP)
52. Армяне в Армении (1869) 209
Упадок сословия зимми-земледельцев 211
(PP)
53. Препятствия к эмансипации христиан (1870) 214
(PP)

54. Беспорядки на горе Кармел (1877) 217
(РР)

МАГРИБ

55. Евреи и новообращенные в Марокко
(ок. 1790) 218
Дискриминация новообращенных в ислам 218
(Ламприер)
56. Царедворцы и приближенные султана
(ок. 1790) 219
(Романелли)
57. Унизительное положение *зимми*
в Тунисе (1800) 220
(Франк)
58. Разорение еврейского квартала в Фесе
(1820) 222
(ан-Насири)
59. *Зимма* в Алжире и Марокко
(начало 19-го века) 222
Бунт зимми 225
Зимма и уплата джизьи в 1815 году 226
Отличительная одежда 228
Мессианство 229
Христиане живут в еврейском квартале 229
Коллективные наказания во время мятежа в Алжире (1804) 230
(Бартон Лорд)
60. Смена правителей в Алжире
(начало 19-го века) 231
(Брафтон)
61. Алжирские евреи до завоевания
Алжира французами (1825) 232
(Шейлер)

62. Эмансипация в Алжире и еврейская знать 236
(Кэмпбелл)
63. Султан Марокко дает определение прав евреев (1841) 238
(султан Мюлей Абд ар-Рахман)
64. Дискриминация в одежде (Марокко, 1850) 239
(Годар)
65. Беззащитные *зимми* Марокко (19-й век) 241
(Брук, Лирд, Бонсал)
66. Ограничения в передвижении и выборе места жительства 243
Марокко (1789) 243
(Ламприер)
Христиан перестали оскорблять в Тунисе (1835) 244
(Расселл)
67. Неверные в Марокко почитаются за нечистых (1789 и 1889) 245
(Ламприер, Лирд)
68. *Зимми* запрещено осквернять священную арабскую землю 246
(Хессе-Вартегг, Керр, Уаймен Бёри)
69. Значение труда *зимми* для экономики и эксплуатация, которой они подвергаются 247
(Ламприер, Брук, Лирд)
В Египте 249
(Патон)
70. Рабское состояние евреев в Магрибе (1870) 250
(Хессе-Вартегг)
71. Оплата труда в Маракеше (1876) 251
Олигархия зимми: орудие властей 255

(Галеви)
72. Угнетатели и *зимми* в Маракеше (1876) 256
(Галеви)
73. В Марокко отказываются эмансипировать *зимми* 257
(Кроуфорд, Лирд)
74. Ненаказанное преступление (1880) 260
(Jewish Chronicle, д-р Мигерес)
75. *Зимми* — паразит 263
(Троттер)
76. *Зимми* — козел отпущения 265
(Статфилд)
77. Влияние международного общественного мнения 267
(Бонсал)
78. Султан Марокко покровительствует евреям 269
Указ, запрещающий преследование евреев Дамната (1884) 269
(Левен)
Письмо к каиду Маракеша (1892) 270
(султан Мюлей Хассан)
79. Уплата *джизьи* в Маракеше (1894) 271
(AIU)
80. Придворный *зимми* в Марокко (1906) ... 272
(Слауч)
81. Евреи, берберы и арабы (Ливия, 1906) ... 273
(Слауч)
82. Экспроприация в Триполитании (Ливия, 1908) 274
(Слауч)

ПЕРСИЯ

83. Принудительное обращение в ислам

греческих христиан и евреев (1843—1845) 276
(Вулф)
84. Принудительное обращение в ислам и положение евреев (1850) 277
Положение персидских евреев 280
(Беньямин)
85. Притеснения в Персии 283
(Левен)
86. Официальные указы в защиту евреев (1875 и 1897) 285
(Левен, шах Музаффар ад-Дин)
87. Потомки насильственно обращенных в ислам (1929) 287
(Семах)

АРАВИЯ

88. Изгнание евреев из города Сан'а (Йемен, 1666) 288
(Ибн ар-Риджал)
89. Терпимость в Маскате (1828) 290
(Уэллстед)
90. Эдикт, обнародованный йеменским имамом Йахья (1905) 291
(Семах)
91. Аномалии в поведении евреев как следствие их угнетенного положения (Йемен, 1910) 292
(Семах)
92. Йемен (1914) 296
(Уаймен Бёри)
93. На Аравийском побережье (1947) 297
(Мюлен)

III
РАЗЛИЧНЫЕ СТОРОНЫ ЖИЗНИ ЗИММИ С ИХ СОБСТВЕННЫХ СЛОВ

94. Насильственное обращение в ислам и унижения (12-й век) 301
Под властью Альмохадов (Испания и Магриб) 301
(Ибн Акнин)
В Йемене (ок. 1200) 308
(Маймонид)
95. Палестинский еврей ищет прибежища в христианской Испании (1291) 310
(Ицхак бен Шмуэль из Акко)
96. Хлеб, политый слезами (ок. 1600) 312
(Шмуэль бен Ицхак Уседа из Цфата)
97. Жизнь в Меллахе близ Феса (1610—1613) 313
(Сереро)
98. Элегия персидского еврейского поэта (17-й век) 319
Эпоха насильственного обращения в ислам при Аббасе II (1641—1666) ... 319
(Хизкия)
99. Гонения и муки в Йемене (1666): две версии одного события 322
Версия жертв 322
Версия гонителей 325
(Са'адия ха-Леви, Ибн ал-Вазир)
100. Положение немусульман в Палестине (1700) 327
(Гедалия из Семятиц)
101. Царство террора в Фесе (1790—1792) ... 330
(Ибн Аттар)
102. Евреи Афганистана и принудительное обращение в ислам в Мешеде

(1839) 334
(Горджи)
103. Евреи Палестины до 1847 года 336
(Райшер)
104. Евреи Багдада (1877) 338
(Бехор-Хусейн)
105. Евреи Марокко (1888) 340
(Бен-Шимон)
106. Евреи Туниса (1888) 343
(Феллах)
107. Изгнанники возвращаются в Сион 344
Зимми из Йемена (1881—1910) 344
(Аноним, Луччана, Семах)
Исход из Йемена 344
Прибытие евреев из Урфы, (Юго-Восточная Турция) (1896) 347
Повседневный быт в Йемене (ок. 1945) 350
108. Изгнание евреев из Святой Земли (1892—1896) 352
Иерусалим 352
(Бен Олиэль)
Хауран 356
(Энджел)
109. Мусульманская колонизация Палестины (1875—1885) 358
(Олифант)

IV
НОВЕЙШИЙ ПЕРИОД

110. Муфтий Иерусалима и нацисты (1943—1944) 361
(Перлман)
111. Палестинская *зимма* 363

(Ежегодник ООП, 1968)
112. *Джихад* в наше время (1968) 364
Определение джихада 364
Ради чего провозглашается джихад 364
(Гоша)
Вступительная речь 366
(Халид, ал-Дибани)
Различные степени джихада 372
Завершение войны 372
(Зара)
113. Хомейни о правительственной власти, *джихаде* и о том, что почитается нечистым 373
Нечистота неверных 374
(Хомейни)
114. Арафат о религиозном братстве и *джихаде* 375
115. Египетские копты обращаются к президенту Садату (1972) 378
116. Ливан: Заявления архиепископа Игнация Мубарака (1947) и Башира Джемайля (1982) 381

Библиография 389
Список сокращений 411

ДОКУМЕНТЫ

I
ЮРИДИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ

1. Джихад

Джихад есть установление, данное от Бога. Выполнение его известными лицами может освободить от него других. Мы, *маликн* [одна из четырех школ мусульманской юриспруденции], считаем, что за исключением тех случаев, когда неприятель нападает первым, предпочтительнее сперва предложить ему принять религию Аллаха и лишь затем начинать военные действия против него. У врагов имеется выбор: либо обратиться в ислам, либо платить подушную подать (*джизья*), за неисполнение чего против них объявляется война. *Джизья* приемлема лишь в тех случаях, если на землях, где обитает неприятель, наши законы имеют силу. Если же он для нас недосягаем, *джизья* от него принята быть не может, разве что он сам придет в наши пределы. А иначе мы начнем против него войну...

Нам надлежит воевать с врагами, не задаваясь вопросом, благочестивый ли человек наш предводитель или порочный.

Закон не запрещает убивать белых неарабов, захваченных в плен. Но ни один человек, которому обещан был *аман* (покровительство), казнен быть

не может. Данное ему обещание нарушать не должно. Нельзя убивать женщин и детей, и следует воздерживаться от убийства монахов и раввинов, за исключением принимавших участие в сражении. Также и женщин дозволено убивать, если они принимали участие в военных действиях. *Аман*, данный мусульманином, будь он последний бедняк, должен признаваться всеми другими [мусульманами]. Женщины и дети также вправе давать *аман*, при условии, что они отдают себе отчет в его значении. Существует, однако, иное мнение, гласящее, что *аман* имеет силу лишь в том случае, когда он подтвержден имамом (духовным руководителем). Имам берет себе пятую часть военной добычи, а остальные четыре пятых делит между воинами. Желательно, чтобы раздел добычи происходил на неприятельской земле (с. 163).

Ибн Аби Зайяд ал-Каяравани (ум. 966)

Для сообщества мусульман священная война есть религиозный долг; причиной тому всеобъемлющий характер мусульманской миссии и обязанность стремиться к обращению в ислам всех людей, будь то убеждением или силой. Поэтому власть халифа и королевская власть объединены в исламе, дабы предводитель мог посвящать все свои силы и религии и делам правления одновременно.

Прочие религиозные общины не были облечены универсальной миссией, и священная война не была для них религиозным долгом, разве только в оборонительных целях. Потому и получилось, что религиозный предводитель в других религиях никоим образом не касается дел, связанных с властью. У них королевская власть принадлежит тем, кому она досталась случайно и вне всякой связи с религией.

Она достается им просто потому, что всякому сообществу людей от природы присуще стремление наделить своего предводителя королевскими полномочиями, а не потому, что они обязаны стремиться к владычеству над другими народами. В их обязанности входит лишь упрочение их религии среди своего собственного народа.

Именно поэтому израэлиты после Моисея и Иисуса Навина на протяжении почти четырех веков не позаботились установить у себя царскую власть. Они заботились только о том, чтобы упрочить свою религию (1:473).

Впоследствии возникли несогласия между христианами касательно их веры и христологии. Они разбились на группы и секты, каковые в борьбе друг против друга заручались поддержкой различных христианских вождей. В конце концов среди них выделились три группы, которые и представляют главные христианские течения. Прочие несущественны. Три главных — это мелкиты, якобиты и несторианцы. По нашему разумению, не стоит омрачать страницы этой книги, обсуждая их догмы неверия. В целом они хорошо известны. Вся их суть — неверие. На это ясно указывает благородный Коран. Обсуждать с ними эти вещи, спорить с ними — не наше дело. Это их дело — выбрать между обращением в ислам, уплатой подушной подати или смертью (1:480).

Ибн Халдун (ум. 1406)

2. Завоевания

Мирный договор между Хабибом ибн Мусламой[1] *и христианами Тифлиса (Грузия, ок. 653)*

Во имя Аллаха милостивого, милосердного. Дано сие от Хабиба ибн Мусламы обитателям Тифлиса, что расположен в Манджалисе при Хурзане ал-Хармузе, в обеспечение неприкосновенности их жизни, их церквей, монастырей, религиозных отправлений и веры, при условии, что они признают свое унижение и станут платить подать в размере одного динара с каждого двора. И да не сделаете так, что несколько хозяйств выдаются за одно, дабы уменьшить подать, мы же не станем делить одно хозяйство на несколько, дабы увеличить ее. Вы обязуетесь не жалея сил советовать и пособлять нам против врагов Аллаха и его Пророка, и вам надлежит принять и приютить, коли ему будет в том нужда, мусульманина на одну ночь, и снабдить его такой пищей, употребляемой народом Книги[2], какую нам законом дозволено есть. Буде мусульманин отобьется от своих товарищей и попадет к вам в руки, вам надлежит доставить его в ближайшее место, где много верных, разве что есть тому непреодолимые препятствия. Если же вернетесь к покорности Аллаху и станете совершать молитвы, то будете нам братьями в вере, а иначе платить вам подушную подать. Буде враги ваши нападут на вас и покорят вас в то время, когда мусульмане слишком заняты и не могут прийти к вам на подмогу, ответа

[1] Хабиб ибн Муслама (617—662) — военачальник при Му'авии, руководивший завоеванием Армении.

[2] *...народом Книги (или Писания)* — название, основанное на Коране (9:29), данное мусульманами приверженцам религий Откровения, т.е. евреям и христианам.

мусульмане за то держать не должны, и это не будет почитаться за нарушение нашего с вами договора. Таковы ваши права и обязанности, чему свидетелями Аллах и ангелы его, а свидетельства Аллаха довольно (сс. 316,117).

Завоевание христианской Армении

После того Марван[3] вступил в землю ас-Сарир, изничтожил ее обитателей и разрушил некоторые ее крепости. Царь ее изъявил ему свою покорность и преданность и пришел к соглашению с ним, обязуясь давать ему ежегодно тысячу юношей и девушек — по пятьсот человек тех и других — с черными волосами и бровями и с длинными ресницами, а также 100 тысяч модиев[4] зерна, кои будут доставляться в хлебные амбары в ал-Бабе. Марван принял его обязательство.

Жители Тумана вступили в соглашение с Марваном, обязавшись давать по сто молодых людей ежегодно, пятьдесят юношей и пятьдесят девушек, каждый по пяти пядей росту, с черными волосами и бровями и с длинными ресницами, а также по 20 тысяч модиев зерна (с. 326).

Завоевание христианского Египта

Амр ан-Накид, со ссылкой на Суфьяна ибн Вахба ал-Хаулани: "Когда мы завоевали Миср [Египет], не вступая с ним в соглашение, аз-Зубайр[5] восстал и сказал Амру: "Раздели его"; но Амр отказался. Тогда аз-Зубайр сказал: "Именем Аллаха, ты должен разделить его, как Пророк разделил Хай-

[3] Марван ибн Мухаммад (ум. 750) — последний халиф династии Омейядов в Дамаске, перед тем — правитель Армении.

[4] *Модий*, лат. *модиум* — мера пшеницы, равная 8,75 фунта.

[5] Аз-Зубайр ибн ал-Аувам — военачальник.

бар[6]". Амр написал о том Омару, который ответил: "Оставь все как есть, дабы потомкам потомков наших это пошло на пользу".

О традиции, сходной по смыслу, сообщил мне и Абдалла ибн Вахб, опираясь на мнение Суфьяна ибн Вахба (с. 337).

Письмо Омара ибн ал-Хаттаба к Са'аду абу-Ваккасу[7], покорителю ас-Савада (Ирак)

Я получил твое послание, в коем ты сообщаешь, что твои люди просят разделить меж ними всю добычу, ниспосланную им Аллахом. Как скоро ты получишь мое письмо, разузнай, сколько и какого имущества и сколько лошадей захватили твои воины "на конях и верблюдах", и раздели между ними это, изъяв предварительно пятую часть. Что же до земли и верблюдов, сие оставь в руках тех, кто ими пользуется, дабы доходы от них можно было включить в суммы, предназначенные для других мусульман. Ибо если ты разделишь их меж твоими людьми, ничего не останется для тех, которые придут после (с. 422).

Как относиться к земле ас-Савад и ее обитателям

Ал-Хусейн, со ссылкой на Абдаллу ибн Хазима: "Сей последний говорит: "Некогда спросил я Муджахида относительно земли ас-Савад, и он отве-

[6] Условия соглашения, заключенного Мухаммадом (Магометом) с евреями Хайбара, послужили прецедентом для последующей мусульманской военной тактики. Земля оставлялась во владении побежденных в обмен на ежегодную ренту, выплачиваемую натурой. Такого рода договору часто отдавалось предпочтение, так как арабы неохотно занимались земледелием.

[7] Арабский военачальник (ум. 671).

тил: "Она не может ни продаваться, ни покупаться. Ибо она была захвачена силой и не поделена. Она принадлежит всем мусульманам".

Ал-Валид, со ссылкой на Сулеймана ибн Ясара: "Омар ибн ал-Хаттаб оставил ас-Савад для тех, что находятся еще в чреслах мужей и чревах жен (т.е. для будущих поколений), обитателей же ас-Савада следует рассматривать как *зимми* и взимать с них подать [*джизья*] с человека и *харадж* с их земель. Будучи *зимми*, они не подлежат продаже в рабство...

Омар ибн ал-Хаттаб, желая разделить ас-Савад меж мусульманами, распорядился, чтобы жителям был произведен счет. Каждому мусульманину выходило по три земледельца на долю. Омар спросил совета у сотоварищей Пророка, и Али сказал: "Оставь их как есть, дабы они стали источником дохода и подспорьем для всех мусульман". И с тем Омар послал Утмана ибн Хунейфа ал-Ансари, и тот определил с каждого подать в 48, 24 или 12 [дирхемов]" (с. 423).

Ал-Баладхури (ум. 892)

3. Судьба завоеванных территорий и покоренных народов

Омар ибн ал-Хаттаб (634—644) отвечает мусульманам, требующим раздела земель Ирака и Сирии (Палестины) между завоевателями.

Я же полагал, что после Кесры (Персия), чьи богатства, земли и население отданы нам Аллахом, завоевывать нам более нечего. Движимое имущество я разделил меж теми, кто захватил его,

изъяв предварительно пятую часть, которая и была под моим надзором использована по назначению. Землю же и ее обитателей я счел необходимым сохранить на будущее, взимая с последних *харадж* в соответствии с земельным наделом и *джизью* с каждой головы, каковая подушная подать составляет *фэй*[1] в пользу воевавших там мусульман, их детей и наследников. Неужто вы полагаете, что эти границы не нуждаются в воинах для их защиты? Что в этих обширных землях, в Сирии (Палестине), в Месопотамии, в Куфе, в Басре, в Мисре [Египте] не должны стоять многочисленные войска, которым надо хорошо платить? Откуда взялись бы средства на их оплату, если бы земля была поделена, как и ее обитатели? (сс. 40,41).

Решение не делить завоеванные земли меж завоевателями, принятое Омаром, как только Аллах указал ему на соответствующие места в Священной Книге [Коране], было для него в его трудах знаком божественного покровительства, а для всех мусульман — благодеянием. Его распоряжение взимать *харадж*, каковые доходы могли быть поделены меж мусульманами, пошло на благо всей общины [*умма*]; не будь же этих денежных запасов для уплаты жалования воинам и для их прокормления, пограничные провинции никогда не заселились бы, у войск не было бы нужных средств для ведения священной войны [*джихад*], и пришлось бы опасаться, что неверные возвратятся в прежние свои

[1] *Фэй* — "добыча". Традиционные мусульманские комментаторы производят это слово от глагола *афа'а*, "вернуть обратно" (ср. Коран 59:7) то, что законно принадлежит Аллаху, а следовательно, мусульманам. Как правило, это добыча, захваченная в результате безусловной капитуляции противника: пятая часть ее шла имаму, а остальное делилось между солдатами.

владения, оставленные без охраны солдатами и наемниками. Аллах знает лучше всех, где благо! (с. 43).

Обитатели покоренных стран и бедуины, обратившиеся в ислам для того, чтобы сохранить свои земли и имущество

Князь[2], ты спрашиваешь также о правилах, приложимых к тем из обитателей завоеванных стран[3], которые обратились в ислам с целью сохранить жизнь и имущество. Жизнь их неприкосновенна, имущество, ради которого они обратились, остается их собственностью, а также и их земли, которые тем самым подлежат обложению десятиной, точно как в Медине, обитатели которой обратились по пришествии Пророка и чьи земли облагаются десятиной. То же приложимо и к Та'ифу и Бахрейну, а также и к бедуинам, которые обратились ради сохранения своих водопоев и земель, остающихся в их владении и пользовании (сс. 94,95).

Во всех краях, исповедующих многобожие, с которыми ислам заключил мир на том условии, что они признают его власть, производится раздел добычи, и народы эти становятся данниками ислама, платящими *харадж*. Земля, обитаемая ими, называется землей *хараджа*: она подлежит обложению податью в соответствии со статьями соглашения, однако без злоупотреблений и не чрезмерно. Вся земля, владыкой которой имам [суверен] сделался при помощи силы, может быть роздана — буде таково его на то желание, ибо он пользуется в

[2] Автор, юрист, дает советы халифу Харун-ар-Рашиду (766—809).

[3] Страны *дар ал-харб*, завоеванные в *джихаде*.

этом отношении полной свободой — тем, кто завоевал ее, в каковом случае она превращается в десятинную землю; либо, если это представляется ему предпочтительнее, она может быть оставлена в руках ее обитателей, как поступил Омар ал-Хаттаб с ас-Савадом, и тогда она становится землей *харадж* и не может быть вновь захвачена. Покоренные обитатели обладают полными правами владения на нее и могут передавать ее по наследству либо по контракту, и *харадж*, взимаемый с нее, не должен превышать платежеспособности налогоплательщика.

Арабские земли отличаются от неарабских земель, ибо с арабами мы воюем лишь затем, чтобы вынудить их принять ислам, не налагая на них подушной подати: только обращение в мусульманство, и ничто иное, приемлемо от них, и земля их, если она остается в их владении, является десятинной землей. Если имам не оставляет землю в их владении, а решает поделить ее, все равно она остается десятинной землей. По отношению к неарабам дело обстоит иначе, ибо с ними мы воюем не только для того, чтобы обратить их, но и для того, чтобы вынудить их к уплате подушной подати, тогда как к арабам приложима лишь первая цель, ибо они должны либо обратиться, либо умереть. Нам не известен случай, чтобы Пророк, либо его сотоварищи, либо какой-нибудь халиф после них согласился принять подушную подать от арабов-идолопоклонников, и выбор у них был всегда один: обращение или смерть. Когда их покоряли, жен их и детей обращали в рабство, как сделал пророк с Хавазином[4] после битвы при Хунейне; впослед-

[4] Конфедерация племен Северной Аравии, разгромленная Мухаммадом в битве при Хунейне в 630 году.

ствии, однако, он вернул им свободу. Так он поступал только с идолопоклонниками среди арабов.

Арабы, воспринявшие Откровение [евреи и христиане], рассматриваются как неарабы, и им не дозволено платить подушную подать. Так сделал Омар по отношению к Бану Таглаб [христиане][5], с которых он взял двойную благотворительную подать взамен *хараджа*, и таким же образом поступил Пророк в Йемене, когда он приказал взимать по динару с каждого взрослого либо равноценное количество одежды, — что, по нашему мнению, сходно с порядком, коему надлежит следовать в обращении с народами, обладающими Книгой. Так же поступил он и с народом Наджрана [христианами], пожаловав им мир в обмен на выкуп.

Что до неарабов — евреев либо христиан, многобожников, идолопоклонников, огнепоклонников, — то подушная дань должна взиматься с особ мужского пола. Так, Пророк заставил платить эту подать волхвов из Хаджара, а ведь волхвы эти многобожники и не обладают Книгой. Мы считаем их неарабами и не женимся на их женщинах, не едим мы также и мяса животных, забитых ими. Омар ибн ал-Хаттаб наложил на многобожников-неарабов мужского пола в Ираке подушную дать, поделенную на три разряда: для бедных, для богатых и для среднего сословия.

Что же до арабских и неарабских вероотступников, к ним надлежит относиться как к арабам-идолопоклонникам: им предлагается выбор между обращением и смертью, и права платить подушную подать они не имеют (сс. 100,101).

В деревнях и селениях, а также и в городах,

[5] Племя арабов-христиан в Аравии, принадлежавшее к ветви Ва'ил.

их жители и все, что там имеется, может быть оставлено на их земле, в их обиталищах и домах, и жители могут по-прежнему пользоваться своей собственностью по уплате подушной подати и *хараджа* (либо же все может быть поделено меж завоевателями). Исключение делается для арабов-идолопоклонников мужского пола, коим не дозволяется платить подушной подати и кои должны избрать между обращением или смертью (с. 103).

Итак, имам может выбрать одну из двух возможностей, равно приемлемых: либо поделить землю, как поступил Пророк, либо оставить все как есть, что и было сделано в иных местах, кроме Хайбара. Омар ибн ал-Хаттаб ничего не менял в ас-Саваде (Ирак). Большая часть земель в Сирии и Египте была завоевана силой, и соглашения понадобились только при переговорах с жителями укрепленных городов. Поскольку земли были захвачены победителями и приобретены с помощью силы, Омар передал их в общее владение всего мусульманства, как бывшего тогда, так и имеющего быть после того. Он предпочел этот образ действия, и, подобно ему, каждый имам свободен поступать как ему заблагорассудится, буде только все необходимые предосторожности предприняты для безопасности верных и ислама (сс. 103,104).

Разница между десятинной землей и землей хараджа

Князь всех верных, касательно же твоего вопроса о разнице между десятинной землей и землей *хараджа*, — любая земля, принадлежала ли она арабу или неарабу, ради которой обитатели ее обратились в истинную веру, остается в их владении и считается десятинной, по образцу Медины,

жители которой приняли веру с этой целью, как и жители Йемена. Точно так же земля арабов-идолопоклонников, от коих подушная подать не принимается и коим надлежит выбирать между обращением и смертью, считается десятинной, даже если она была покорена имамом. Сам Пророк, покорив земли, принадлежавшие арабскому населению, оставил их, как они были, и они так и пребудут десятинными землями вплоть до Последнего суда.

Необитаемая земля, принадлежавшая неарабам, которую покорил имам и оставил ее покоренным, подлежит обложению *хараджем*, но становится десятинной, если он делит ее меж покорителями. Не известно ли всем, что неарабские земли, завоеванные Омаром ибн ал-Хаттабом и оставленные им в руках побежденных владельцев, подлежат обложению *хараджем*? Любая неарабская земля, чьи обитатели вступили по поводу ее в переговоры и сделались нашими данниками, подлежит обложению *хараджем*.

А потому, о Князь верных, позаботься избрать надежного человека, честного и выдержанного, верного советчика, на которого и ты, и твои подданные могут положиться. Поручи ему сбор всех благотворительных десятинных податей в различных странах, куда он, по твоему указанию, направит избранных им людей, неусыпно следя за их поведением, приемами и успехами в сборе податей, кои они и станут передавать ему из разных краев. Когда все подати будут ему переданы, отдай ему распоряжения относительно собранного в соответствии с заповедями Аллаха, каковые он сможет тогда исполнить. Не поручай сборщикам *хараджа* дел, относящихся к сбору десятины, ибо выручка от этих двух податей не должна смешиваться. А то ведь я слышал, что сборщики *хараджа* посылают собирать

благотворительную десятину людей, прибегающих к неправедным и вымогательским мерам и требующих податей незаконных и непосильных. Для сбора благотворительной десятины следует выбирать лишь людей добродетельных и хладнокровных...

Поэтому не должно соединять выручку от *хараджа* со сборами от благотворительной либо других податей, что первый — это *фэй* для всех мусульман, тогда как благотворительная подать принадлежит тем, кого Аллах перечислил в своей Священной Книге (с. 121).

С целью взимания подушной подати не следует избивать налогоплательщиков, ни выставлять их на солнце и употреблять иные подобные меры, ни подвергать их мучительным пыткам. С ними надо обращаться мягко, либо отправлять их в тюрьму с тем, чтобы они уплатили причитающееся с них, и не выпускать, пока не уплатят полностью. *Вали* [удельный правитель] не вправе освобождать от подати ни христиан, ни евреев, ни сабеян, ни самаритян, и никто не может получить даже частичной поблажки. Противозаконно освобождать одного, а другого нет, ибо все они сохраняют жизнь и имущество только благодаря подушной подати, коей облагается движимая собственность человека взамен *хараджа*, налагаемого на землю (с. 189).

Относительно одежды и внешнего вида данников

Далее, по уплате подушной подати и вплоть до того, как все они пройдут досмотр, ты должен наложить каждому на шею печать, хотя впоследствии эти печати по их просьбе могут быть сломаны, как это делал Утман ибн Хунейф. Ты сумел отнять у них право походить на мусульман одеждой, ими носимой, сбруей их коней, и всем их внешним

видом; все они обязаны носить особые пояса (*зуннар*), сплетенные из грубой веревки и завязанные узлом посередине; головной убор их должен быть сшит из разноцветных лоскутков ткани; на седле у них вместо луки должен быть кусок дерева в форме граната; обувь их должна завязываться двойными ремнями. Им надлежит избегать встречи с мусульманином лицом к лицу; женщинам их не дозволяется ездить на мягко подбитых седлах; им запрещено строить новые синагоги и церкви в пределах города, для отправления же своих обрядов они должны довольствоваться теми храмами, что стояли ко дню соглашения, превратившего их в данников, и оставлены были им нетронутыми; то же относится и к погребальным кострам [поклонников Зороастра]. Их присутствие в больших городах и на мусульманских рынках допускается, и они могут там продавать и покупать, но только не вино и не свинину, и не выставляя напоказ кресты; но головной убор их должен быть длинный и из грубого материала. А потому прикажи своим наместникам, пусть вынуждают данников придерживаться этих правил во внешнем своем виде, как то делал Омар ибн ал-Хаттаб, для того, как сказал он, "чтобы отличать их от мусульман с первого взгляда".

От Абд ар-Рахмана ибн Табита ибн Тавбана я слышал, а тот — от своего отца, что Омар ибн Абд ал-Азиз[6] написал одному из своих наместников следующее: "Приветствую тебя и т.д. и т.п.; не дозволяй выставлять кресты напоказ ни в коем виде, но незамедлительно разбивай и уничтожай их; еврею либо христианину не дозволено употреблять верховое седло, но только вьючное, и женщинам их не дозволено сидеть на мягко подбитом седле, но

[6] Халиф династии Омейядов (717—720).

только на вьючном; о том обнародуй официальные указы и следи, чтобы люди не смели их преступать. Строжайше запрещено христианину носить *кабу*, либо платье из тонкого сукна, либо тюрбан! Докладывали мне, что некоторые христиане, подведомственные тебе, вернулись к обычаю ношения тюрбана, не носят более положенных им поясов и отпускают длинные волосы. Проклятье! Если такое случается в твоем окружении, причиной тому твоя слабость, твоя нераспорядительность, твоя приверженность к лести, которой ты внимаешь, и потому эти люди, видя, что́ ты за человек, предаются прежним своим обычаям. Следи же неусыпно за всем, на что я наложил запрет, и не поступай противу тех, кто установил сей порядок. Мир тебе" (сс. 195,196).

Письмо Омара к Абу Обейде по завоевании Сирии и Палестины

То, что по воле Аллаха вернулось[7] к тебе, оставь в руках владеющих этим, и обложи их податью в соответствии с их платежеспособностью, каковой сбор распределен будет между мусульманами. Народ этот — земледельцы, и работу свою они хорошо знают и более способны к ней. Никоим образом не можешь ни ты, ни верные, что при тебе, обратить имущество их в *фэй* и поделить меж собой, вследствие соглашения, заключенного между ним и вами, а также потому, что вы уже собираете с них подушную подать, кому из них сколько по силам. Ибо так было заповедано и нам и вам Аллахом в его Священной Книге: "Сражайтесь с теми, кто не верует в Аллаха и в Судный день и не запрещает

[7] См.прим. 1 и док. 4.

запрещенного Аллахом и его Посланником, с теми, кто не исповедует истинной религии, хотя и принадлежит к народу Книги, — пока они не дадут откупа своей рукой и не будут унижены" (Коран 9:29)*. Взявши с них подушную подать, ты не можешь требовать ничего более, да и смысла в этом ты не найдешь. Подумай сам! Возьми мы людей, облагаемых податью, и подели их между собой, — что осталось бы для мусульман, кои придут после нас? Клянусь Аллахом, им не с кого будет спрашивать, и некому будет работать на них; мусульмане наших дней будут кормиться этими людьми, пока те живы; когда же они умрут, и мы тоже, сыновья наши будут до бесконечности пожирать их сыновей, и так эти люди останутся рабами последователей ислама, пока он существует. Нет, обложи их подушной податью, отпусти их жен и детей на волю, не позволяй мусульманам угнетать их и вредить им и присваивать их имущество сверх дозволенного законом и исполняй условия, записанные в твоем с ними соглашении, касательно делаемых им тобою уступок. Что же до выставления напоказ крестов за пределами города в дни их празднеств, не возбраняй им этого, но без знамен и флагов, единожды в год, как они того и просили; внутри же городских стен, меж мусульманами и рядом с их мечетями никогда чтоб не видно было ни единого креста! (сс. 217,218).

Правила поведения во время битвы

Из всех соображений, слышанных нами по этому поводу, наиболее приемлемы, думается нам, таковые, что в сражении с многобожниками не возбра-

* Здесь и далее цитаты из Корана даются в переводе с английского (прим. пер.).

няется употреблять оружие любого рода, сносить и жечь их дома, рубить деревья и финиковые пальмы, использовать катапульты, не нападая, однако, с заведомым намерением на женщин, детей и стариков; дозволяется также преследовать убегающих, приканчивать раненых, убивать пленных, могущих представлять опасность для мусульман, хотя сие последнее приложимо лишь к тем, чьего подбородка уже касалось бритва, ибо прочие считаются детьми, и казнить их не следует.

Что же до пленных, приводимых пред лицо имама, последний может либо казнить их, либо потребовать выкупа, по своему разумению решая, что выгоднее для мусульман и благоразумнее для ислама. Отпускать их следует не за выкуп в золоте, серебре либо товарах, а только в обмен на плененных мусульман.

Все, что победители приносят с собой с поля битвы, а также имущество и добро, принадлежавшее их жертвам, представляет собою *фэй*, делимый на пять частей. Одна часть предназначается для тех, кто перечислен в Священной Книге, остальные же четыре пятых делятся между солдатами, захватившими добычу, следующим образом: всадникам причитается по две доли, пешим — по одной. В случае захвата какой бы то ни было земли право решать, как поступить с нею в наилучших для мусульман интересах, принадлежит имаму: если он решит оставить ее, как поступил Омар ибн ал-Хаттаб, оставивший Савад (Ирак) туземному народу взамен за *харадж*, — он может так сделать; если же он считает, что землю следует отдать победителям, он делит ее между ними, предварительно изъяв пятую часть. Я склонен полагать, что такой образ действий, по принятии всех необходимых мер для охраны мусульманских интересов, может считаться

приемлемым (сс. 301,302).

От себя скажу, что решение, касающееся пленных, находится в руках имама: в зависимости от того, в чем он усматривает вящую выгоду для ислама и для мусульман, он может либо казнить их, либо обменять на мусульманских пленников (сс. 302,303).

Если случится, что мусульмане осаждают вражескую крепость и заключают с осажденными соглашение о сдаче на известных условиях, устанавливаемых третейским судьей, и судья этот решает, что солдаты противника должны быть казнены, а жены их и дети взяты в плен, такое решение считать законным. Таково было решение Са'ада ибн Му'адха в связи с Бану Курэйза [еврейское племя в Аравии] (с. 310).

Если в решении избранного посредника ничего не говорится об убийстве вражеских воинов и о пленении их женщин и детей, а назначается подушная подать, то и такое решение будет законным; если в нем обусловлено, что побежденным предлагается принять ислам, оно тоже будет действительным, и тогда они станут мусульманами и не рабами (с. 311).

...От имама зависит, как решено будет обращаться с ними, и он изберет то, что предпочтительнее для религии и ислама. Если он сочтет, что для ислама и его приверженцев лучше будет казнить воинов и поработить их женщин и детей, то так он и поступит, следуя примеру Са'ада ибн Му'адха. Если же, напротив, он полагает, что выгоднее будет наложить на них *харадж* с целью увеличить *фэй*, придающий мусульманам сил в борьбе против сих и прочих многобожников, тогда ему следует применить к ним эту меру. Разве не истинно сказал Аллах в его книге: "Сражайтесь с тем... пока не дадут откупа своей рукой и не будут унижены" (Коран 9:29), и что Пророк призывал неверных

принять ислам, а буде откажутся, облагал их подушной податью, и что Омар ибн ал-Хаттаб, покорив обитателей Савада, не пролил их крови, но сделал их данниками? (с. 312).

Если они согласны на сдачу и принимают посредничество избранного ими мусульманина вместе с одним из своих, это следует отвергнуть, ибо неприемлемо для верного участвовать заодно с неверным в принятии решения, связанного с делами религии. Если наместник имама по ошибке принял вердикт, предложенный обоими этими лицами вместе, имам не может объявить его действительным, разве что в нем обусловлено, что неприятель становится данником либо обращается в ислам. Если же такое условие побежденными принято, тогда они не заслуживают упрека; если они признают себя данниками, то за таких их и почитать, без всякого дополнительного вердикта (сс. 314,315).

Абу Юсуф (ум. 798)

4. Налоги, которыми облагаются *зимми*, и их использование

Добыча

Источников государственного дохода, заповеданных в Коране и в Сунне, имеется числом три: военная добыча (*гханима*), благотворительность (*садака*) и *фэй*. Военную добычу составляют трофеи, захваченные у неверных силой. Относительно нее Аллах дал предписания в суре *ал-Анфал*[1], открыв ее верным во время битвы при Бадре и указав,

[1] Коран 8 ("Захваченное").

что военная добыча предназначена для умножения богатства мусульман. Сказал Аллах: "Они станут спрашивать тебя о захваченном. Скажи: 'Захваченное принадлежит Аллаху и Посланнику...'" (Коран 8:1).

В двух *Сахихах* [два канонических сборника религиозных традиций] говорится, со ссылкой на Джабира ибн Абд Аллаха, что Пророк сказал: "Мне дарованы были пять даров, кои не даны были до меня ни одному пророку. Я был мучим на протяжении месяца чудовищным ужасом и восторжествовал. Для меня земля превратилась в мечеть и беспорочное место; каждый прилежащий ко мне, где бы ни застал его молитвенный час, там может и молиться. Мне дано позволение брать добычу, чего не удостоился ни один из моих предшественников. Я получил дар заступничества. Пророки, предшествовавшие мне, посланы были лишь к своим народам. Я же был послан всему роду людскому". И еще сказал Пророк: "Я был послан с мечом перед Днем воскресения, дабы все люди служили одному лишь Аллаху, и никому более. Где падает тень моего копья, там я черпаю силы. Те, что воспротивились моим приказаниям, низвергнуты были в пучину упадка и унижения. Кто желает походить на этих людей, должен почитаться за одного из их числа" (сс. 27,28).

Фэй

Фэй основан на следующих строках из суры *ал-Хашр* ("Соображение"), открытой Аллахом людям во время похода против Бану Надир[2], после битвы

[2] Одно из двух главных еврейских племен Медины, изгнанных Мухаммадом.

при Бадре. Сказал Аллах: "И что дал Господь своему Посланнику в сражении с ними, ради этого не приходилось вам пришпоривать ни коней, ни верблюдов; но Господь дает власть своим Посланникам, над кем пожелает. Господь силен над всем сущим. Все, что дал Господь своему Посланнику из захваченного в войне от обитателей селений, принадлежит Аллаху, и его Посланнику, и ближайшей родне, сиротам, бедным и странствующим..." (Коран 59:6).

Эти приобретения получили имя *фэй*, ибо Аллах забрал их у неверных, дабы вернуть (*афа'а, радда*) мусульманам. Поистине, Аллах создал все вещи этого мира затем лишь, чтобы они помогали служить ему, ибо и человека он создал лишь для того, чтобы тот был ему слугой. Отсюда следует, что неверные, не употребляющие жизнь свою и имущество на услужение Аллаху, утрачивают право владения ими — в пользу верных, преданно служащих Аллаху, коим Аллах и возвращает принадлежащее им; так возвращают человеку наследство, коего он был лишен, хотя бы он никогда перед тем не вступал в права владения.

В этот разряд включается подушная подать (*джизья*), уплачиваемая евреями и христианами; принудительные взносы, взимаемые с некоторых неприятельских стран, либо подарки, которые они предлагают султану мусульман, к примеру, *палладиум (хамл)*, вносимый некоторыми христианскими странами; десятина (*ушр*), коей облагаются торговцы в странах, на территории которых ведется война (*дар ал-харб*); пятипроцентная подать с народов, находящихся под покровительством (*ахл ал-зимма*), когда они занимаются торговлей за пределами своих стран (таковы размеры этого налога, установленные Омаром ибн ал-Хаттабом); платежи, взимаемые с народов Книги, если они пре-

ступают соглашение о покровительстве; земельная подать (*харадж*), первоначально налагаемая лишь на народы Книги, но впоследствии применявшаяся отчасти и к некоторым мусульманам.

К разряду *фэя* относится все государственное имущество, составляющее общее владение мусульман и не принадлежащее никому в отдельности: наследства, оставшиеся без наследников, конфискованные товары, ссуды и заклады, чьих владельцев не удалось найти, и вообще все мусульманское движимое и недвижимое имущество, не имеющее владельцев. Вся собственность такого рода входит в общинное владение мусульман (сс. 35,36).

Что касается лиц, "чьи сердца должны быть завоеваны" [с помощью даров], то таковыми могут быть и неверные, и мусульмане. Если это неверные, то с помощью даров можно надеяться достичь неких преимуществ: например, склонить их к обращению в истинную веру или избегнуть какой-либо беды — при условии, что иначе никак нельзя. Если же они влиятельные мусульмане, то можно ожидать, что из этого выйдет та или иная польза, будь то укрепление веры в новообращенном, или обращение одного из приближенных, или поддержка, коей удастся заручиться от них, дабы вынудить *садаку* от других лиц, отказывающихся платить ее, либо нанесение ущерба неприятелю и недопущение ущерба, каковой он хочет нанести исламу, — все это при условии, что добиться перечисленного можно только такой ценой.

Дары эти, коими осыпают могущественных, а малых обделяют, кажутся сходны с дарами, которые по своему обычаю жалуют владыки. Но ведь суть поступка — в намерении *нийя*: если эти дары рассчитаны на то, чтобы служить интересам мусульманской веры и всех мусульман, то они подобны

дарам, пожалованным Пророком и халифами; если же, напротив, за ними стоят побуждения честолюбивые и своекорыстные, то они подобны дарам фараона (с. 51).

Две другие религии, получившие Откровение, сами себя обессилили из-за своей неспособности вполне воплотить себя либо из-за страха, испытываемого их последователями пред лицом тяжких, но необходимых испытаний. А потому эти религии лишились и мощи, и величия в глазах людей, понявших тогда, что они не дадут счастья ни самим себе, ни другим. Двумя этими ложными путями идут люди, которые, обретя веру, не позаботились усовершенствовать ее с помощью всего, что необходимо для ее существования: власти, *джихада*, земных богатств, — либо люди, ищущие лишь власти, обогащения или войны, не ставя себе целью торжество своей религии. Двумя этими путями идут те, что навлекли на себя гнев Господень, и те, что сбились с пути истинного. Одним путем идут христиане, в заблуждении своем сбившиеся с пути истинного; другим же евреи, навлекшие на себя гнев Господень.

Единственный истинный путь есть путь пророков, святых (*саддикин*), мучеников и благочестивых. Сие есть путь пророка Мухаммада, его халифов, сотоварищей, их последователей и наших праотцев, указавших нам путь: *Мухаджиров, Ансаров* и верных второго поколения. Для них уготовал Аллах сады с водами многоструйными, где они пребудут вечно. Се есть высшее торжество (с. 178).

Ибн Таймийя (ум. 1328), цит. по: **172***.

* Здесь и далее жирным шрифтом указаны номера источников по библиографии, имеющейся в конце тома.

5. Джизья и харадж (11-й век)

Подушная подать и земельная подать

Подушная подать и *харадж* суть две подати, которыми Аллах обложил исповедующих многобожие для блага верных и которые имеют меж собой три качества общих и три отличных, не считая многих сложностей правил применения их на деле. Три общих качества таковы: а) обе подати взимаются с многобожников для того, чтобы усилить их подлое положение и их униженность; б) обе увеличивают размеры *фэя*, и собранное поступает тем, кому положен *фэй*; в) срок уплаты обеих приходится на конец года, и раньше этого срока подать не взимается. Отличаются же они друг от друга в трех вещах: подушная подать коренится в Коране, тогда как *харадж* есть продукт личного человеческого усмотрения (*иджтихад*)[1]; первая взимается до тех пор, пока человек упорствует в неверии, и отменяется по обращении его в веру, вторая же должна быть уплачиваема независимо от того, упорствует ли человек в неверии или принял ислам.

Джизья, то есть подать с каждой души, происходит от слова *джаза* (воздаяние или вознаграждение); в этом можно видеть воздаяние, причитающееся с них за их неверие и взимаемое с них с презрением, или вознаграждение нам за то, что мы, щадя их, взимаем его с кротостью. Дань эта проистекает из божественного текста: "Сражайтесь с теми, кто не верует в Аллаха и в Судный день и не запрещает запрещенного Аллахом и его

[1] *Иджтихад* — формальный юридический термин, означающий буквально: "Попытка составить мнение относительно судебного дела или судебного постановления".

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ АРМЯНИН —
МУЧЕНИК ЗА ВЕРУ
Гравюра Ж.де Франсьера по картине Ж.-Б.Ванмура
(1707—1708)

Посланником, с теми, кто не исповедует истинной религии, принадлежа к народу Книги, — пока не дадут откупа не сходя с места и не будут унижены" (Коран 9:29) (сс. 299,300).

Слова "не сходя с места" могут означать либо "независимо от их богатства и состояния", либо что они убедятся в наличии у нас силы и власти, необходимых для взимания дани. Что же до слов "и будут унижены", то это означает либо что их следует презирать и унижать, либо что ими следует править в соответствии с предписаниями ислама.

Всякая власть обязана облагать подушной податью всех исповедующих одну из двух религий Откровения, оказавшихся под нашим покровительством, с тем, чтобы они могли отныне обитать на землях ислама; за вносимый ими откуп они получают следующие два права: чтобы их предоставили самим себе, и право на покровительство, так что благодаря первому их никто не трогает, а благодаря второму они обретают укрытие под нашей дланью...

Как и прочие, арабы подлежат подушной подати. Абу Ханифа[2], однако, оговаривается: "Я не требую ее от арабов, дабы они не стали мишенью для издевок". Так что ни вероотступники, ни неверующие, ни идолопоклонники не вынуждались к уплате ее. Впрочем, Абу Ханифа облагал ею последних, если они были неарабы, но арабов не облагал.

Последователи божественного Откровения суть евреи и христиане, и священные писания их суть, соответственно, Тора и Евангелие (сс. 301,302).

Если кто обращается из еврейской в христианскую веру, он не вправе это делать. Истиннейшее

[2] Ан-Ну'ман ибн Табит ибн Зута Абу Ханифа (ок.767) — ведущий знаток *фикх'а*, богослов, основатель одной из школ мусульманской юриспруденции, *ханфи*.

из двух мнений по этому поводу гласит, что он обязан перейти в мусульманство (с. 302).

Когда с ними [неверными] заключается мирное соглашение на условии, что они будут оказывать гостеприимство странствующим в их землях мусульманам, эта обязанность ограничивается тремя днями и увеличена быть не может. Так поступал Омар с христианами Сирии, вменив им в обязанность принимать на ночлег у себя в доме любого странника-мусульманина и снабжать его обычной пищей, не обязуя их, однако, зарезать овцу или курицу; также и его скоту давать пристанище, но не корм; тем более, что лишь сельские жители приняли на себя это обязательство, а горожане — нет (сс. 304,305).

Контракт о подушной подати содержит две статьи, из которых одну включать обязательно, а вторую желательно. Первая состоит из шести пунктов: а) они не должны ни нападать на Священную Книгу, ни искажать ее; б) не обвинять Пророка в лжеговорении и не произносить слова его с презрением; в) и не обсуждать мусульманскую веру с тем, чтобы порочить ее и подвергать сомнению; г) и не приближаться к мусульманской женщине с намерением вступить с нею в незаконные сношения либо в брак; д) и не склонять мусульманина к отказу от его веры, а также не вредить ни ему, ни его имуществу; е) и не пособлять врагам и не укрывать их лазутчиков. Таковы обязанности, коих они должны строжайше придерживаться и соблюдать их без того даже, чтобы они были специально обусловлены. Если это все же делается, то для того лишь, чтобы данники всегда их помнили, чтобы закрепить ненарушимость обязательств, налагаемых на них, и подчеркнуть, что отныне совершение одного из этих проступков влечет за собой отмену договора,

милостиво с ними заключенного.

Вторая статья, включение коей в контракт не обязательно, но желательно, также состоит из шести разделов: а) им надлежит изменить свое верхнее убранство с помощью особого отличительного знака (*гийяр*) и особого пояса (*зуннар*); б) запретить им постройку зданий более высоких, нежели мусульманские. Их зданиям положено быть той же высоты или ниже; в) запретить им оскорблять слух мусульман звоном своих колоколов (*накус*), чтением своих книг и своими претензиями касательно *Узэйра*[3] и Мессии; г) запретить им принародно пить вино, а также выставлять напоказ свои кресты либо свиней; д) обязать их совершать погребение своих мертвых втайне, без публичных рыданий и стенаний; е) запретить им верховую езду на лошадях, равно чистокровных или смешанной крови, дозволив им, однако, пользование мулами и ослами. Эти шесть предписаний не должны в обязательном порядке содержаться в вассальном контракте, однако если они вошли в условие соглашения, то должны строжайше соблюдаться. Даже и там, где они обусловлены, контракт не расторгается вследствие их нарушения, однако неверных следует всячески принуждать к их соблюдению и подвергать наказанию нарушивших их. Они не подлежат наказанию, если эти предписания не упомянуты в контракте нарочито (сс. 305,306). Если союзники и их данники вступают в сговор, дабы воевать с мусульманами, они с того же часа почитаются врагами, и всех таких воюющих дозволено убивать. Относительно же тех, кто не взял в руки оружия, надлежит установить,

[3] *Узэйр* упоминается в Коране (9:30). Обычно он отождествляется с Эзрой, которого, по утверждению мусульман, евреи считали Сыном Божьим.

взирали ли они на затеваемую войну с одобрением или нет.

Отказ данников платить подушную подать представляет собой нарушение договора, милостиво с ними заключенного. По мнению Абу Ханифа, такой отказ не составляет нарушения, если они не вернулись вдобавок на "землю войны" [*дар ал-харб*]. Подать эта взимается силой, подобно тому как это делается с другими долгами. Им не дозволено возводить новые синагоги или церкви на земле ислама [*дар ал-ислам*]. Не возбраняется, однако, восстанавливать старинные синагоги и церкви, пришедшие в упадок.

Лишь в том случае, когда данники вступают с нами в битву, нарушение ими контрактов влечет за собой дозволение убивать их, грабить их имущество и порабощать их жен и детей. В прочих случаях их следует изгонять с мусульманской земли, выдавая им охранное свидетельство вплоть до того времени, пока они достигнут безопасного места в ближайшей стране, исповедующей многобожие. Если они не пожелают уйти по доброй воле, их изгоняют насильно (сс. 308,309).

Маварди (ум. 1058)

6. Изгнание местных уроженцев с государственных административных постов

Традиции, восходящие к халифу Омару ибн ал-Хаттабу (634—644)

Поэтому сказал имам Ахмад ибн Ханбал: "Ни под каким видом не следует принимать помощи ни от евреев, ни от христиан ни в каких офици-

альных мусульманских делах, например, в сборе подушной подати [*джизья*]". Точно так же Абу Ханифа, ал-Шаф'и и другие законоведы считают, что назначать их на влиятельные и доверительные посты в любой области противозаконно; ибо неверие несовместимо с властью и доверием. Повеление Аллаха "не проси идолопоклонника о помощи" включает в себя помощь в обороне, назначение их управителями, писцами и тому подобное. Слово "помощь" имеет расширительный смысл, а не ограничивается тем или иным случаем. Говоря так, он подкрепляет это положение двумя доводами. Прежде всего, причиной своего отказа просить у них помощи он называет их идолопоклонство, и причина эта в равной мере достаточна для отказа от всех просьб такого рода. А во-вторых, коли уж он не просил их помощи в военных делах, не сулящих им ни официального назначения, ни повышения в чине, ни доверенной должности, — то тем менее пристойно и правильно было бы это в делах, облекающих их властью и достоинством. Поэтому законоведы согласны меж собой, что нельзя поручать им ни дела управления, ни ключевые должности, ни влиятельные посты в советах; и им не дозволяется строить дома свои выше, чем мусульманские, и приветствовать их первыми не должно. При встрече с верным на дороге им надлежит отойти на самое узкое место. Из дальнейшего явствует, что запрет обращаться к ним за помощью имеет самый расширительный смысл и распространяется на всех неверных, живущих среди народов Книги. Свое решение Ахмад ибн Ханбал строит на своей вере в Аллаха и его Пророка. Ибо как скоро один из народа Книги провозглашает закон Аллаха и его Пророка неистинным и отказывается подчиниться повелениям, установленным Пророком Аллаха, имя

"идолопоклонник" приложимо к нему.

Аллах говорит об этом так: "Они взяли своих книжников и монахов за господ себе, но не Аллаха, — и Мессию, сына Марии. Им было повелено служить только единому Богу, и нет Бога кроме него. Хвала ему; далек он от того, что хотят видеть в нем" (Коран 9:31).

У нас есть традиция, дошедшая до нас от Абу Бакра ал-Атрама, величайшего знатока традиций; она дошла до нас через посредство имама Ахмада ибн Ханбала и других и приводится в сборнике традиций [последнего] со слов Абу Мусы ал-Аш'ари, а именно: "Вождь верных, Омар ибн ал-Хаттаб, велел Абу Мусе представить ему отчет обо всем, что он получил и что он израсходовал, записанный на пергаменте. А у Абу Мусы был в писцах христианин, и этот человек принес отчет халифу. Омар удивился, что у Абу Мусы служит такой человек, и сказал: "Поистине, человек этот весьма старателен; прикажи ему, пусть прочтет мне из Корана". Но Абу Муса ответил: "Он не пожелает войти в мечеть". "Что он, болен нечистой болезнью?", — спросил Омар. "Нет, — ответил Абу Муса, — он христианин". "Тогда Омар выбранил меня, ударил меня своей рукой по бедру с такой силой, что едва не сломал его, и сказал: 'Никогда не имей дела с христианами, ибо Аллах отдалил их от нас; не полагайся на них, ибо Аллах им не доверяет; и не отказывай им уважения, ибо Аллах унизил их...'".

Му'авийя ибн Аби Суфьян написал Вождю верных Омару ал-Хаттабу следующее: "У меня в округе имеется писец-христианин, без которого я не в состоянии совершить сбор подушной подати. Я не желал бы по-прежнему держать его на службе, не получивши на то твоего одобрения". Омар ответил на это послание так: "Да хранит Аллах нас и тебя в

добром здравии. Я прочел твое письмо касательно христианина. Ответ мой таков. Христианина этого считай как если бы он умер и исчез с лица земли; ни в одной традиции и ни в одном повествовании не сказано, чтобы во времена Пророка, Абу Бакра, Омара, Утмана либо Али идолопоклоннику поручали дела управления" (сс. 418—420).

Некоторые постановления, введенные завоевателями в Сирии-Палестине

Итак, Омар наложил дань на богатых в 48 дирхемов; на людей среднего состояния — 24 дирхема, а на бедных — 12 дирхемов. Он повелел также, дабы христиане не строили новых церквей и не ставили крестов там, где живут мусульмане, и дабы не звонили в колокола вовне, а только внутри своих церквей; [и сказал:] правильно будет, если поделим их жилища между ними и собой, так что мусульмане получат свою долю от них". [Он прибавил:] "Я не доверяю им; я возьму южную часть земель вокруг их церквей под мусульманские мечети, ибо во многих местах они расположены прямо посреди города". И еще им было приказано, дабы не смели гнать своих свиней через мусульманские улицы; и всякому гостю, ежели придет к ним, пусть дают пристанище на три дня и три ночи; а пешего путника пусть перевозят от селения к селению; и пусть дают таковым добрый совет и не смеют с ними дурно обращаться; а к врагам пусть не выказывают чрезмерного расположения". И он сказал далее: "Мы полагаем, что закон не возбраняет нам проливать их кровь и брать в плен их детей и их жен. Таков дух завета и соглашения, заключенного с Аллахом, и мусульманам обеспечена надлежащая защита" (сс. 420,421).

Халиф Омар ибн Абд ал-Азиз (717—720) к имперским управителям

Омар ибн ал-Азиз, вождь Бану Умайя, написал своим наместникам в различных провинциях следующее: "Омар приветствует вас. Он шлет вам слова из Книги Аллаха, смысл которых не подлежит сомнению: 'О вы, кто верует! Все немусульмане суть ничто как сор нечистый. Аллах создал их приверженцами Сатаны, вероломными во всех поступках их, и все устремления их в сей дольней жизни бессмысленны, хотя сами они воображают, будто делают полезное дело. На всех на них разом лежит проклятие Аллаха, ангелов и человека'. Знайте же, что средь ваших предшественников были такие, что погибли оттого лишь, что они не желали признавать истину и послабляли нечестию. Я слыхал о мусульманах прежних времен, что когда они прибывали в некую страну, немусульмане приходили к ним и просили их помощи в городском управлении и в ведении счетных книг, ибо мусульмане — мастера по части счетоводства, сбора податей и ведения торговых дел[1]. Не будет истинного процветания, и настоящее управление невозможно, если пользуются тем, что гневает Аллаха и его Пророка. И ведь были времена, когда неслыханно было, чтобы управитель, узнавши, что в провинции его живет человек, хотя бы лишь один, приверженный к иной религии, нежели ислам, не подверг его примерному наказанию. Аллах положил этому предел, ибо упадок их собственного правления и то подлое положение среди людей, на которое обрек их Аллах, сами по

[1] Эта далекая от истины информация отвечала, видимо, желанию автора, чтобы *зимми* в современной ему общественной администрации были заменены мусульманами.

себе служили к вящему их унижению и умалению. Пусть каждый из вас напишет мне, что он сделал в своей провинции".

Омар Абд ал-Азиз повелел, чтобы и евреям, и христианам запрещалось пользоваться седлами при верховой езде; чтобы ни одному из тех, что принадлежат к "подзащитным народам", не дозволено было входить в общественные бани по пятницам, разве что по окончании всех молитв. Он повелел также поставить надсмотрщика, чтобы следил за евреями, равно как и за христианами, когда они забивают какое-либо животное, каковой надсмотрщик произнесет имя Аллаха и его Пророка (во время убоя). Его наместник в Египте, Хайян, написал ему: "О предводитель верных! Если дело будет продолжаться так, как оно идет ныне в Египте, все "подзащитные народы" скоро станут мусульманами, и тогда нам не достанется от них больше никаких денег [податей]". В ответ на что Омар отправил к нему своего посланного, жесткого нравом, приказав: "Ступай в Египет и отхлещи Хайяна тридцать раз кнутом по голове, в наказание за то, что он написал, и скажи ему: "Остерегайся, о Хайян; кто перешел в мусульманство, с того не спрашивай подушной подати. Я только того и желаю, чтобы все это стадо обратилось в ислам. Право же! Аллах послал Мухаммада проповедником, а не сборщиком податей" (сс. 423,424).

Нази ибн ал-Вазити (был жив в 1292), цит. по **119**.

7. Ограничения, налагаемые на *зимми*

Малик ибн Анас[1] сказал, что непристойно мусульманину обучать христианина арабскому письму и другим вещам. Далее, он не должен посылать детей своих в чужие школы, где бы они обучались иному алфавиту, нежели арабский... Буде *зимми* случится чихнуть, отныне следует ему говорить не "благослови тебя Аллах", но "да обратит тебя Аллах на путь истинный"[2] либо "да поправит Аллах жалкое твое состояние".

Если *зимми* имел преступное сношение с мусульманской женщиной с ее согласия, мнения расходятся касательно того, считать ли посему контракт расторгнутым. Если же, напротив, он взял ее силой, то никакие расхождения мне неизвестны, и действие договора прекращается. Так расторгнуты были соглашения с большею частью *зимми* в Египте, ибо они оскорбляли мусульман и поддерживали, на тот или иной манер, преступные сношения с мусульманскими женщинами[3]. Прочее же известно Аллаху всеведущему.

Если *зимми* отказывается платить *джизью*, то контракт его [*зимми*] расторгается, и все его имущество подлежит изъятию.

Если он оскорбляет Пророка, наказание ему — смерть. Иные спросят, может ли он избежать смерти, обратившись в ислам. Хотя существует в этом вопросе двоякое мнение, представляется, что

1 Мусульманский законовед и имам, основатель *маликийской* школы юриспруденции (ум. 795).

2 Общепринятая форма обращения к *зимми*. Подразумевается: "Желаю тебе перейти в ислам".

3 Тема сексуальной развращенности *зимми* часто повторяется в мусульманской литературе. Древнееврейская пословица гласит: "Кто обвиняет другого, обвиняет его в собственных пороках".

во всех случаях, когда *зимми* приговорен к смерти за нарушение контракта, он может избежать смертной казни, приняв истинную веру.

Если он приобретает раба-мусульманина или Коран, подвергнуть его наказанию.

Малика спросили следующее в отношении книг, в коих содержится Пятикнижие и Евангелие: "Считаешь ли ты, что дозволено продавать эти книги евреям и христианам?" — "Будьте осторожны, — ответил он, — во-первых, кто может быть уверен, что эти книги поистине содержат Пятикнижие и Евангелие? Но и тогда я не думаю, что нам пристойно продавать их и получать за них плату".

Другие *улама* придерживаются мнения, что поскольку ислам отменил все предыдущие религии, непозволительно продавать эти книги людям, кои верят в их заповеди и не признают Коран, заменивший их, даже если эти книги суть подлинное Пятикнижие и Евангелие; но и потому это неприемлемо, что никто не может знать, каков был подлинный текст, ибо сам Аллах сказал: "Они извратили Пятикнижие и Евангелие" (18:510—512).

Ц е р к в и. Традиция гласит, что Пророк объявил так: "Да не будут строиться церкви в мусульманских землях, а те, что придут в упадок, не будут восстановлены". И еще один *хадис* приводят от его имени: "Не будет церквей под исламом".

Омар ибн ал-Хаттаб (благослови его Аллах!) повелел разрушить все церкви, не бывшие до пришествия ислама, и запретил строить новые. Он повелел также, чтобы не видно было крестов за пределами церкви, если же кто носит крест, таковой надлежит сломать над его головой.

Урват ибн Надж отдал приказ разрушить все церкви в Сане (Йемен). Таков закон, данный *улама* ислама.

Омар ибн Абд ал-Азиз пошел еще дальше и распорядился не оставлять нигде в целости ни церквей, ни часовен, будь то древней или недавней постройки. Обычай требует, сказал Хасан ал-Басри[4], разрушать старые и новые церкви в любой стране.

Омар ибн Абд ал-Азиз обнародовал также указы, запрещающие христианам громкое пение в их церквах, ибо гимны их омерзительны Всевышнему. И он запретил им поправлять те части их мест богослужения, кои пришли в упадок. Касательно сего последнего мнения разделились. Когда они восстанавливают наружный вид этих мест, говорит ал-Истахари[5], в этом им следует препятствовать, если же они делают починку лишь внутри, в той части, что принадлежит им, это допускается. Впрочем, Аллах один знает все.

Подушная подать

Улама придерживаются различных мнений относительно *джизьи*. Одни считают, что ее следует определять и начислять соответственно сумме, установленной Омаром ибн ал-Хаттабом, и нельзя ни увеличивать ее, ни уменьшать. Другие же утверждают, что она устанавливается по собственному усердию и рвению каждым имамом, ибо ему принадлежит последнее слово в этих делах. Третьи, наконец, полагают, что хотя и не следует уменьшать суммы, установленные имамом Омаром ал-

[4] ал-Хасан ибн Аби ал-Хасан ал-Басри (642—728) — видный деятель ислама в первом столетии его сушествования, знаменитый своим аскетическим благочестием.

[5] Абу Са'ид ал-Хасан ибн Ахмад ал-Истахари (898—940) — законовед школы *шафии*, живший в Багдаде. Автор книги Адаб ал-Када и других работ по мусульманской юриспруденции.

Хаттабом, увеличивать их дозволено... *Джизья*, собираемая с данников Омаром, исчислялась в сорок восемь дирхемов с богатых, по двадцать четыре с зажиточных и по двенадцать с бедняков, но имаму прилично оказать свое усердие в вере, увеличив взимаемую подать; особенно в наши времена весьма справедливо было бы обложить иных *зимми* годовой податью даже и в тысячу динаров, каковые им вовсе не трудно было бы заплатить при всех тех богатствах, что они заработали на мусульманах. Более того, буде известно станет имаму, что состояния своего они добились уловками и обманом, он должен в тот же час лишить их всех прав собственности. Если же он не вполне убежден в их вероломстве, то ему надлежит войти с ними в долю, забрав себе половину того, чем они владеют, — при условии, разумеется, что они обладали состоянием еще до того, как вступили на посты в общественном управлении (*вилайя*); а если в то время они были бедны и неимущи, то имам должен забрать у них все. Ведь так поступал Омар ибн ал-Хаттаб с египетскими нотариусами, исходя из того соображения, что люди эти разбогатели при отправлении своей общественной должности, хотя доказать их вину не представлялось возможным.

Хвала Всевышнему, единому Богу. Благословение и мир Мухаммаду, и семье его, и сотоварищам (18:513—515).

Ибн Наккаш (ум. 1362)

8. Указ халифа ал-Мутаваккила

В том году ал-Мутаваккил повелел, дабы христиан и всех остальных *зимми* принуждать к но-

шению *тайласанов* (капюшонов) медового цвета и поясов *зуннар*. При верховой езде им надлежало пользоваться деревянными стременами, а сзади к седлу приторачивать по два шара. Он потребовал, чтобы они пришили по две пуговицы к своим *калансувам* (коническим шапкам), — те из них, кто носил такую шапку. И шапки должны быть иного цвета, нежели у мусульман. Далее, он потребовал, чтобы они нашили по два куска ткани поверх своего рабского платья. И цвет нашивок чтоб отличался от цвета платья. Одну нашивку носить спереди, на груди, а вторую — на спине. Размером каждая должна быть четыре пальца в диаметре. И цвета чтобы были также медового. А также и тюрбан того же цвета, если кто из них носит тюрбан. Если какая из их женщин выходит на улицу, то чтоб заворачивалась в медового цвета *изар* (просторное покрывало). И еще он повелел, дабы рабам их носить *зуннар*, а *минтака* (арабский воинский пояс) чтоб надевать не смели.

Он отдал приказание разрушить все их дома богослужения, возведенные по пришествии ислама, и реквизировать одну десятую часть их домов. Буде такой дом достаточно обширен, обратить его в мечеть. Если же он не годится для мечети, то оставить на его месте пустырь. Он повелел им приколачивать к дверям их жилищ деревянные изображения дьявола, дабы отличать их от жилищ мусульман.

Он запретил им поступать на государственную службу и на любые официальные посты, дающие им власть над мусульманами. Детям их возбранялось учиться в мусульманских школах, а мусульманам не разрешалось обучать их. Он запретил ношение крестов по улицам в Вербное воскресенье, а также еврейские песнопения. И приказал могилы их сравнивать с землей, дабы не походили на мо-

гилы мусульман. Обо всем этом он написал своим удельным правителям (сс. 167,168).

ал-Табари (ум. 923), Та'рих ал-Русул ва'л Мулук, цит. по **276**.

9. Зооморфические отличительные знаки (9-й век)

Кади Ахмед ибн Талиб (9-й век) заставил *зимми* носить на правом плече нашивку из белой ткани (*рика*) с изображением обезьяны (для евреев) либо свиньи (для христиан), а также прибивать к дверям их домов доску со знаком обезьяны (с.142).

[Мусульмане поносили христиан за то, что те употребляли в пищу свинину, тогда как мусульмане, как и евреи, считали свиное мясо нечистым. В Коране (2:65) говорится, что евреи за их грехи превращены были в обезьян. См. также: "Кого Господь проклял и на кого прогневался, и обратил иных в обезьян и свиней, и идолопоклонников..." (Коран 5:65). Этот текст, по мнению мусульманских комментаторов Корана, относится к евреям и христианам. *Прим. переводчика на англ. язык* — П.Б.Ф.]

ал-Малики (11-й век), *Риядан-Нуфус* (Нац. Библ. Парижа, Арабские рукописи 2153, Том 52 v), цит. по **154**.

10. Подчиненное положение *зимми* в Севилье (ок. 1100)

Мусульманин не может делать массаж еврею или христианину; ему непристойно убирать их мусор

либо чистить их отхожие места. В сущности, евреи и христиане больше подходят для такого занятия, ибо работы эти унизительны. Мусульманин не должен служить проводником либо конюшим при лошадях, принадлежащих еврею или христианину; не должен служить погонщиком их ослов, а также придерживать стремена для этих людей. Буде мусульманин замечается в нарушении этих запретов, надлежит сделать ему выговор.

Еврею возбраняется забивать животных для мусульман. Можно дозволить евреям открывать собственные особые мясные лавки (с. 110).

Запрещено продавать платье, принадлежавшее прежде прокаженному, еврею либо христианину, не уведомив покупателя о его происхождении; то же относится и к одежде, принадлежавшей некогда развратнику (с. 112).

Еврей и христианин в должности сборщика налогов либо полицейского не смеет носить одежду аристократа, ни законника, ни богача; на делающих это смотреть с отвращением и избегать их. Запрещается обращаться к ним с приветствием "Мир тебе!" (*ас-салам алейка!*). Ибо сказано: "Сатана завладел ими, и заставил их забыть воспоминание об Аллахе. Они приспешники Сатаны, да, приспешники Сатаны, поистине они остались в убытке!" (Коран 58:20). Им надлежит носить отличительный знак, дабы сразу узнавать их, и пусть он будет знаком их позора (с. 114).

Звон колоколов следует запретить на мусульманских землях, и оставить его только в странах неверных (с. 123).

Возбраняется продавать евреям и христианам ученые книги, разве что в этих книгах рассматриваются их собственные законы. В сущности, они перевели множество ученых книг и приписали их

перу своих единоверцев и своих епископов, тогда как на самом деле это труды мусульман! Желательно не допускать еврейских и христианских лекарей к врачеванию мусульман. Поскольку они неспособны проявлять благородные чувства к мусульманам, пусть лечат своих собратьев-неверных; зная, каковы их чувства, можно ли доверять им мусульманские жизни? (с. 128).

Ибн Абдун, цит. по 177.

11. *Джизья* и что она означает: эдикт халифа ал-Амира би-Ахкама Иллаха (1101—1130)

Знайте, что предварительное унижение неверных в этом мире, до перехода в жизнь иную, где оно будет их уделом, почитается за благочестивое деяние; и обложение их подушной податью [*джизья*], "пока они не заплатят откупа своей рукой и не будут унижены" (Коран 9:29), есть обязанность, заповеданная от Бога. Что же до религиозного закона, то он предписывает включать в это налогообложение всех неверных, за вычетом, однако, тех, кого невозможно к этому вынудить; и мы обязаны здесь следовать установлениям мусульманской традиции.

В соответствии с вышесказанным, удельные правители не должны освобождать от *джизьи* ни единого *зимми*, будь он даже видное лицо в своей общине; далее, они обязаны не допускать уплаты подати через третье лицо, даже если плательщик является одним из предводителей своей общины. Уплата подати с помощью векселя, выписанного на имя мусульманина, либо через истинно-верного, коему поручено уплатить ее от имени *зимми*, ни-

коим образом не допускается. Подать должна взиматься от *зимми* лично, дабы унизить его и умалить, и тем возвеличить ислам и народ его, а племя неверных низвести в пучину поношения. *Джизья* должна взиматься с них в полном размере и без всяких исключений.

Все это приложимо к евреям Хайбара точно в такой же мере, что и к прочим. *Хайбари* [жители Хайбара] изображали дело так, будто они не подлежат обложению *джизьей* вследствие соглашения, заключенного ими с Пророком, но это не что иное, как обман, подделка и ложь, каковые легко распознать людям религиозным и ученым. Эти мошенники состряпали эту выдумку, а затем стали ее везде распространять, полагая, что искушенные люди не распознают ее и она будет узаконена мусульманскими *улама*, но Аллах позволил нам разоблачить ложность и беспочвенность притязаний этих мошенников.

Все традиции сходятся в том, и такова истина, что Хайбар был захвачен силой, и что Пророк был полон решимости изгнать *хайбари*, точно как он поступал в других местах с их собратьями, верующими в их Писание. Они, однако, убедили Пророка, что они одни умеют надлежащим образом поливать пальмовые рощи и обрабатывать тамошнюю землю, и Пророк дозволил им оставаться там на положении арендаторов, определив на их долю половину урожая; условие это было недвусмысленное, ибо он сказал им: "Мы позволим вам оставаться на этой земле до тех пор, пока нам будет это угодно". Этим он низвел их в униженное состояние; они остались на земле и обрабатывали ее на этих условиях; и им не дано было послаблений, ни особых преимуществ, каковые освобождали бы их от *джизьи* и сделали бы их исключением среди прочих *зимми*...

В том же поддельном сочинении говорится: "Мы освобождаем их от налогов и податей". Так вот, при жизни Пророка ничего подобного не было, да и во времена халифов этого быть не могло, ибо они отличались исключительным благочестием. Когда земли мусульманские расширились и большинство людей обратилось в веру, и среди мусульман появились люди, умеющие обрабатывать землю и поливать финиковые пальмы, Омар ибн ал-Хаттаб изгнал евреев Хайбара с Аравийского полуострова со словами: "Если угодно будет Аллаху продлить мои дни, я непременно выгоню всех евреев и христиан из Аравии и оставлю одних мусульман" (18:475—478).

Ибн Наккаш (ум. 1362)

12. Насильственное обращение в ислам в странах Магриба

К концу своего правления [1198] Абу Юсуф [Абу Юсуф Я'куб ал-Мансур, 1184—1198, Альмохад, правитель Испании и Северной Африки] повелел обитавшим в странах Магриба евреям, дабы они выделялись среди прочего населения своим внешним видом, носить особое синего цвета одеяние с рукавами столь длинными, чтоб они свисали до самых пят, а также вместо тюрбана надевать головной убор, формой своей напоминающий скорее вьючное седло, нежели шапку. Этот наряд стал обязательным для всех евреев Магриба и оставался таковым вплоть до конца правления Абу Юсуфа и до начала правления его сына Абу Абд Аллаха [Абу Мухаммад Абд Аллах ал-Адил Справедливый, 1224—1227]. Сей последний сделал им послабле-

ние, уступая мольбам евреев, беспрерывно взывавших ко всем, кто только по их мнению мог за них походатайствовать. Абу Абд Аллах приказал им носить желтые одежды и тюрбаны, каковые одежды они носят и по сей 621-й год [1224]. Сомнения Абу Юсуфа в искренности их обращения в ислам заставили его принять эту меру и принудить их к ношению особого платья. "Будь я убежден, — сказал он, — что они истинно стали мусульманами, я позволил бы им раствориться в прочем населении при посредстве браков и тому подобного; с другой стороны, будь у меня улики к тому, что они остались неверными, я бы вырезал их всех до единого, поработил бы их детей и забрал их имущество в пользу верных" (сс. 264,265).

ал-Марракуши (ум. 1224)

13. Евреям и христианам запрещается занимать почетное положение в обществе

Рассказывают о нем [Ибн Фадлан, ум. 1233], что будучи назначен инспектором по финансовым делам *зимми*, он отправил следующее послание Халифу Насиру ад-Дин Аллаху [ум. 1225]: "Учение школы *шафии* гласит, что религиозные принципы не запрещают увеличения подати, взимаемой с *зимми*, т.е. с евреев и христиан, за право обитать в Багдаде и пользоваться преимуществами жизни в этом городе; общая сумма этой подати, однако же, не должна [по закону] быть менее одного динара. Строжайше запрещено принимать менее этой суммы, но ничто не препятствует взиманию подати вплоть и до ста динаров, по обстоятельствам, а в иных случаях похвально и удвоить эту

сумму. Ныне же закон применяется к ним без учета их положения и состояния, а порой налагаемая на них подать даже сокращается. Иные из них находятся на службе правительства (*диван*) и получают недурное жалование, не говоря о богатствах, украденных ими у султана и его подданных, и о деньгах, получаемых ими в виде чаевых и подарков. Бывает, что один из них тратит за день столько же, сколько уплачивает ежегодной подати. Да вдобавок они пользуются чрезмерной свободой, чрезвычайным почетом и уважением превыше тех, кои оказываются видным людям среди мусульман. Твой покорный слуга и прочие служащие казначейства лично были свидетелями того, как Ибн ал-Хаджиб уволил Ибн Хаджраджа с тем, чтобы назначить на его место Ибн Затину [христианина].

Как мы знаем, Али запретил допускать *зимми* в наши советы, запретил [нам] сопровождать их похоронные процессии, посещать их больных и приветствовать их первыми. Ибн Махди и другие уже советовались со мной касательно назначения Ибн Савы на пост инспектора в Ал-Вазит [Ирак]. Я ответил, что такое строжайше запрещено. Я рассказал ему историю про Омара ибн ал-Хаттаба, которому Абу Муса ал-Аш'ари представил отчет, только что присланный ему из провинций. Омар был доволен отчетом и спросил, кто составил его. Омар сидел в мечети, и Абу Муса отвечал: "Вон тот человек в дверях мечети". Омар спросил: "Почему же он не войдет; что он, болен нечистой болезнью?" "Нет, — последовал ответ, — он христианин". Омар пришел в ярость, вскричав: "Как, ты приближаешь к себе тех, кого Аллах отринул? Ты доверяешь тем, кого Аллах обвинил в вероломстве? Ты возвышаешь тех, кого Аллах унизил?" Ибо они [*зимми*] не могут занимать посты в странах ислама.

Далее, они пользуются в Багдаде почетом и уважением, каких они не видывали ни в одной иной стране, так что сколько бы мы не увеличивали взимаемую с них подать, состояние их ничуть не уменьшится. Среди них есть врачеватели, получающие значительные доходы, ибо они посещают дома знатных и высокопоставленных особ, а те взяли себе за обычай давать им вознаграждение сверх установленной платы за визит. Более того, эти люди не воздерживаются от ношения нарядного платья, они накапливают обширные состояния и предаются публично мерзким ритуалам во время своих празднеств, а при этом профанируют доброе имя врачебной профессии. И вот мы видим, как их молодые люди, едва усвоившие горстку знаний, меняют свои одежды, надевают большие тюрбаны и выставляют свои столы в проезжих местах, где и сидят, окруженные всеми своими инструментами, дабы создать себе репутацию и начать ходить по домам. Другие занимаются аптекарским делом. Они употребляют неправильные весы и меры и таким способом загребают огромные прибыли, в убыток мусульманским торговцам. Третьи называют себя золотых дел мастерами и выдают бронзу за золото. Где только можно, они подделывают серебро, а менялы их делают фальшивые деньги. Они вступают в дружбу с мусульманскими мужчинами и женщинами и тратят огромные деньги на удовлетворение своих прихотей, своего сластолюбия, пристрастия к удобствам и чревоугодия, меж тем как в прошлые времена они обязаны были выказывать свою униженность ношением особого отличительного знака [*гийяр*], как того требует закон ислама.

Омар ибн ал-Хаттаб писал своим удельным властителям, чтобы те заставляли *зимми* брить головы, носить свинцовые и железные печати на шее,

сидеть в седле только боком, носить особые пояса на талии, отличавшие их от мусульман.

Так было это во времена халифов; последним же, кто неуклонно вынуждал их к выполнению этих обязанностей, был халиф ал-Муктадир би-Амраллах[1], следивший за соблюдением законов, общепринятых во времена ал-Мутаваккила. Он повелел им носить колокольцы на шее и вешать на дверях деревянные изображения, дабы отличить их дома от мусульманских. Дома их не могли равняться высотой с домами мусульман. Он заставил евреев носить нашивки и желтые тюрбаны, а еврейские женщины обязаны были надевать желтые покрывала и туфли разного цвета, одну белую, другую черную. И им запрещено было входить в общественные бани иначе, как с железной цепью на шее. Христианам же положено было носить черные или серые одежды, особый пояс и крест на груди. Им не дозволялось ездить верхом на лошадях, а только на мулах либо на ослах без седел, и только сидя на них боком. И хотя все это теперь позабыто, подать, налагаемая на них, ничуть не увеличилась, меж тем как в большинстве [мусульманских] стран они по-прежнему обязаны носить [отличительные] знаки и заниматься лишь самыми унизительными работами. Так, например, в Бухаре и в Самарканде *зимми* чистят отхожие места и сточные канавы и выносят мусор и отбросы. В провинции Алеппо, ближайшей к нам, они также по-прежнему обязаны носить нашивки. Более того, закон ислама требует, чтобы во время уплаты подушной подати вносящий деньги стоял, а принимающий их — сидел. Первый вкладывает их в руку второго, причем рука мусульманина должна быть сверху, а рука *зимми* — снизу. Затем этот последний

[1] Халиф династии Аббасидов, правил в Багдаде в 908—932 гг.

вытягивает вперед бороду, и мусульманин дает ему пощечину со словами: "Плати свой взнос Аллаху, о враг Аллаха, о неверный". Ныне же бывает и так, что иные из них не являются к сборщикам собственной персоной, но посылают вместо себя посыльных.

Что же до сабеян, недвусмысленных идолопоклонников, живущих в провинции ал-Вазит [Ирак], то они не суть *зимми*, хотя и были таковыми в прошлом[2]. Когда халиф ал-Кахир Биллах вопросил Абу Са'ада ал-Истахари, Шафи'ита, относительно их положения, тот объявил, что пролитие их крови дозволяется законом, и отказался брать с них подушную подать. Прослышав об этом, сабеяне дали ему взятку в 50000 динаров, и он оставил их в покое. И вот теперь они не платят даже подушного, и ничего с них не требуется, хоть бы они и находились под владычеством мусульман. Да свершится воля султана!

Ибн ал-Фувати (ум. 1323)

[2] В исламском законе существует некоторое расхождение относительно того, обладают ли сабеяне Писанием и, следовательно, могут ли они считаться *зимми*.

14. *Зимми* в странах Магриба и в Египте (1301)

В месяце раджаб ал-фард 700-го года [1301] визирь Гарба [в Магрибе], отправляясь в паломничество, прибыл в Каир и там встретился с султаном ал-Маликом ан-Насир Мухаммадом ибн Кал'уном [годы правления: 1294, 1299 и 1309—1314], с его губернатором эмиром Салларом и с эмиром Рукн ад-Дином Байбарс *ал-Джашангиром*, которые жаловали его великолепными дарами и принимали его

с великим почетом. Они обсудили с ним положение евреев и христиан в его стране, где люди этого сорта содержались в узах унижения и пренебрежения. Так, им не дозволялось ездить верхом, ни участвовать в делах общественного правления. Далее визирь изъявил свое неодобрение относительно того, что в Египте *зимми* носят пышные одежды и ездят верхом на мулах и дорогих конях и почитаются достойными самых высоких должностей, обретая тем самым власть над мусульманами. Он прибавил, что срок действия акта о их покровительствуемом положении (*зимма*) истек в 600-м году хиджры [1203], приведя также множество других возражений подобного рода.

Слова его оказали сильное воздействие на правителей, и в особенности на эмира Рукн ад-Дина Байбарс *ал-Джашангира* и на других эмиров. Они единодушно решили, что мусульманская религия значительно укрепится, если и в Египте возобладают подобные же условия. А потому в четверг, 20-го числа месяца раджаба, они собрали всех христиан и евреев и уведомили их, что отныне они не смогут состоять ни на административных постах, ни на службе у эмиров. Им надлежало сменить тюрбаны: христианам на синие, и вдобавок носить особые пояса (*зуннар*), а евреям — на желтые. Так христиане и евреи Каира и всего Египта были безжалостно отброшены в прошлое. Напрасно пытались предводители обеих общин добиться отмены постановления, напрасно взывали они к мужам, известным своим благочестием, к влиятельным лицам и высоким сановникам, даже предлагая им значительные суммы. Предложения эти никоим образом принимаемы не были, напротив, в ответ указы соблюдались еще неуклоннее. На эмира Рукн ад-Дина Байбарс *ал-Джашангира* возложена была ответственность за

исполнение их. Церкви в Мисре (старый Каир) и в Каире были закрыты, порталы их заколочены и запечатаны. К двадцать второму числу месяца раджаба все евреи носили желтые тюрбаны, а христиане — синие; если же они ездили верхом, то обязаны были подгибать одну ногу под себя. Далее, *зимми* отстранены были от всех дел общественного правления и смещены со всех постов, занимаемых ими при эмирах. Затем им воспрещено было ездить верхом на лошадях и мулах. Впоследствии многие из них обратились в мусульманство, и главный из них — Амин ал-Мулк *Муставфи ас-Сухба.*

Султан распорядился разослать указания во все недавно присоединенные провинции, где имелись принадлежащие евреям и христианам дома, буде они возвышаются над домами окружающих мусульман, то сравнять их высотой с последними. Далее, все *зимми* — владельцы лавок, по соседству с коими находилась лавка мусульманина, обязаны были опустить глубже в землю свои *мастаба* [цокольные этажи], дабы те были ниже, чем в лавках у мусульман. Кроме того, султан советовал следить за неуклонным ношением отличительных нашивок *(гийяр)*, как того требовал древний обычай.

Посланник *(ал-барид)* привез эти распоряжения в Дамаск первого числа месяца ша'абана, и в следующий понедельник, седьмого числа того же месяца, законы *шурут*, т.е. "условия", налагаемые на *зимми* города Дамаска, зачитаны были в присутствии султанского *на'иба*, эмиров и кади. Эмиры решили отстранить *зимми* с занимаемых ими постов и обнародовать указы, по которым им запрещалось ездить верхом на лошадях либо на оседланных мулах. Двадцать пятого числа того же месяца объявлен был эдикт наместника, повелевающий *зимми* носить отличительные головные уборы: христианам

— синего цвета, евреям — желтого, а обитателям Самарии [самаритянам] — красного. К исполнению его принуждались все неуклонно, так что к следующему воскресенью все евреи надели головной убор предписанного цвета. Поистине, прекрасное было зрелище! За ними последовали христиане и самаритяне, хвала и слава Аллаху!

Затем началась работа по разрушению их церквей, главным образом в Каире. По этому случаю *улама*, законоведы и *кади* собрались на совет, и рассказывают даже, что *кади* Ибн ар-Рафа'а, *на'иб* [верховного] судьи Египта, приготовил уже *фетву*, позволяющую разрушать церкви. Однако же, после долгих рассуждений и жарких споров по этому предмету на совете *улама*, встал *кади ал-кудат* [глава судейских чиновников Египта] Таки ад-Дин ибн Дакик ал-Ид[1], и предъявил *фетву*, в которой говорилось, что церкви следует трогать лишь в том случае, когда доказано, что они построены были недавно, и если это установлено с точностью, то их должно разрушать. Со своей стороны [Ибн Наккаш] полагаю, что сия *фетва* есть ошибка этого *кади ал-кудат* (да смилостивится над ним Аллах). К тому же известно, что ему недоставало глубины в знании традиций и в знакомстве с порядками, устанавливаемыми во времена захвата мусульманами стран неверных, покоренных силой либо сдавшихся добровольно. Во всем же прочем — в понимании, объяснении и глубоком толковании различных выражений (Корана и Сунны) — шейх Таки ад-Дин подобен был океану, глубины коего, как гласит пословица, никому не дано измерить (18:482—490).

Ибн Наккаш (ум. 1362)

[1] Таки ад-Дин ибн Таймийя (ум. 1328) — ведущий правовед школы *ханбали*.

15. Синагоги и церкви

В начале 19-го века, по закрытии храмов зимми, правоведа Ибн Таймийю спросили, что он думает по этому поводу.

Каково твое мнение (да будет Аллах к тебе милостив!) относительно синагог в Каире и других местах, закрытых по распоряжению властей, против чего евреи и христиане возражают, говоря, что это противозаконно, и требуют вновь открыть их, с каковой целью они настаивают на вмешательстве султана (да охранит, защитит и убережет его Аллах!)? Следует ли отвечать на их просьбу положительно или нет, ибо, по их словам, эти синагоги и церкви — древней постройки и стоят со времен предводителя верных Омара ибн ал-Хаттаба и других? Они просят оставить их в том состоянии, в каком они были при Омаре и других халифах, и утверждают, что закрытие этих храмов противно установлениям благочестивых халифов, *"хулафа ар-рашидин"*[1].

Ответ Ибн Таймийи: Относительно их утверждения, будто мусульмане поступили противозаконно, закрыв эти *кана'и* [места богослужения], то оно ложно и прямо противоречит общепринятому мусульманскому взгляду на вещи. На самом же деле, ученые всех четырех мусульманских школ юриспруденции — *малики, ханфи, шафии* и *ханбали* — и имамы прошлых времен, такие, как Суфьян ат-Таври[2], ал-Ав-

[1] Первые халифы ислама: Абу Бакр, Омар, Утман и Али (632—61).

[2] Абу Абдалла Суфьян ат-Таври (8-й век) — знаменитый теолог и аскет.

за'и[3], ал-Лайит ибн Са'ад[4] и другие, а также сотоварищи Пророка и их последователи (да благословит их Аллах!) единодушно провозглашают, что будь на то воля имама, он может разрушить все синагоги и церкви на землях верных, таких как Египет, Судан, провинции Евфрата, Сирия, не совершая ничего противозаконного, и ему следует повиноваться. Кто же воспротивится его усердию, тот преступит завет Аллаха и повинен будет в страшном грехе. Далее, их утверждение, будто синагоги эти и церкви существуют со времен Омара ибн ал-Хаттаба, и будто "благочестивые халифы" оставили их во владении *зимми*, опять же есть ложь. Непререкаемая традиция гласит, что Каир был основан не менее трех веков по смерти Омара ибн ал-Хаттаба, после Багдада, Басры, Куфры и Вазита. А мусульмане сходятся во мнении, что евреям и христианам запрещено строить синагоги и церкви в городах, основанных мусульманами.

Даже в тех случаях, когда противник сдавался мусульманам без боя и с ним заключалось мирное соглашение, дозволяющее евреям и христианам сохранять свои места богослужения, даже и тогда Омар ставил условием, чтобы новые синагоги и церкви не строились на покоренных землях, и уж никоим образом не в городах, основанных мусульманами. В тех же землях, кои захвачены были силой (например, Месопотамия и Египет, не пожелавшие капитулировать перед мусульманами) и где мусульмане построили свои города, они вправе уничтожать уже существующие синагоги и церкви, дабы ни синагог, ни церквей не оставалось

[3] Абу Амр ал-Авза'и (8-й век) — ведущий представитель аскетической школы религиозного права.

[4] ал-Лайит ибн Са'ад (8-й век) — знаменитый теолог.

там вовсе, разве что дозволение дано было особым контрактом (сс. 9,10).

Ибн Таймийя (ум. 1328), цит. по **258**.

16. Места богослужения, одежда и поведение *зимми*

Всякий, кто уверен, что молиться в синагоге либо церкви есть премерзкое деяние, верит также, что они суть вместилища неверия и многобожия. Поистине, мерзостностью они превосходят бани, кладбища и навозные свалки, ибо они суть места Божественного гнева. Точно так же, не запретил ли Пророк молиться в земле вавилонской, сказав: "Она проклята", а потому воздержание от молитвы там оправдано этим проклятием? Воистину, проклятие и гнев Божий преследуют эти места, и немилость нисходит на собирающихся внутри их. Как сказал один из сотоварищей Пророка, "избегай евреев и христиан во дни их празднеств, ибо гнев нисходит на них в это время". И не суть ли места эти — пристанища недругов Аллаха, поклонение же Аллаху не следует отправлять в домах его недругов? (сс. 56,57).

Им [христианам] запрещено звонить в колокола принародно, а только в глубине их церквей, где никто этого не слышит... ибо звон колоколов есть боевой клич неверия, а также внешний его признак... Малик ибн Анас сказал: "Когда раздается звон колоколов, гневается Всемилостивый, и тогда ангелы разлетаются ко всем четырем концам земли и поют: "Скажи — Он Един", пока гнев Господень не утихнет" (сс. 59—61).

Пусть звон колоколов звучит только внутри цер-

квей, с тем, дабы постепенно они вышли из употребления. Ведь обычно колокола подвешиваются в колокольне, и звон их разносится вширь и вдаль. Если же они вынуждены будут звонить только внутри церкви, никто не услышит их и не обратит внимания, и они выйдут из употребления вовсе, ибо перестанут служить своему назначению... Воистину, Аллах отверг звон христианских колоколов и звук еврейского шофара — бараньего рога, и заменил их призывом к единобожию и благочестию... Он возвысил голос ислама в знак истинного предназначения и поверг в немоту и безвестность голос неверных, и он заменил их колокол [мусульманским] призывом к молитве так же, как он заменил сатанинское Писание святым Кораном (с. 62).

Отличительное платье

"Унижение и поношение да будут уделом тех, кто ослушается моего слова". *Зимми* более всех непослушны его повелениям и упорствуют против его слова; а потому приличествует унижать их, вынуждая к отличию в облике и манерах от мусульман, коих Аллах за их покорность ему его Пророку возвысил над ослушниками. Этих последних он унизил, умалил и отметил печатью презрения, так, чтобы их легко было отличить по внешнему виду. О том, что их следует вынуждать к ношению отличительного знака [*гийяр*], ясно говорится в речении Пророка: "Того из людей, кто сходен с ними [*зимми*] видом, почитать за одного из их числа"... Неверного следует принуждать к тому, чтобы он во всем походил на своих собратьев, так что мусульманин сразу узнает его. Ибо разве не сказал Пророк: "Всадник должен первым приветствовать пешего, пеший — сидящего, и одиночка

— собрание... приветствовать же первым христианина либо еврея запрещено. Если один из них приветствует нас [мусульман], то мы отвечаем тогда: "И тебе"[1]. Если таков обычай ислама, то надлежит принудить *зимми* к ношению особого платья, дабы легко было распознать его и достойно соблюсти обычай, ибо мусульманин увидит, кто приветствует его. Мусульманин ли он, заслуживающий пожелания мира, или *зимми*, недостойный такого пожелания?... Особое платье служит также и иным целям. Он [мусульманин] узна́ет по платью, что этому человеку не следует выходить навстречу, и не сажать его среди мусульман, и не целовать ему руку, и не вставать перед ним, и не обращаться к нему со словами "брат" или "господин", и не желать ему успеха и почета, как это принято между мусульманами, и не уделять ему от мусульманской милостыни, и не призывать его в свидетели, равно обвинения или защиты, и не продавать ему раба-мусульманина, и не давать ему книг, касающихся религии и законов ислама. А не будь этих запретов, с ним обращались бы так, как приличествует обращаться только с мусульманами (с. 81).

Тюрбан венчает голову араба... Тюрбаны не суть убранство сынов Израиля, но только арабов. Абу Касим сказал: "*Зимми* воспрещается надевать тюрбан, ибо нет ему почета на земле ислама, и потому не его это головной убор" (с. 84).

Строжайше запрещено употреблять по отношению к *зимми* обращение "сударь" либо "госпо-

[1] Т.е. опуская слово "мир" в ответе на традиционное приветствие "мир тебе". Кроме того, *зимми* обвинялись в злокозненных чувствах против мусульман. Таким образом, формула "и тебе" должна была обезвредить все проклятия, которые, как подозревалось, могли содержаться в приветствии *зимми*. См. также док. 20 и 35.

дин", как сказано в *хадис*: "Не называй неверного "господин", ибо если он твой "господин", ты прогневал Господа". И также не дозволяется называть его "слава государства", "опора государства"[2] и прочее. Даже если один из них носит такое звание, мусульманин не должен так к нему обращаться. К христианину следует обращаться со словами: "эй ты, христианин", либо "эй ты, крест", а к еврею со словами: "эй ты, еврей" (с. 115).

Зимми обязан с почтительностью обращаться к мусульманским собраниям, выказывая им уважение и смирение. Он не смеет вводить их в заблуждение, не надлежит ему также являться им на глаза без их дозволения. И он не смеет вести себя перед ними без должной вежливости и любезности. Он должен приветствовать их, как приветствовал бы своих собратьев. В их присутствии он не должен обнажать ноги либо повышать голос (с. 118).

Пренебрежение этими законами либо подмена их другими, даже и одобренными религиозными властями, есть упущение со стороны того, кому Аллах поверил истину, и победа врагов Аллаха. Ибо как только им дозволяется выказывать свое неверие и выходить из своего униженного состояния, тем самым происходит поношение религии Аллаха, его Пророка, его Книги и всех мусульман... проявления сего, приводимые нами, подтверждают, что *джихад* есть наша неуклонная обязанность дотоле, пока слово Аллаха не воцарится превыше всего, и пока все не примут религии Аллаха [ислам], пока религия Аллаха не восторжествует над всеми религиями и все они не станут платить дань, будучи умалены и принижены (сс. 236,237).

Ибн Кайим ал-Джавзийя (13-й век)

[2] Почетные титулы, даваемые видным сановникам.

17. Смещение чиновников-христиан с их постов в Египте (1419)

Седьмого дня месяца джумада 1122 года (1 июня 1419) султан Египта (Малик Му'айяд Абу Наср)[1] повелел христианскому патриарху предстать перед ним в присутствии кади и знатоков закона. Не позволив ему сесть, султан осыпал патриарха хулой и пинками и выбранил его за те унижения, коим царь Абиссинии подвергал мусульман, и угрожал ему смертью. Затем призван был начальник полиции Каира, шейх Садр ад-Дин Ахмад ибн ал-Аджами, коему сделан был выговор за то, что христиане в городе выказывают презрение к законам, касающимся их [особой] одежды и внешнего облика. По длительном обсуждении сего предмета решено было султаном и знатоками закона, что ни один из этих неверных не будет долее состоять на службе правительства либо при эмирах; не смогут они также уклоняться от мер, отмечающих их униженное положение. Тогда султан велел привести к нему Ал-Акрам Фада'ила, христианина, секретаря визиря, сидевшего несколько дней в тюрьме; он был избит, раздет догола и проведен с позором по улицам Каира в сопровождении начальника полиции, возглашавшего: "Такова награда христианам, состоящим на правительственной службе!" Затем он был брошен обратно в темницу.

И так основательно осуществил султан эти меры, что во всем Египте более не найти было христианина, состоявшего на службе управления. Эти неверные, а также евреи, вынуждены были сидеть по домам, уменьшить размеры своих тюрбанов и уко-

[1] ал-Малик Сайфад-Дин — мамелюкский султан Египта, из династии Бурджи (1412—1421).

ротить рукава своих одежд. Всем им возбранялось ездить верхом на ослах, так что стоило [простым людям] увидеть едущего верхом христианина, они бросались на него и отнимали его осла и все, что у него было. Не могли они также ездить и верхом на лошадях, кроме как вне пределов города Каира. Христиане всячески пытались вернуть себе посты и предлагали за то большие суммы денег; однако же, несмотря на поддержку, оказываемую им писцами-коптами, султан не уступил их мольбам и не отменил введенных им запретов.

И вот я думаю: может статься, что за это деяние Аллах простит ал-Малику ал-Му'айяду все его грехи! Ибо, поступив так, он поистине сделал великое дело для ислама, поскольку предоставление официальных должностей христианам есть одно из величайших зол, приводящее к возвеличению их религии, ибо большинству мусульман приходится обращаться к ним по разного рода делам. И каждый раз, когда у мусульманина есть дело, зависящее от такого должностного лица, он вынужден обращаться к нему униженно и почтительно, будь то христианин, еврей или самаритянин (сс. 115,116).

И потому эдикт, изданный этим султаном, равносилен вторичному покорению Египта; так превознес он ислам и принизил неверие, каковому деянию нет равно похвального в глазах Аллаха (с. 117).

Ибн Тагрибирди (ум. 1469), *Наджум* (Нац. Библ. Парижа, Арабские манускрипты 1783, том 159 ff, цит. по 82).

18. Презрительные и похвальные отзывы о *зимми*

(Ал-Магили) (ум. 1504) выказывал непреклонную твердость в поддержании добра и искоренении зла. Он считал, что евреи (да падет на них проклятие Аллаха) не имеют долее права на положение подзащитного меньшинства (*зимма*); право это они потеряли по причине их близости к мусульманским правящим кругам. Такое их участие в делах правления несовместимо с унижением и презрением, сопровождающим уплату *джизьи*. Довольно того, если один из них (или целая прослойка) преступит границы установления, чтобы установление это потеряло силу для них всех. (Ученый муж) объявил, что закон позволяет пролитие крови евреев и разграбление их имущества, и утверждал, что подавление евреев есть самый неотложный долг, настоятельнее, нежели в отношении всех иных неверных. Он написал книгу об этом предмете, некоторые разделы которой возбудили несогласие большинства законоведов того времени, в том числе шейха Ибн Закри[1] и других (видных лиц). Последовал длительный ученый спор. Работа его достигла столичного города Феса, где была тщательно исследована юристами. Одни отнеслись к ней с пренебрежением, другие с беспристрастием (сс. 806,807).

Ибн Аскар (ум. 1578), *Давхат ан-насир*, цит. по **296**.

[1] Ахмад ибн Закри — мусульманский юрист (ум. 1500).

Еврейские законы, касающиеся пищи

Начни мы обсуждать тайны законов, установленных для них [евреев] Моисеем касательно пищи, или рассматривать их праздники и обряды, определенные им их пророком, и великие божественные таинства, сокрытые в них, боюсь я, что тем самым введем мы невежественных в заблуждение, и они покинут нашу веру, ибо не ведают ее тайн. А потому мы поостережемся раскрывать секреты богопочитания народа Книги, и поведем речь о том, что превыше их, то есть о таинствах религии ислама... ибо религия Магомета совершеннее всех иных, и народ его благороднее иных народов.

ал-Джили (15-й век)

Скромность зимми и покровительство им (16-й век)

Посмотрите, с какой скромностью они (*зимми*) ведут себя в присутствии самых даже простых людей, и вы заметите, что манеры их изысканнее и благороднее манер большей части *улама*. Они не считают за обиду, если при входе в собрание никто не уступает им места. Если им подают напиться воды, замутненной руками детей, рабов или нищих, они принимают это спокойно и, напротив, почитают себя недостойнейшими из людей. Когда им позволяют присоединиться к беседе, они видят в этом одолжение. Они садятся опустив голову, с робостью, прося Аллаха скрыть от присутствующих их греховность. Это ли не истинные качества ученого мужа, ибо губительна ученость, если она не способствует смирению обладающих ею (с. 29).

Аш-Ша'рани (ум. 1565), цит. по **263**.

Мы дали обет, что никто из наших собратьев не станет причинять вреда *зимми* — разумеется, никто из мусульман, — особенно, если он читает ежедневные молитвы и тем самым находится под покровительством [*зимма*] Аллаха. Ибо причинять вред тому, кто прочел свои ежедневные молитвы, равносильно пренебрежению покровительством Аллаха, от чего упаси Господь. Остерегайся причинять ему какой-либо вред. Если, однако, он первый причинил тебе вред, тогда можно сказать, что нападающий на тебя заслуживает достойного отпора, но лучше все же выказать терпение во имя того, кто покровительствует ему. Случись так, что султан уведомил бы тебя, что некое лицо поступает на время под его покровительство, разве не счел бы ты необходимым не только воздерживаться от нанесения ему вреда, но и почитать его? Так следует обращаться со слугой Аллаха (том 70а).

Аш-Ша'рани, цит. по **263**.

19. Как надлежит взимать подушную подать

В день уплаты надлежит собрать их в общественном месте, например, на базаре. Там заставить их ждать, стоя в самом низком и грязном месте. Собирающие дань представители закона, сидящие на возвышении, должны принять угрожающую позу, дабы *зимми* и все прочие почувствовали, что цель наша — унизить их, делая вид, будто мы намерены отнять у них их имущество. Они поймут, что мы [снова] оказываем им милость, принимая от них *джизью* и [за это] отпуская их живыми. Затем, одного за другим, подтаскивать их [к чиновнику] для взимания подати. Во время уплаты *зимми* получает пощечину, и его отбрасывают в сторону так, чтобы

он думал, что ценой этого [оскорбления] он избежал удара саблей. Так поступают и будут поступать последователи Аллаха, от первого до последнего поколения, со своими нечестивыми недругами, ибо могуч Аллах, и его Пророк, и верные (с. 811).

ал-Магили (ум. 1504), *Ахкам ахл ал-Зимма*, цит. по **296**.

В назначенный день *зимми* — христианин либо еврей — должен явиться собственной персоной, не посылая вместо себя посредника (*вакил*), к эмиру, собирающему *джизью*. Последний должен сидеть на возвышении, походящем на трон; *зимми* выступает вперед, держа свою дань на ладони протянутой руки, сановник же берет ее таким образом, чтобы рука его была сверху, а рука *зимми* снизу. Вслед за тем эмир ударяет *зимми* кулаком по шее; стоящий подле эмира служитель поспешно отгоняет *зимми* прочь; затем выступает второй *зимми*, и третий, дабы подвергнуться такому же обращению, а там и все прочие. Следует допускать всех желающих [мусульман] полюбоваться на это зрелище. Никому из *зимми* не дозволяется посылать вместо себя третье лицо для уплаты *джизьи*, ибо все они должны лично подвергаться этому унижению; как знать, может быть в конце концов они уверуют в Аллаха и его Пророка и тем освободятся от своего мерзкого ярма (19:107,108).

ал-Адави

20. Традиции и отношение к *зимми* (18-й век)

Как сказал Бадр[1] в *ал-Дурар ал-Нафа'ис*, ссылаясь на Абу Убайда[2]:

Мусульманские места обитания основаны были различными путями, в зависимости от местных условий. Так, например, в Медине, Та'ифе, Ямане заключены были мирные соглашения; ненаселенные земли были разграничены и заселены мусульманами, как это произошло в Каире, Куфе, Басре, Багдаде, Вазите, а также во всех селениях, захваченных силой, каковые халиф не счел нужным возвратить тем, у кого они были отняты. Все это — мусульманские места обитания, где подзащитные народы не имеют права выставлять напоказ свои религиозные символы, ни строить церкви, ни выносить на продажу вино либо свинину, ни звонить в колокола. Не должно быть в этих местах новых синагог, церквей, монашеских келий, молитвенных собраний, в чем согласны все ученые знатоки законов. Как уже было сказано выше, наш город, Каир, есть город ислама, основанный после покорения Египта, под владычеством Фатимидов. А потому возбраняется возводить в нем церкви, синагоги и все прочее. Это подтверждено было, среди иных, муфтием ислама, ученейшим Ханафи, шейхом Касимом ибн Кутлубугой[3], учеником ибн ал-Хумама[4]. Книги ученых этой школы единогласно воспрещают постройку церквей и тому подобных принадлежа-

[1] Бадр ад-Дин Мухаммад ал-Карафи (1522—1601), автор работы по юриспруденции — *ад-Дурар ан-Нафа'ис*.

[2] ал-Касим Абу Убайд (ум. 838) — ученый, живший в Ираке.

[3] Касим ибн Кутлубуга (1399—1474) — ведущий египетский ученый школы *ханфи*.

[4] Камал ад-Дин Мухаммад ибн ал-Хумам (ум. 1457) — египетский законовед.

щих *зимми* зданий на любой территории ислама. Как же тогда возможно это здесь, в городе, никогда не знавшем владычества неверных, с самого дня его основания? Пророк, мир ему и благословение, сказал: "Выхолащивания и церкви не будет в исламе". Слово "выхолащивание", *хиса*, есть отглагольное существительное от *хси*, "выхолащивать". Связь между ним и словом "церковь" такова, что возведение церкви на мусульманской земле означает уничтожение мужского начала в людях этой земли, так же, как выхолащивание в прямом смысле есть уничтожение мужского начала в животном, хотя в нашем контексте слово это означает удаление от женщин вследствие приверженности к церкви. Связь очевидна. Говоря "не будет церкви", Пророк подразумевал, что не будет строительства таковых, то есть запрет на постройку церквей на земле ислама, ибо постройка новой церкви на той или иной территории ислама ведет к уничтожению мужского начала в жителях этой земли, что возбраняется так же, как возбраняется лишать мужчину его мужественности путем кастрации (сс. 20,21).

Хотя вышесказанное уже дает понятие о многом, знайте, что так же, как запрещено *зимми* строить церкви, точно так же запрещены им и другие вещи. Они не должны помогать неверному против мусульманина, равно араба и неараба; ни указывать неприятелю на слабые места мусульман, например, на их неподготовленность к сражению. *Зимми* не смеют подражать мусульманам в одежде, носить военный наряд, оскорблять либо бить мусульманина, ставить крест там, где собираются мусульмане; выпускать свиней из своих домов в мусульманские дворы; открыто носить знамена во время своих празднеств; носить оружие либо держать его в доме. Буде они сделают это, их следует наказывать,

а оружие отнимать. Ни еврей, ни христианин не вправе ездить верхом на лошади, будь то с седлом или без седла. Им дозволено ездить на ослах с вьючными седлами. Они не смеют носить *каба* [одеяние с просторными рукавами], шелковое платье, тюрбаны, но должны носить *калансува* [коническая шапка], головной убор, сшитый из лоскутов ткани. Проезжая мимо собрания мусульман, они обязаны спешиться, и верхом им ездить дозволено только в чрезвычайных случаях, таких, как болезнь или выезд за город, и ехать они должны по узкой тропе. Они не смеют перенимать одежду людей ученых и почитаемых, ни носить роскошного платья, шелкового или из тонкого сукна. Они должны отличаться от нас внешним убранством, в соответствии с местным обычаем, но без всяких украшений, дабы обозначить их низкое и подчиненное положение. Ремни их обуви должны быть иные, нежели у нас. Когда же они носят закрытую обувь, без ремней, обувь у них должна быть из грубой, неприятного цвета кожи. Сотоварищи [Пророка] согласились, что все эти меры необходимы, чтобы обозначить униженность неверного и оберегать нетвердого в вере. Ибо видя их в презрении и унижении, он не станет склоняться к их верованиям; если же, напротив, он видит их в обладании властью и почетом, облаченных в пышные одежды, это побуждает его к почтению и склоняет в их сторону, поскольку сам он несчастен и нищ. А ведь почтение к неверному есть неверие.

В *ал-Ашба ва-л-наза'ир*[5] говорится:

[5] Общее название нескольких книг на тему о "систематической структуре позитивного права". Ссылка взята, возможно, из текста Ибн Нуджайма (ум. 1562), автора школы *ханфи*, написавшего ряд работ этого типа.

Почтительность к неверному есть неверие. Приветствующий *зимми* почтительно виновен в неверии. Говорящий *зимми* с почтением "О, господин" виновен в неверии. Это так, ибо они — недруги возлюбленного нашего, Господа Посланников; тот же, кто почитает недруга возлюбленного своего, унижает своего возлюбленного. Поэтому не дозволяется поручать неверным официальные посты. Облекать их властью над мусульманином, уполномочивая их бить его, заключать в тюрьму, помыкать им с целью добиться от него денег, значит превращать их в сборщиков налогов с мусульман, и все это от имени какого-нибудь местного правителя или сановника, каковой, гоняясь за мирскими успехами и пренебрегая наказанием в будущей жизни, не опасается наделять неверных властью над верными. Неверный, поступающий так, нарушил завет [*зимма*] с мусульманами и подлежит смертной казни.

Камал ибн ал-Хумам (ум. 1457) говорит: "Неверный *зимми*, возвысивший себя над мусульманами и желающий повелевать ими, может быть казнен халифом".

Запрещается уделять им почетное место в совете, где сидят мусульмане, и изъявлять им дружбу, и приветствовать их.

Если тебе случилось, сочтя его за мусульманина, приветствовать человека, который на деле оказался *зимми*, возьми свои слова обратно, сделав вид, что он приветствовал тебя первым. Если один из них здоровается с нами, ответом ему будет: "И тебе также", но не более[6]. При обмене посланиями с *зимми*

[6] См. выше, док. 16, прим. 1.

напиши: "Приветствие тому, кто следует правым путем". Но избегай поздравлять их, выражать им соболезнование и посещать их, разве что ты ожидаешь, что посещаемое тобой лицо вскорости обратится в ислам. Если ты поистине на это надеешься, тогда посещай его и восхваляй перед ним ислам.

Неверным запрещено возводить строение выше соседнего, принадлежащего мусульманину, даже если мусульманская постройка очень невысока и мусульманин примирился с высоким зданием неверного. Им запрещается покупать Коран и книги по мусульманскому праву и по пророческим традициям, либо брать такие книги в заклад. И то, и другое недопустимо. Не следует вставать им навстречу, дабы поздороваться с ними, как уже упоминалось выше. Если ты приветствуешь неверного, идущего в сопровождении мусульманина, обращай свое приветствие к сему последнему, и не рассыпайся в: "Как поживаешь, как дела, как ты себя чувствуешь?" Следует говорить ему: "Пусть ведет и направляет тебя Господь", подразумевая — к исламу. Следует говорить ему: "Да пошлет тебе Господь долгую жизнь, богатство и многочисленных потомков", ибо это означает многих плательщиков подушной подати.

Так же, как при жизни мусульмане должны с первого взгляда отличаться от неверных, так и могилы их должны быть легко отличимы от могил неверных и находиться от них в отдалении (сс. 55—57).

Шейх ал-Даманхури (ум. 1778)

II
РАЗЛИЧНЫЕ СТОРОНЫ ЖИЗНИ ЗИММИ ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦЕВ

ВОСТОК

21. Багдад

Рассказ Обадии (Иоханесса) Нормана, новообращенного, уроженца Оппидо в Северной Италии, священника, перешедшего в иудаизм (1102).

Прислужник отвел Обадию, новообращенного, в дом, используемый евреями для молитвы, и ему принесли туда пищу. Затем Исаак, глава Академии, договорился, что Иоханнес (Обадия) присоединится к мальчикам-сиротам, дабы изучать вместе с ними закон Моисея и речения пророков, записанные священными буквами на языке евреев.

Незадолго до этих событий [в 1091 г.] халиф Багдада по имени ал-Муктади [1075—1094] уполномочил своего визиря, Абу Шуджу, ввести новую политику по отношению к евреям Багдада, и тот неоднократно пытался погубить их. Но Бог Израиля неизменно расстраивал его намерения, и на этот раз

Он также укрыл их от гнева. Он [Абу Шуджа[1]] распорядился, дабы все евреи мужского пола носили желтую нашивку на головных уборах. Таков был один отличительный знак, на голове, а второй был на шее — кусок свинца весом [размером?] в серебряный динар [?] с надписью *"зимми"* висел у еврея на шее, дабы обозначить, что все евреи обязаны платить подушную подать. Они должны были также перепоясываться особым кушаком. Далее Абу Шуджа ввел две отметки для еврейских женщин. Они должны были носить разноцветные туфли, одну черную, а другую красную, и у каждой должен быть бронзовый колокольчик на шее либо на туфле, дабы по звону его отличать еврейку от нееврейки [мусульманки]. Он поставил злобных мусульман надзирать над еврейскими мужчинами и злобных мусульманок надзирать за еврейскими женщинами, дабы изводить их всяческой руганью, унижениями и издевками. Мусульманские толпы вместе с детьми измывались над евреями и избивали их на улицах Багдада.

Закон о подушной подати, взимаемой ежегодно чиновниками халифа с евреев, был таков: евреи, принадлежавшие к богатому сословию, должны были платить по четыре с половиной динара золотом; евреи среднего сословия — по два с половиной; а беднейшие — по полтора динара. Если еврей умирал, не заплатив свою подать полностью, и за ним оставался долг, будь то малый или большой, мусульмане не дозволяли хоронить его, пока подать не будет уплачена. Если скончавшийся не оставлял по себе ничего ценного, мусульмане требовали, чтобы другие евреи покрыли причитающийся с покойного

[1] Наместник халифа ал-Муктади. О нем см. С.Д.Гойтайн, в *JQR*, n.s.43(1952—1953):63,64.

долг из собственных денег; а иначе [угрожали они] тело будет предано сожжению (с. 37).

Обадия (нач. 12-го в.). Цит. по **253**.

22. Отважный копт в Египте (12-й век)

Во время правления Ал-Амира би-Ахкам Иллаха (1101—1130) в Египте некий копт занимал официальный пост и пользовался большим влиянием в государственных делах. Мусульмане восприняли это как оскорбление, и один из ведущих законоведов осудил поведение копта (Абу'л-Фадл?), известного под именем "монах".

С такими словами он обратился к нему в присутствии нескольких египетских [мусульманских] ученых, собравшихся, вместе с несколькими коптами, в *диване* [приемной]; но монах во всеуслышание ответил ему так: "Мы — хозяева этой земли, во всем, что касается и обитателей ее, и земельной подати. Мусульмане отобрали это у нас, они захватили это силой и принуждением, и власть, коей они пользуются, они вырвали из наших рук. Все, что нам удается сделать против мусульман, есть возмещение за страдания, претерпеваемые нами от них; да и можно ли сравнивать происходящее сегодня с безжалостным уничтожением наших царей и наших знатных семейств во времена мусульманских завоеваний. И все деньги, утаиваемые нами от их царей и халифов, законно принадлежат нам, ибо это лишь малая часть того, что принадлежит нам по праву. Когда мы платим им подать, мы оказываем им милость, за которую они должны быть благодарны".

Затем он прочел следующую песнь:

Они вырвали благородную деву из рук ее
матери;
подвергли ее поруганию и топтали ее ногами.
Потом они передумали и вернули ей власть,
и теперь мы знаем, на что способен неприятель,
чей закон тяготеет над нами.

Все присутствующие, а вернее, христиане и прочие злодеи, встретили это с восторгом и просили монаха повторить эти строки, каковые и выслушали с величайшим вниманием...

Наконец, халиф пробудился от оцепенения с сбросил с себя безразличие. Религиозное рвение и усердие к вере овладели им, и, полный священного гнева, решился он снять бремя с ислама и защитить истинно-верующих. Он повелел *зимми* носить отличительные знаки (кусок ткани, нашитый на одежду); он заново низверг их в состояние униженности и поношения, предназначенное им Аллахом. Он воспретил принимать их на какую бы то ни было [государственную] службу и обнародовал [о том] указ, каковой должен был читаться всеми от мала до велика (18:460—463).

Ибн Наккаш (ум. 1362)

23. Копт не имеет права быть свидетелем

Во времена правления султана ал-Малика ас-Салиха Наджм ад-Дин Айюба [1240—1249] случилось так, что некий мусульманин пришел на Сук ал-Туджжар в Каире. У него была при себе расписка от солдата, взявшего у него взаймы деньги.

Бумага была уже составлена, и требовались только подписи свидетелей. Человек этот встретил двух христиан. На них была богатая одежда с широкими поясами и просторными рукавами, совсем как у знатных мусульман. Мусульманин был уверен, что они знатные люди. Он развернул перед ними свою бумагу, и те подписали ее, что само по себе было издевкой над мусульманами. История эта дошла до султана ал-Малика ас-Салиха, который приказал избить этих христиан и заставить их надеть особые кушаки и нашивки, отличающие их от мусульман; им запрещено было подражать мусульманам внешним своим обликом и велено было придерживаться приличествующего им смиренного и низкого состояния, в каковое низверг их Аллах (сс. 439,440).

Гази ибн ал-Вазити (был жив в 1292). Цит. по **119**.

24. Обращение христиан в ислам (Египет)

Будь у меня достаточно сил и возможностей, я рассказал бы множество деталей и подробностей из жизни чиновников-христиан, и сколькие из них открыто исповедовали бы ислам, не опасайся они, что их убьют или накажут, — я мог бы назвать их даже по именам. Я мог бы рассказать историю каждого из тех, кто попался в силки собственной изворотливости или сделался нарушителем в силу своего злоумышленного поведения — совершая нечестивые поступки, уклоняясь от правого пути, будучи великим глупцом, негодяем и презренным существом. Я мог бы разоблачить положение каждого, кто принял ислам только лишь ради какого-либо мошенничества. Я мог бы описать, что происхо-

дило с ним из-за высокомерного неистовства тех, кто ложно обвинял ученых мусульман в фальши, осыпая их градом бедствий, — как он погружался все глубже в пучину обмана и грабительства, все более исполняясь алчности. На деле он исповедовал ислам всего лишь для отвода глаз. Он использовал его как лестницу, по которой он карабкался к намеченной цели — нечестивец пуще самого нечистого, подлинное воплощение лжи и обмана. Он присягал вере ислама — и это было неистинно. Неправдой и ложными показаниями он соткал из чистого волокна то, чего никогда не было. Он был ничтожнейшим из ничтожных среди христиан, величайший лгун, начисто лишенный стыда и правдивости, наглец из наглецов, от рождения склонный ко всему позорному и порочному. Такими путями он сумел, по видимости, подняться из низкого положения, определенного христианам, освободиться от позорной уплаты подушной подати и избежать бесчестья. При людях он станет говорить совсем как мусульманин — дабы уберечь свое состояние и саму жизнь и дабы иметь возможность обманывать и грабить. На людях он точно и есть мусульманин; но стоит ему войти к себе домой, где жена его, его сыновья, дочери, все родственники его и знакомые — все христиане, и он становится истинным христианином, постится во время их постов и разговляется вместе с ними. Потрудись кто-нибудь понаблюдать за ним, он обнаружил бы, что человек этот вел жизнь христианина более двадцати пяти лет. А должность свою он исправляет всего пять лет; и жалование его за все это время никак не превышает двухсот динаров. Меж тем состояние его и образ жизни таковы, что понадобились бы тысячи динаров; не говоря уже о парче, многоцветных тканях, драгоценных камнях, коими он обладает, о

его слугах, рабах, конях с его тавром, о его стадах, быках и всех товарах, что стекаются к нему по суше и по морю. С другой же стороны, представьте себе положение величайших и истиннейших мусульман, по пятьдесят лет верно служивших
царям и султанам, чиновников высоких достоинств и с высоким вознаграждением, — как они расходовали получаемые ими средства для выражения своих верноподданнейших чувств; каждый из них употреблял деньги, полученные за службу, в интересах султаната, укреплял его величие, жертвуя всадников и пеших воинов и уделяя от собственной мудрой опытности. Буде они наследуют что-либо, они все это тратят. И так к концу своей жизни они остаются бедны и отягощены долгами — по причине неуклонной верности, выказываемой ими [правящему дому] (сс. 444,445).

Гази ибн ал-Вазити (был жив в 1292). Цит. по **119**.

25. Еврейский визирь в Багдаде

Во времена султана ал-Малика ат-Тахира многие честные мусульмане из страны татар сообщали ему, что ал-Макин ибн ал-Амид, военный министр, ведет переписку с Хулагу относительно египетской армии, ее солдат и военачальников. Ал-Малик ат-Тахир велел схватить его, намереваясь предать его смерти. Положение его было гораздо хуже, чем положение тех, кто служил христианским эмирам, — он провел в тюремном заключении более одиннадцати лет. Затем его выпустили, назначив с него денежный выкуп. Мусульмане сочли, что правильно будет, если они, в обеспечение этого вы-

купа, присвоят себе имущество христиан, их жен и самое их жизнь. В конце концов там не осталось ни единого христианина и ни единого еврея. А тем временем Са'ид ал Даулах[1], главный министр в Багдаде и Месопотамии, трудился не покладая рук, нанося всяческий ущерб мусульманам и возвышая евреев. Затем он (Са'ид) обратился против Аргуна и вступил в сговор с неким человеком, который снабдил его ядом[2], а предварительно он завладел богатствами ислама, улучшил положение евреев и принизил ислам. Поистине, эти две проклятые религии вечно выискивали удобный случай, дабы завести какую-нибудь междоусобицу и тем — упаси Аллах! — причинить вред исламу.

Так вот, когда все рассказанное мною стало общеизвестно, я предложил высшим властям отобрать у этих грязных собак богатства, похищенные ими из мусульманской казны и дающие им возможность вести дела и заключать сделки с купцами на море и на суше, в Сирии и в Египте. Господин наш султан осведомлен был во всех подробностях о наглости этих проклятых народов, которые покупали

[1] Са'ид (или Са'д) ал-Даулах — еврейский врач, ставший в 1289 г. визирем при языческом монгольском императоре Аргуне (1284—1291). Назначение еврея на пост визиря было воспринято мусульманами как оскорбление и вызвало волну ненависти и фанатизма. Убийство Са'ида послужило толчком к массовой резне и ограблению евреев во всей Персии и Ираке. См.: В.Дж.Фишел, "Евреи в экономической и политической жизни ислама в средние века", с. 117.

[2] Классический пример обвинения, выдвигаемого против еврейских и христианских врачей. См.: Моше Перлманн, "Заметки о положении еврейских врачей в мусульманских странах средневековья" в *IOS* 2 (Israel Oriental Studies), 1972 сс.315—319. В данном случае это обвинение особенно абсурдно, ибо сама жизнь ал-Даулаха зависела от физического благополучия Аргуна. Визирь был убит 5 марта 1291 года, при жизни Аргуна.

триполитанских пленников — принцев крови, богатых женщин и знатных христиан, — а также о крайних обидах и мучениях, претерпеваемых от них мусульманами в различных сферах жизни (сс. 450,451).

Мусульманский надзор над зимми

Вплоть до конца владычества династии Назиритов халифы Сирии и их султаны соблюдали обычай, по которому в *диване*, известном под названием *диван ал-истифа*[3], непременно присутствовали мусульмане, люди видные, знатнейших родов, известные своим благомыслием и честными делами. Так что никоим образом не могло случиться, что еврей либо христианин по собственной воле устанавливал законы в каких бы то ни было делах, касающихся Сирии [Палестины]. И говорить либо писать [официально] о том или ином событии он мог лишь после того, как истинное положение дел установлено было мусульманином. То есть еврей либо христианин подготавливал отчет, а один из видных [мусульман] своей подписью подтверждал правдивость этого документа. И вот весьма скоро мусульмане начали приучать своих детей, дабы те умели распознать всяческую ложь, производимую этими подлыми и невежественными людьми, и, набираясь мудрости, достигали высоких степеней совершенства и отличались в обнаружении [чужого] обмана так же, как они уже отличались в религиозных познаниях. И в духе вышесказанного они создали тысячи трудов, где развивали взгляды, непостижимые ни для еврея, ни для христианина. Они в состоянии были распоряжаться мусульманской

[3] Главное казначейство.

казной так, как того требует мусульманское Писание и традиции, завещанные Пророком Аллаха.

И так казна возрастала — с благословления [Аллаха] и благодаря высокой честности [правителей казначейства]. Искоренены были все пагубные предрассудки и все неправедные пути были закрыты. Все их установления были разрушены, и сами позорные следы их начисто стерты. Господин наш султан ал-Малик ал-Ашраф Салах ад-Дин [делая все это] следовал традициям Пророка и поступал точно так, как поступали благочестивые халифы и праведные султаны. Ведь, как пишет Малик[4] в своем *Китаб ал-Мудаввана ал-Кубра*, Предводитель верных Омар ибн ал-Хаттаб сказал: "Да не изберете себе предсказателей либо менял ни из евреев, ни из христиан; удаляйте их от наших торговых площадей; Аллах создал их ненужными для мусульман".

Так вот, если верно это в делах обычной купли-продажи, не имеющих значения и не сопряженных с нравственными ценностями, насколько же важнее соблюдать сей закон там, где речь идет о первенстве в серьезном деле! Евреи считают, что с тех, кто не принадлежит к их религии, можно брать проценты, ибо, по их понятиям, накопление богатства есть вещь дозволенная. Как же согласиться, чтобы человек, почитающий за дозволенное наживаться на мусульманах, оказался в положении превосходства — будь то в споре или перед законом? Вот что говорили разумные люди: "Странно видеть, когда верный берет себе в услужение неверного, инакомыслящего, противостоящего ему верой и убеждениями!" Они говорили также: "Странно видеть,

[4] Юрист Малик ибн Анас. Работа эта в действительности принадлежит перу его ученика, Сахнуна.

когда человек отвергает благочестивого, разумного друга и довольствуется глупым, неверным врагом!" А еще было сказано: "Четыре качества имеются у мусульманина, коих не найти ни в ком другом, — замечательная воздержанность по отношению к женщинам, полнейшее беспристрастие, терпимость к людям [иных] вер и готовность дать добрый совет мусульманину. У многобожников также имеются четыре качества — отсутствие веры, безграничное коварство, готовность обманывать мусульман, стремление отдалиться от людей истинной веры". (сс. 456,457).

Гази ибн ал-Вазити (был жив в 1292). Цит. по 119.

26. Копты претендуют на владение Египтом (14-й век)

Как ни странно, ни одна страна ни на западе, ни на востоке не допускает *зимми* к управлению делами мусульман — за исключением одного лишь Египта. Вот удивительно, ей-Богу! Что же стряслось с Египтом, именно с ним из всего мусульманского мира? Разве он — не величайшая из мусульманских стран, превыше всех богатая людьми и знаниями? Так вот, употребление неверных на государственной службе влечет за собой великие несчастья и ужасающие обстоятельства, каких и врагу пожелать нельзя, и уж наверняка мусульманин не может пожелать их своему народу. Копты заявляют, что земля эта по-прежнему принадлежит им и что мусульмане изгнали их оттуда беззаконно. И вот они частенько похищают, что только могут, от государственной казны, убежденные, что не делают дурного. Что же до конфискации, нака-

зания и пыток, то они полагают, что вероятность подвергнуться таковым примерно равна для них вероятности заболеть, то есть случается, мол, что человек болеет, но происходит это не так уж часто.

Они вкладывают добываемые ими средства в свои церкви и монастыри и прочие заведения неверных; ибо убеждены, что пока им, коптам, сопутствует успех, у них больше прав на эти средства, нежели у мусульман. Будучи подвергнуты пыткам, они побуждают друг друга переносить мучения с твердостью и выказывают большую выдержку. Если приходится платить, они обнаруживают возможно наималейшую сумму, уплачивают лишь часть ее, а остальное раздают в виде взяток, пока не получат свободу. Так вот, правильно ли это, когда людям, придерживающимся таких верований и способным на такие деяния, поручаются дела общественного правления? Более того, они присваивают себе множество от собственности мусульман, зе́мли, доход с которых должен поступать султану, и те, которые переданы во владение эмиров и военачальников, а также многие наделы, предназначенные для мусульманских бедняков, такие, как город Нестру и другие, — забирают все это для себя, своих церквей и монастырей, несмотря на то, что собственность такого рода запрещено передавать в их руки. Всякий, кто, имея к тому возможность, воздерживается от вмешательства, поощряя их тем самым к дальнейшему грабительству и стяжательству, где только сил хватит, — несет за то ответственность в сей жизни и призовется к ответу в день воскресения из мертвых.

ал-Аснави (ум. 1370). Цит. по **230**.

27. Рассказ датского путешественника (1761)

В Каире

В Каире ни христианам, ни евреям не разрешается показываться верхом на лошади. Они ездят только на ослах и при встрече с самым даже незначительным египетским господином обязаны соскакивать наземь. Господа эти всегда ездят верхом, предшествуемые наглым служкой, который, размахивая огромной дубинкой и крича: *энзил*! слезай! — понуждает всех едущих на ослах к выказыванию положенных его хозяину знаков почтения. Буде неверный не тотчас окажет послушание, его избивают, пока он не спешится. При такой оказии сильно помяли однажды французского купца. Также и нашего врача подвергли оскорблению за то, что он замешкался, слезая с осла. По этой причине европейцы никогда не выходят на улицу иначе, как в сопровождении кого-либо, знающего всех этих господ и могущего заранее предупредить об их приближении. Вначале в моих разъездах по Каиру я посылал вперед моего янычара, а слуге моему велел ехать вслед за мной, оба они были верхом на ослах, так же, как и я сам. Но после испытанного мною унижения, когда два эти мусульманина спокойно оставались в седлах, тогда как мне приходилось спешиваться, я решил ходить пешком.

Надо сказать, что в Египте эти различия меж магометанами и лицами иных религий соблюдаются с большей ревностью, нежели где бы то ни было на Востоке. Христиане и евреи вынуждены спешиваться даже перед домом верховного *кади* и перед дюжиной или более домов правосудия, и перед вратами янычар, и перед некоторыми мечетями, особо почитаемыми за их святость; перед кварталом *Эл-*

Карафе, где расположено множество захоронений и молитвенных домов; они обязаны сворачивать с пути и обходить эти места, ибо сама земля, где они стоят, столь священна в глазах здешних жителей, что они не дозволят неверным осквернить ее своими стопами (1:81-82).

Одежда христиан на Востоке весьма сходна с одеждой турок. Им запрещается лишь носить ярко-окрашенные ткани. Нельзя им надевать и сапоги из желтой кожи. И дома свои они обязаны окрашивать в темные цвета. Европейским же христианам дозволено носить желтую кожу и платье любого цвета, кроме зеленого, каковой, обычаем более, нежели законом, предназначен для особливого мусульманского употребления (1:113-14).

В Йемене

Мне неведомо, селились ли когда восточные христиане в Мохе. А евреев там живет немало, в особом селении, как и в прочих местах в Йемене (1:400).

Невредно будет прибавить здесь краткое замечание касательно негоциантов различных наций. Иноземец должен сугубо остерегаться мусульманских дельцов. Куда разумнее он поступит, обратясь скорее к банианцам [индийцам], меж коими немало есть солидных купцов, людей весьма честных. Во всех странах Востока мусульманские торговцы прибегают к такой уловке, что, обманув христианина и опасаясь его недовольства, они стараются всячески раздразнить его; стоит же рассерженному чужеземцу промолвить хоть слово упрека, наглые мусульмане поднимают страшный шум, что он де оскорбил их веру, и грозят принести жалобу в суд. Не одному европейцу пришлось уже уплатить значительные суммы вследствие плутовства этих мо-

шенников, предварительно их надувших (1:408).

Эти евреи Аравии напоминают таковых же в Польше; они лишь приличнее одеты и менее жалки на вид. Они не смеют носить тюрбанов и вынуждены ограничиваться небольшой шапкой. Не дозволяется им также надевать платье иного цвета, нежели синий; вся их одежда сшита из синей ткани. И им запрещено пользоваться кинжалом [*джамбея*] (2:239).

Языковая дискриминация

Хотя арабские завоеватели ввели и навязали свой язык в покоренных ими странах, однако подданные их не везде отказались от употребления своего родного языка. В Сирии и Палестине действительно не услышишь иного языка, нежели арабский; и все же древнесирийский не стал вполне мертвым языком, и на нем говорят в нескольких селениях Дамасского пашалыка. Во многих местах по соседству с Мердином и Мосулом христиане по-прежнему говорят на халдейском, и жители селений, не бывающие в городах, никогда не слышат иного языка. Христиане, рожденные в Мердине и Мосуле, хотя и говорят по-арабски, однако пишут халдейскими буквами, так же, как мароните пишут по-арабски древнесирийскими буквами, а греки — по-турецки — греческими.

Многие народы, живущие под властью арабов и турок, утратили свой родной язык. Греки и армяне, поселившиеся в Египте и Сирии, говорят по-арабски, и церковное богослужение у них совершается на двух языках одновременно. Турецкие правители нередко простирают свой деспотизм также и на язык своих подданных. Паша *Кайсара*, не в силах стерпеть самого звука греческой речи, запретил

грекам своего пашалыка под страхом смерти употреблять иной язык, нежели турецкий. Со времен этого запрета христиане *Кайсара* и *Ангоры* стали говорить только по-турецки и теперь совсем даже не понимают своего родного языка.

Курды, будучи почти полностью независимы, сохранили свой древний язык, каковой имеет в Курдистане три основных диалекта. Мне говорили, что *сабеяне*, называемые обычно христианами св.Иоанна, по-прежнему говорят и пишут на своем древнем языке. Ученейшим среди немногих членов этой секты, поселившихся в Басре, был кузнец; я уговорил его показать мне буквы его языка, но он написал их столь неотчетливо, что мне не удалось составить себе понятие о его алфавите (2:256-57).

К.Нибур*

* Карстен Нибур, один из пяти ученых, посланных своим государем исследовать Египет и Аравию. В 1763 году он, единственный оставшийся в живых из всей группы, добрался до Бомбея; впоследствии стал начальником королевских инженерных войск в Дании.

28. Христиане в Сирии-Палестине (18-й век)

Верное духу Корана, оно [правительство] обращается с христианами с жестокостью, проявления коей весьма разнообразны. Говорят порою о терпимости турок; нижеследующее есть цена, каковою она приобретается.

Все виды публичного богослужения христианам запрещены, кроме как в Кесрауане, где правительству не удается предотвратить его. Христиане не могут строить новых церквей; старые же, буде они

придут в упадок, починять не разрешается, разве что с особого дозволения, которое обходится им очень дорого. Христианин не смеет, не рискуя жизнью, ударить магометанина, но если магометанин убьет христианина, это сходит ему с рук за оговоренную мзду. Христианам запрещено ездить в городах верхом на лошади; запрещено носить желтые туфли, белые накидки и любое платье зеленого цвета. Красный для обуви, синий для одежды — вот цвета, предназначенные для них. Недавно Порта возобновила свои установления касательно старинной формы их тюрбанов — им положено носить тюрбаны из грубого синего миткаля, с белой полосой по краю. Путешествующих христиан то и дело останавливают для уплаты *рафара [гафара]*, дорожной пошлины, коей с магометан не взимают; в судебных делах присяга двух христиан считается за одну, и пристрастность *кади* такова, что выиграть тяжбу христианину почти невозможно; короче, они одни подлежат подушной подати, называемой *караджи*, свидетельство об уплате которой включает в себя сии замечательные слова: *Джазз-эл-Рас*, то есть [взамен] *казни через обезглавливание* — ясное доказательство того, на каких условиях их там терпят и ими правят.

Эти понятия, столь удобные для возбуждения ненависти и раздоров, всячески внедряются в умы людей и проявляются во всех житейских сношениях. Ничтожнейший из мусульман не примет от христианина и не вернет ему приветствия *Салам-алаи-к*, "мир тебе", по причине сродства слов *салам* и *эслам* (ислам)[1], названия их религии, а также *мослем* (мусульманин), имени человека, испове-

[1] Само по себе наблюдение верно, но не объяснение его причины. См. выше, док. 16.

дующего ее; он скажет лишь "доброе утро" или "добрый вечер", и спасибо еще, если не прибавит: *джяур, кафер, келб*, т.е. нечестивец, неверный, собака — выражения, с которыми христиане хорошо знакомы (2:398—400).

Соперничество между общинами

Время от времени в Иерусалиме бывает свой собственный губернатор, в титуле паши; но чаще всего, как и в наши дни, город этот приписан к Дамаску, откуда он и получает *мотсаллама*, или наместника губернатора. Наместник правит городом и собирает доходы, получаемые от *мири*, т.е. таможенной службы, а особенно образующиеся вследствие безумств его христианских обитателей. Дабы понять природу этого последнего источника доходов, следует знать, что различные общины — греко-католические и православные, армянские, коптские, абиссинские и франкские, — соревнуясь в обладании святыми местами, непрерывно пытаются превзойти одна другую, предлагая турецким губернаторам все бóльшие цены за эти места. Они постоянно стараются заполучить для себя то или иное преимущество либо отнять его у соперников — и каждая секта непрерывно доносит о беззакониях, допускаемых другою. Здесь церковь тайком починили; тут процессия растянулась сверх обычных пределов; там паломник вошел в город не в те ворота, в какие положено, — все это служит предметом взаимных обвинений перед правителями, кои неукоснительно этим пользуются, вымогая пени и штрафы. Отсюда проистекают ненавистные чувства и нескончаемые распри, столь частые меж различными монастырями и меж приверженцами разных общин. Турки, для которых каждый спор

означает денежную прибыль, далеки, разумеется, от желания положить этому конец. Все они, каждый на своем месте, извлекают из этих распрей ту или иную выгоду: одни продают свое покровительство, другие наживают проценты. Так рождается дух интриг и заговоров, пропитывающий своим ядом все сословия; и отсюда же нажива для *мотсаллама*, доходящая до сотни тысяч и более пиастров в год. Каждый паломник уплачивает ему входную пошлину в десять пиастров, и столько же за проводников, сопровождающих его к реке Иордан, и это не считая штрафов, налагаемых на странников за неловкости, совершенные ими во время пребывания здесь. Каждый монастырь платит ему столько-то за дозволение ходить с процессией, а столько-то за любые предпринимаемые ими починки, да еще подарки по случаю вступления в должность нового начальника или нового *мотсаллама*; не говоря уже о приватных подношениях с целью добиться тайно той или иной мелкой поблажки — и все это обделывается турками, столь же наторевшими в искусстве выкачивания денег, как и самые ловкие крючкотворы в Европе. Кроме того, *мотсаллам* взимает пошлину за вывоз неких предметов торговли, особливо для Иерусалима, а именно *четок, мощей святых, киотов, крестов, монашеских наплечников* и проч., каковых высылается оттуда до трехсот ящиков ежегодно (2:304—307).

Европейские купцы в Каире в 1785 г.

[Подзащитные торговцы] ограничены замкнутым местом проживания, они держатся общества друг друга, едва сообщаясь с кем-либо посторонним; они даже боятся этого и стараются выходить

наружу как можно реже, избегая оскорблений от простого народа, ненавидящего само имя франков, а также от мамелюков, заставляющих их спешиваться посреди дороги. В этом своем повседневном заключении они дрожат непрестанно, как бы не началось моровое поветрие, которое вынудит их уже совсем затвориться в собственных жилищах, как бы не вспыхнул мятеж, от коего их квартал подвергнется разграблению, как бы главарь какой-нибудь шайки не приступил к ним, домогаясь денег (они подсчитали, что вымогательства эти достигают в среднем шестидесяти трех тысяч ливров, или двух тысяч шестисот двадцати пяти фунтов в год), либо беи не потребовали снабдить их тем или иным товаром, что всегда сопряжено с немалой опасностью (1:230).

Особенности характера, вырабатываемые притеснениями

Говоря о жителях Дамаска, турки не преминут заметить, что они — величайшие интриганы во всей империи; арабы построили на игре слов свою поговорку: "шами — шуми", т.е. "житель Дамаска — дурной человек"; напротив, о жителях Алеппо они говорят: "халаби — челеби", что означает: "житель Алеппо — щеголь". Исходя из предрассудка, порождаемого различием в религиях, они добавляют также, что тамошние христиане подлее и пронырливее, нежели в иных местах, — от того, без сомнения, что магометане там фанатичнее и наглее. В этом сии последние сходны с обитателями Каира; как и те, они не переносят франков, и в Дамаске невозможно появиться в европейской одежде; наши торговцы не смогли основать там ни одного

предприятия; мы встретили всего двух капуцинов-миссионеров и одного врача, коему не позволено практиковать.

Эта ненависть, питаемая жителями Дамаска к христианам, поддерживается и разжигается их сообщением с Меккой. Их город, говорят они, есть врата Каабы — ибо Дамаск являет собой место встречи всех паломников из северной Азии, подобно тому, как Каир собирает паломников из Африки. Число их ежегодно составляет от тридцати до пятидесяти тысяч...(2:272,273).

Замечательно, что от различия в религии между христианами и магометанами в Сирии, да и во всей Турции, проистекает такое различие в характере, как ежли бы то были две отдельные нации, живущие в различных климатах. Путешественники, а также наши купцы, коих суждение особенно достоверно в силу их близкого знакомства и с теми, и с другими, все соглашаются в том, что греки-христиане обычно безнравственны и лукавы, малодушны в несчастии, наглы в благополучии и особливо отличаются легкомыслием и непостоянством; напротив того, магометане, хотя и надменны порой до наглости, обладают однако известным добросердечием, человечностью и чувством справедливости, а превыше всего оказывают неизменную крепость духа в несчастии и большую твердость характера. Такое несходство меж людьми, живущими под одним небом, может показаться удивительным, однако предрассудки их воспитания и воздействие правителей, под властью которых они сушествуют, достаточно объясняют это. Греки, с коими турки обращаются высокомерно и презрительно, как с рабами, в конце концов неизбежно обретают тот характер, который им непрестанно приписывают: они вынуждены упражняться в обмане, спасаться от

насилия хитростью и прибегать к самой низкопробной лести, ибо слабому всегда приходится искать милости сильного; они лицемерны и злокозненны, ибо тот, кто не может отомстить за себя явно, скрывает свою ненависть; они трусливы и вероломны, ибо тот, кто не может ударить в лоб, естественно, нападает с тыла; и дерзки в благополучии, ибо, достигнув богатства либо власти недостойными средствами, жаждут отплатить за все испытанные ими унижения той же монетой (2:489—490).

К.Ф.Вольней*

* Константен-Франсуа Вольней (Шассбёф) (1757—1820) — член Французской Академии. Прославился своим "Путешествием по Египту и Сирии (1783—1785)", впервые опубликованным в 1787 году. Его "Руины, или Размышления о падении империй" вышли в 1791 году. Он эмигрировал в Соединенные Штаты, где много путешествовал (1795—1798); по возвращении во Францию составил незаконченное описание этой страны.

29. По пути в Иерусалим

Предшествуемый проводником и сопровождаемый, на некотором расстоянии, моими слугами, я ехал, погруженный в созерцание этого чарующего зрелища, как вдруг два старика явились передо мною и остановили моего проводника. Их внезапное появление произвело на меня неописуемое действие. Мой проводник, знавший этих людей, незамедлительно объяснил им, что мы мусульмане; старики отвечали: "Нет, они христиане". Мой проводник, возвысив голос, повторил: "Они все — мусульмане", в ответ на что один из них приблизился и, схватив под узды моего коня, сказал:

МОНАХ-МАРОНИТ
И МАРОНИТСКИЕ ПАЛОМНИКИ В ИЕРУСАЛИМЕ
Гравюра Л.Майера (1804)

"Ты — христианин"; проводник и слуги закричали: "Он мусульманин, он правоверный!" Я не знал, что мне делать, ибо не постигал их намерений, и поведение их представлялось мне весьма странным. Первый старик продолжал: "Клянусь Господом, ты — христианин"; я отвечал ему: "Послушай, я мусульманин, начальник стражи по имени Аббаси; я возвращаюсь из паломничества в Мекку". Тогда он потребовал, чтобы я прочитал молитву Господню, что я и исполнил к его удовлетворению, после чего они позволили нам продолжать наш путь. Но отчего этот старик так настойчиво утверждал, что я христианин, не видавши даже моего лица и не слышав моего голоса? А это все оттого, что на мне надет был синий бурнус, каковой цвет носят в этих краях исключительно христиане. Но почему они напали на нас в таком месте и в такую неподходящую пору дня? Потому, что христиане и евреи, идущие в Иерусалим, платят в этом месте пошлину по пятнадцать пиастров каждый, каковая пошлина поступает султану Константинополя. Эти старики занимаются сбором пошлины, а место это, расположенное невдалеке от их селения, являет собой единственный проход в горах, доступный для путешественников, и вот они усердно подкарауливают здесь христиан и евреев, дабы те не смели уклониться от платежа (2:23).

После краткого посещения храма я направился в еврейскую синагогу. Несчастные люди! Жалкое строение, а попросту хижина, состоящая из трех или четырех комнат, где потолка можно коснуться рукою; внутренний дворик еще того теснее, и все покрыто паутиной и грязью — и это нынешний храм детей Иакова, наследников и потомков Соломона! Я увидел там несколько евреев, распевавших молитвы по углам этой лачуги, но все вместе это

было так убого, печально, грязно и отвратительно, что я поспешил удалиться (2:23).

Али Бей*

* Али Бей (генерал Доминго Бадия и Леблих) — испанский ученый; исполнял различные поручения политического характера во время своих многочисленных путешествий в начале девятнадцатого века. Его описание этих путешествий считалось образцовым в своем роде.

30. Евреи и самаритяне в Палестине (1816)

Во времена, предшествовавшие вторжению Бонапарта в Сирию, у турок существовал закон, по которому в Иерусалиме могли обитать не более двух тысяч евреев, под страхом смерти для тех, кто превышал это число. Все христиане тогда были замкнуты в своих монастырях, а евреи — в своем квартале, и турки намеревались, буде Иерусалим подвергнется нападению французов, перебить всех немагометан без различия пола и возраста.

Путь наш от Назарета до Сук-эл-Хана был большею частию неровен и холмист, но по выходе из сего последнего мы вступили на плодородную равнину. Пересекая ее, мы встретили нескольких евреев верхом на ослах, направлявшихся из Тверии на большой соседний базар; приняв меня, по моему турецкому платью и белому тюрбану, за магометанина, все они покинули свои седла и миновали нас пешком. Эти притесняемые люди содержатся здесь в таком презрении, что им запрещено проезжать мимо мусульманина верхом, от христиан же это допускается, буде они едут на мулах либо на ослах, однако же и им нельзя ездить на лошадях без особого дозволения паши (с. 457).

В Наблусе (Шхеме), хотя город этот ведет значительную торговлю с Дамаском и прибрежными городами, не осталось ни одного постоянного обитателя-еврея. Что же до самаритян, то хотя некоторое число их все еще жило здесь во времена путешествия Мондрелла [1697], менее полудюжины семейств, сообщили мне, остается ныне, и они так неприметны и живут в таком уединении, что мало кто из обитателей этого города знает о существовании их секты. Вот до какого ничтожного состояния низведены люди, некогда сделавшие этот город своей метрополией: столицей своей религиозной, равно как и мирской власти! (с. 528).

В 1676 году верховный жрец самаритян в Наблусе вел переписку с высокоученым Скалиже[1] о различиях в еврейском и самаритянском Пятикнижии; а в 1697 году г-н Мондрелл лично беседовал с тогдашним владыкой. Но все, знавшие о существовании самаритян в Наблусе, а таковых было весьма немного, заверили меня, что число их ныне сократилось, как никогда прежде, и что к церкви их [общине] принадлежит не более дюжины семейств: эти последние, говорили мне, никогда не восходят на вершину горы Гризим, но совершают свои религиозные обряды в сугубом уединении и тайне, и презрение к ним окружающих больше, если это возможно, нежели к евреям в иных магометанских городах (сс. 538,539).

Дж.С.Бакингэм

[1] Жозеф Жюстюс Скалиже (1540—1609) — французский филолог и гебраист. Здесь произошла явная путаница в датировке корреспонденции.

САМАРИТЯНСКИЙ ПЕРВОСВЯЩЕННИК,
НАБЛУС (ШХЕМ)
Гравюра А.Коля по рисунку Э.Ронжа (с фотографии)

31. У евреев Хеврона (1836)

Я следовал за янычаром, который, обойдя вокруг наружных стен и кладбища, где средь могил толпились кучками женщины, провел меня к отдаленному и отгороженному кварталу города. Я не представлял себе, куда он меня ведет; но не успел я проделать нескольких шагов по узким улицам, как своеобразие нарядов и физиогномического сложения подсказало мне, что я нахожусь среди несчастных потомков падшего народа, среди притесняемых и презираемых израэлитов. Их отдалили от мест обитания турок, как если бы малейшее соприкосновение с этим некогда избранным народом могло осквернить фанатичного последователя Пророка. Губернатор, с присущей турку надменностью, полагал, очевидно, что дом еврея есть подобающее пристанище для христианина[1]; и так, следуя за янычаром сквозь путаницу узких, темных и грязных переулков, подъемов и поворотов, не поддающихся описанию, набитых еврейскими их обитателями, высыпавшими наружу поглазеть на нас, сопровождаемый неотступно шейхом со всеми его присными[2] и грохотом их длинных сабель, я приведен был к дому главного раввина города Хеврона.

Будь я предоставлен собственному выбору, я не мог бы пожелать иных людей для первого моего знакомства со Святой Землей. Потомкам Израиля более всех прочих подобало приветствовать стран-

[1] Автор, видимо, не знал, что во всех мусульманских странах путешественникам разрешалось становиться на постой только в еврейском (или, если таковой имелся, христианском) квартале, или в *ханах* (постоялых дворах).

[2] *Шейх и его присные* — арабы, нанимаемые для охраны путешественников. Каждый путник, даже уроженец данной страны, вынужден был пользоваться такой охраной для защиты от бедуинов.

ника в древнем городе их праотцев; и даже если бы осенял их по-прежнему трон Давидов, теплейшего приема они не могли бы оказать мне. Может быть, видя одинаковое отношение к нам турок, равно страдая от преследований и презрения, они позабыли то великое событие, что оторвало нас друг от друга и разделило нас навек, и испытывали лишь сочувствие к жертве притеснений, знакомых и им. Но какова бы ни была причина, я никогда не забуду радушия, с коим я, чужеземец и христианин, принят был евреями в столице их древнего царства; встреча моя с ними, как и с монахами на горе Синайской, останется в моей памяти среди немногих светлых минут посреди моего долгого и унылого странствия по пустыне...

Вообразите же мою радость, когда по выходе из пустыни я очутился меж дружелюбных и гостеприимных израэлитов. Ныне, вернувшись вновь к занятиям нашей недосужной, корыстолюбивой жизни, уносимый потоком деловых попечений, я, отвлекаясь от забот и тревог, движущих всеми частями нашего беспокойного общества, освежаю свой дух воспоминанием о тех немногих кратких мгновениях, когда совсем иные мысли занимали мое сознание; и мои расчетливые, деловитые друзья и сограждане улыбнулись бы, увидев меня в тот вечер, в сирийском одеянии и с длинной бородой, сидящего по-турецки на диване в обществе главного раввина и в окружении половины синагоги и толкующего с ними об Аврааме, Исааке и Иакове как о старых, добрых общих знакомых.

В свете угасающего дня еврейские мои друзья показали мне свой бедный квартал. Немногими достопримечательностями могли они похвалиться, но они привели меня в свою синагогу, где старый, седобородый израэлит обучал кучку шумливых детей

чтению законов Моисеевых на языке их праотцев. И пока солнце клонилось к западу, а муэдзин с верхушки минарета призывал верных к вечерней молитве, старый раввин и я, еврей и христианин, сидели на крыше маленькой синагоги и тайком созерцали священную мечеть, хранящую блаженный прах великих патриархов. Турецким стражам дозволен вход туда, но не дозволен еврею и христианину; и старый раввин указывал мне на различные части мечети, где, как объяснял он, под надгробьями, украшенными коврами, шелком и золотом, покоятся бренные остатки Авраама, Исаака и Иакова (сс. 312,314).

Дж.Л.Стивенс*

* Джон Ллойд Стивенс (1805—1852) — автор "Происшествий в пути" (1837), получивших высокую оценку Э.А.По и других. Впоследствии — первооткрыватель цивилизации майя.

32.Улучшение положения в Сирии-Палестине (1836)

Мусульмане [Сирии-Палестины], что бы ни говорилось об ослаблении их фанатизма, горько сожалеют об утрате того превосходства, каковым все они вместе и каждый по отдельности обладали и пользовались противу прочих сект. Гордыня, себялюбие и невежество могут быть названы среди главнейших качеств мусульманина, и он от всей души верует и утверждает, что христианин, а тем более еврей, есть низшее существо. При таких убеждениях не диво, что политическое равенство, дарованное прочим сектам нынешним правительством

Сирии [Ибрагима-паши], возбуждает в мусульманах своего рода религиозное недовольство правителями, каковое, я склонен думать, коренится куда глубже, нежели все их иные, справедливыми причинами вызываемые жалобы. Христиане, как и прочие секты, коим эти перемены пошли на пользу, по необходимости привязаны к нынешнему устройству и страшатся любых изменений, сулящих восстановление былого превосходства мусульман, ибо это неизбежно скажется на них наихудшим образом. Положение евреев составляет, по-видимому, исключение; сравнительно с другими сектами, трудно сказать, что оно улучшилось: причиной тому личные чувства, питаемые к ним как Магометом Али и Ибрагимом-пашой, так и всеми христианскими и прочими сектами в Сирии. За ними, однако, закреплено право открытого и беспрепятственного исповедания своей религии, и все их гражданские дела подвергаются законному рассмотрению; Ибрагим-паша дал дозволение выстроить синагогу в Иерусалиме, где и совершаются ныне принародные богослужения. Английский еврей с Ямайки, живущий в Иерусалиме, сказал мне, что евреи имеют все основания быть довольными Ибрагимом-пашой (сс. 136,137).

Судебная система

В каждой провинции ежегодно Портой назначался верховный муфтий, он же, в свою очередь, назначал подчиненных ему *кади*, или судей. *Мекеме* [трибунал] руководствуется в своих решениях Кораном, и христиане допускаются туда только в качестве свидетелей. Продажность и корыстолюбие всех этих трибуналов превосходит всякое понимание, и даже в Константинополе имеется кофейня,

где собираются лжесвидетели, которых можно нанимать поденно за известную плату. Муфтии обычно составляют себе состояние за десять лет, ибо назначение *кади* зависит не от пригодности для этого поста, а от суммы, уплачиваемой за него.

Полковник П.Кэмпбелл. Цит. по **46.**

33. Посещение святых мест Израиля (1839)

Мы проследовали по направлению к мечети [выстроенной поверх могил еврейских патриархов в Хевроне], предшествуемые консульским янычаром. Несколько евреев присоединилось к нашей процессии. В то время, как мы проходили по улицам, местные мальчики и девочки кричали *назарани*, из чего явствует, что слово "назареянин" по-прежнему носит уничижительный смысл в этих краях... Нам позволили взойти по широкой массивной лестнице, ведущей внутрь строения. Двери мечети были распахнуты настежь, но никому не дали и шагу ступить за мраморный порог. Нам показали место, где находится пещера Махпела, в которой похоронены Авраам и Сарра. Из всех святых мест мусульмане стерегут могилу Авраама ревностнее всего. Считалось, что нам оказали особую милость, подведя нас так близко, ибо обычно путешественникам запрещают даже подходить к дверям мечети. Этой привилегией мы обязаны письму от губернатора Иерусалима, с которым мы беседовали накануне отъезда...

Евреям теперь позволяется лишь заглядывать в отверстие входа и молиться, стоя лицом к могиле Авраама (сс. 180,181).

В тот же вечер, во время вечерней молитвы, мы посетили все синагоги Иерусалима. Числом их имеется шесть, все они малы и бедно устроены, и четыре из них помещаются под одной крышей. Светильники составляют единственное их благообразное украшение. Место для чтения есть не что иное, как некое возвышение на полу, ограниченное деревянной загородкой. Ковчеги начисто лишены всех пышных покрывал, коими они отличаются в европейских синагогах. Сильное впечатление произвел на нас унылый вид иерусалимских евреев. Их убогая одежда, бледные лица и написанное на них выражение робости — все указывает, по-видимому, на самое жалкое их положение. Они явно куда беднее, чем евреи Хеврона...

Все евреи в Палестине говорят на иврите, но нередко употребляют слова не в подлинном их смысле либо грамматически неверно, так что совершенно необходимо знать местное наречие, если хочешь быть уверен, что и ты, и они придаете слову одно и то же значение (сс. 192,193).

Мы застали здесь [в Сафеде (Цфате)] всех евреев в величайшем страхе. Войска паши выведены были отсюда и отправлены на войну, и бедуины непрестанно грозили напасть на город и разграбить его. Всего четыре солдата оставлены были для защиты населения, каковые, вместе с десятком евреев, патрулировали город по ночам, готовые поднять тревогу в случае нападения. Мы заметили, что большинство евреев казалось весьма бедно одетым, на что нам объяснили, что они закопали в землю все свои лучшие одежды, деньги и прочие ценности. Глубокая тревога написана была на их лицах — поистине, они оказались в положении, прдсказанном им Моисеем более трех тысячелетий назад... И все это на собственной их земле! (с. 275).

Возможности евангелизации в Палестине

Давайте же теперь рассмотрим все виденное и слышанное нами относительно положения Израиля в его собственной земле. Мы посетили все города и селения Палестины, где обретаются евреи (за исключением Яффы и двух малых деревень на горе Нафтали), и пришли к заключению, что Святая Земля, из всех полей деятельности среди евреев, являет собою наиважнейшее и наиболее многообещающее.

1. Евреи на земле своих праотцев пребывают в бедственном состоянии, что располагает их к большему дружелюбию, нежели в иных краях. В других странах, где они богаты и благополучны либо всецело поглощены мирскими делами, они мало склонны, нашли мы, внимать словам миссионеров. В Иудее же, от морового поветрия, от бедности, от утеснений своих же раввинов и оскорблений язычников они сделались столь смиренны, что льнут к любому, выказывающему им добросердечие, сколь ни противно им его учение.

2. Евреи эти — строго раввинского толка, нетронутые французским неверием либо немецкой реформой. Они видят в Ветхом Завете истинное Слово Божие. Они живут в постоянном ожидании пришествия Мессии, и ожидание это ныне бесспорно усилилось в сравнении с прежними временами. А потому миссионер вступает здесь на надежную почву и, с еврейской Библией в руках, может доходчиво и убедительно толковать перед ними обо всем, что касается Иисуса в писаниях Закона Моисеева, и в Пророках, и в Псалмах.

3. К тому же Иудею следует рассматривать как средоточие еврейского мира. Каждый еврей, в какой бы стране он ни пребывал, обращает в молитве

лицо свое к Иерусалиму. Здесь сердце нации, и любое действие, произведенное здесь, передается всем ее членам в рассеянии. Позже мы встретили в Ибраилии, небольшом придунайском городке, одного бедного еврея, который рассказал нам об обращении в христианство, свершившемся в Иерусалиме. Таким образом, все, что делается для евреев в Палестине, произведет во сто крат сильнейшее впечатление, нежели будучи сделанным в любой иной стране.

4. Еще одно важное соображение таково, что в Палестине евреи видят в англичанах друзей. За три месяца до нашего прибытия в Иерусалим туда прислан был английский консул [вице-консул У.Т.Янг], истинный и ревностный друг Израиля, сфера полномочий которого распространяется на весь край, отданный некогда двенадцати коленам, и которому поручено от британского правительства употреблять всю полноту своей власти для покровительства евреям. Недавние перемены в Сирии [возвращение Османского режима после того, как, уступая британскому нажиму, египтянин Мухаммад Али отказался от своих притязаний на Сирию] несомненно замедлили на время эту работу, и все же, не видна ли и в них рука всемогущего провидения? И не есть ли наш долг способствовать всемернейше укреплению добрых чувств евреев, делаясь друзьями их бессмертных душ?..

Все эти доводы приводят нас к убеждению, что Святая Земля являет собой не только притягательнейшее, но и важнейшее поле миссионерской деятельности среди евреев (сс. 320—322).

Э.Э.Бонар и Р.М.М'Чейн

34. Принц Уэльский посещает Хеврон (1862)

Входят туда [в пещеру Махпела] по лестнице, приближаться к которой христианам запрещено, хотя мы сумели на рассвете взбежать по ней и заглянуть внутрь, никем не замеченные. Но это был опрометчивый и довольно опасный эксперимент. Только в самые последние годы две-три королевские или наследные особы со свитой были допущены туда.

Магометане строжайше возбраняют вход в мечеть всем, кроме своих единоверцев; специальным фирманом султана исключение было сделано для принца Уэльского в 1862 году, для маркиза де Бюта в 1866, для кронпринца Прусского в 1869 и для сыновей принца Уэльского в нынешнем, 1882 году.

Из всех этих посещений примечательнейшим был визит принца Уэльского. Его Королевское Высочество сопровождал покойный декан Вестминстера — Артур Пенрин Стэнли, который описывает это событие следующим образом: "Перед прибытием нашим в Хеврон наместник Иерусалима Сурайя-паша произвел все возможные приготовления, дабы обеспечить безопасность нашего визита. И вот, в то время, как растянувшаяся процессия подвигалась вдоль узкой, извилистой долины, ведущей к городу Хеврону, по обеим сторонам дороги более чем на милю выстроились солдаты. Местное население, которое в других городах обычно высыпало на улицы навстречу принцу, оставалось невидимо — то ли по принуждению, то ли в знак молчаливого негодования... У древнего водоема в Хевроне мы спешились и попарно, сквозь строй солдат, двинулись вверх по узким улочкам современного города, также переполненного солдатами. По мере нашего продвижения мы не встречали по-

чти никого, лишь там и сям, в пустом окне либо на плоской крыше выдающегося вперед дома виднелся одинокий стражник, поставленный там, видимо, дабы оберегать нас от случайно брошенного камня. Город был, в сущности, полностью оккупирован войсками. Наконец мы достигли юго-восточного угла массивной каменной ограды, того места, где из поколения в поколение пресекалось приближение любознательных путников к этой святыне, древнейшей и истиннейшей на всей Святой Земле (3:197,198).

После минутного колебания святыня Авраамова была распахнута перед нами. Стражники громко роптали. Их начальник, однако, обратился к нам со словами: "Принц любой другой страны вступил бы сюда разве что через мой труп. Но старшему сыну королевы Англии мы готовы оказать даже эту великую честь". Он вошел прежде нас и обратился к покойному патриарху с пылкой молитвой: "О Друг Божий, прости нам это вторжение". Затем мы вошли... Неизъяснимый трепет пронизал нас при вступлении в святыню — и чувство это лишь усиливалось исключительностью обстоятельств, ибо врата ее, как без устали повторял нам стражник при мечети, пока мы стояли вокруг могилы, не отворялись ни перед кем, "кроме посланца Англии" (3:199).

К.Уилсон

ЭПОХА ЭМАНСИПАЦИИ

35. Османская Палестина девятнадцатого века

В минувшие времена евреи — уроженцы здешних мест испили полную чашу страданий от всегдашнего тиранства мусульман и, не имея средств к существованию на Святой Земле, кое-как перебивались на доброхотные даяния синагог со всего мира. Распознав этот источник доходов, мусульмане подвергали их по сему случаю вымогательствам и грабежу из поколения в поколение (хотя тому или иному из евреев и случалось изредка занимать доходную должность). Этот гнет и стал одной из причин, породивших ужасные, изнуряющие всю общину долги, по которым уплата лишь процентов отнимает львиную долю от всех поступающих из-за границы средств.

В Иерусалиме у евреев есть четыре синагоги, и все они собраны под одной крышей, так что люди могут свободно переходить из одной в другую; убранство их крайне убого (1:103).

До того, как в Иерусалиме основалось английское консульство [1839], в стране, разумеется, не существовало иного правосудия, кроме доброй старой магометанской продажности и произвола, и на протяжении долгих лет лишь очень немногие (порой же их не было вовсе) из европейских евреев решались искать пристанища в Палестине...

Египетское правительство [1831—1840] с его суровым и бесцеремонным правосудием в немалой степени облегчило положение немусульманских жителей Иерусалима; образование консульств в Святом Городе стало еще одним благодеянием для нетурецких подданных всех религий, в особенности

же для несчастных, задавленных гнетом израэлитов (1:105,106).

В 1847 году похоже было, что христианские паломники, подстрекаемые греческими отцами церкви, готовы воспроизвести ужасные деяния [против евреев], совершенные на Родосе и в Дамаске в 1840 году.

Где-то на боковой улочке мальчишка-грек, из паломников, бросил камнем в бедного еврейского мальчишку, а тот, как ни странно, не побоялся ответить ему тем же и, увы, попал в цель, следствием чего явилась окровавленная щиколотка. Поскольку дело происходило в марте, когда Иерусалим обычно переполняется паломниками, вскоре здесь началось сильное волнение и раздался призыв к жесточайшей мести всем евреям без различия за заклание ножом (так говорилось) невинного христианского отрока, на чьей крови они собирались замесить свои пасхальные опресноки. Явилась полиция, и обоих противников отвели в Сералио на суд, где дело было немедленно прекращено как не заслуживающее рассмотрения по своей ничтожности.

Три дня спустя, однако, монастырское духовенство снова принялось раздувать эту историю, преувеличило серьезность нанесенной раны и вызвалось представить паше доказательства из своих древних книг о пристрастии евреев к этому каннибальскому обычаю, будь то для целей черной магии или из ненависти к христианам. Его превосходительство неразумно допустил, чтобы делу об оскорблении действием был придан совсем иной оборот, каковой был вовсе не по его части, и повелел евреям держать ответ два дня спустя. В промежутке греки и армяне ходили по улицам, осыпая евреев, мужчин и женщин, оскорблениями и угрозами. Иные проводили ребром ладони по горлу, иные

показывали им ножи, кои обычно имеют при себе; мне рассказывали, между прочим, как шестеро из них схватили за шиворот сына покойного главного раввина Лондона (Гершеля) и начали трясти старика, восклицая: "Ну что, еврей! Небось, наточил ножи по нашу кровушку?"

В день судебного слушания в Меджлисе разыгралась самая тягостная сцена. Греческое духовенство явилось туда в большом числе и принялось вычитывать из церковных историков и из старинных полемических писаний многократные и прямые обвинения против евреев в использовании христианской крови для пасхальных церемоний. Мусульманские сановники, будучи также спрошены, заявили, что их священные книги упоминают о таких обвинениях против евреев косвенно; поелику же преступление было возможно, то и считать его за действительное. Раввины, выступавшие от лица главного раввина, бледные и трепещущие, доказывали, ссылаясь на Ветхий Завет и на все их правовые авторитеты, полнейшую невозможность совершения их народом подобных деяний. В заключение они указали на султанский фирман от 1841 года, в котором говорилось, что после досконального расследования по этому вопросу, коснувшегося как еврейского учения, так и применения его на деле, народ Израиля признан полностью невиновным в преступлении, приписываемом ему.

В ответ на что паша потребовал предъявить ему фирман, и сделать это через день, ибо назавтра была пятница, мусульманский праздник. Тогда я уговорился с пашой, что буду присутствовать при встрече, и в субботу рано утром отправился в Сералио; но, как его превосходительство счастлив был (по его словам) сообщить мне, еще ранее того фирман был предъявлен, и на вопрос, решаются ли

они оспорить сей документ, обвинители и эффенди совета со всей верноподданностью признали это невозможным; а потому он разрешил все дело, присудив пострадавшему незначительную пеню на лечение ушибленной щиколотки (1:107—110).

Примерно в то же время [1847] толпа фанатичных паломников-христиан набросилась на еврея и чуть не убила его за то, что он пересек открытую площадь перед Храмом Гроба Господня в самом дальнем ее конце; недавно лишь прибыв из Европы, он не знаком был с городским обычаем, отводившим этот проход исключительно для христиан, каковые, впрочем, позволяли ходить там и мусульманам, ибо не осмеливались заградить им путь. Еврей стал искать правосудия через посредство английского консульства, ибо, будучи не то русским, не то австрийским подданным, своего консула здесь не имел. Я обратился к паше. Греческое духовенство отвечало в свое оправдание, что место это не есть публичный проход, но часть христианской святыни, и служит проходом лишь благодаря их долготерпению. Они дерзнули даже уведомить меня стороной, что владеют якобы старинным фирманом, позволяющим, буде случится им, избивая проходящего там еврея, убить его совсем, — уплачивать "дийе", т.е. плату за кровь, в размере десяти *пара*, что равно примерно английскому полупенсу. Об этом уведомлении, сколь бы ни было оно смехотворно и безнравственно, пришлось доложить в Константинополь, дабы получить авторитетное опровержение. Как и следовало ожидать, официальный ответ гласил, что такового документа никогда не существовало в природе. Таким образом, зловредной неправде был заткнут рот, но само это происшествие показывает, каково расположение высших монастырских властей к евреям. Может статься, они и сами вери-

ПАЛЕСТИНСКИЙ ЕВРЕЙСКИЙ МАЛЬЧИК
Сын рабби Сэмюэля Маджа,
второго главного раввина Иерусалима
У.Дж.Вудкок (1849)

ли в существование такого фирмана; так чего же, какой жалости или великодушия можно ожидать от толпы неотесанных паломников? Паша сказал, что вышеупомянутый фирман ему неизвестен, но что и греки, и латинцы, и армяне все убеждены, что еврея в подобных обстоятельствах можно убивать безнаказанно (1:111,112).

В этот день [18 июля 1855 года] с раннего утра дороги и поля заполнились невиданными толпами еврейских жителей, которых обычно почти не встретишь за пределами городских стен, разве что изредка, когда они небольшими группками направляются в противоположную сторону, к могиле Рахели либо в Хеврон. Зрелище было замечательное, никогда прежде не наблюдаемое. Сэр Мозес [Монтефиоре] и его супруга ехали в сопровождении покойного полковника Гоулера, гарцевавшего в алом мундире, с белым плюмажем, с орденом за Ватерлоо и прочими медалями на груди. Подле городских ворот теснилось невероятное множество народу всех вероисповеданий; главные действующие лица без промедления направились к синагоге, меж тем как на Мейдане, подле северо-западного угла стены, устанавливались шатры.

Никогда еще новейшие времена не знали такого публичного изъявления еврейских чувств, ибо в прежние дни притеснений и скорби это было бы равно неполитично, как и невозможно (1:115).

Завершая этот краткий очерк еврейских дел, не можем не отметить еще двух любопытных особенностей Иерусалима, которые коренятся в убеждении евреев, что город по-прежнему их собственный, — убеждении, хотя и призрачном в глазах иных народов, но весьма немаловажном для них самих. Обычаи эти, разумеется, свойственны лишь "сфарадим", т.е. израэлитам, рожденным здесь.

Первый — чеканка денег, а вернее, эквивалент этой исключительной прерогативы царской власти (Матф. 22:19-21). Изготовляются небольшие квадратики из листовой меди с вычеканенными на них словами ביקור חולים, что означает "посещение больных". Судя по всему, первоначально эта условная монета использовалась в качестве временного средства благотворительности, в ожидании, пока поступят настоящие деньги. На еврейском базаре жетончики эти имеют хождение во всех торговых сделках, а порой принимаются и другими жителями наравне с *пара*, хотя и уступают в ценности даже этой мелкой монетке. Турки недовольны этим обычаем и время от времени пытаются запретить его. Евреи, однако, гордятся этой прерогативой как видимым проявлением своей независимости, да и согласись они даже прекратить ее, они не в состоянии были бы выкупить все эти жетоны, пока над ними тяготеет мучительное бремя долгов, ибо металлические пластины представляют собой известную реальную ценность.

Второй обычай состоит в том, что после кончины очередного султана в Константинополе они получают в свои руки гигантские ключи от городских ворот; совершив над ними молитвенное богослужение и окропив их таинственной смесью из масел и пряностей, они передают их обратно городским властям как представителям нового монарха. За право исполнять этот традиционный ритуал они приносят обильные дары местным губернаторам, которые допускают безобидный обычай, за давностью лет превратившийся в неписаный закон. Для них — это вопрос "бакшиша", да и всегда находятся в Палестине суеверные люди, считающие, что невредно заручиться благословением древних "детей Израиля"; евреи радуются, ибо надежды их на бу-

дущее получают подкрепление, а иерусалимские раввины могут хвалиться между своими в целом свете, что они-де дозволяют турецкому султану владеть Святым Городом (1:116—118).

Невзирая на эти проблески почета и признания, на евреях лежит унизительная обязанность уплачивать через своего главного раввина ежегодное содержание различным мусульманским вымогателям: так, 300 фунтов в год эффенди, чей дом прилегает к Стене Плача, т.е. к уцелевшей части западной стены Храмовой ограды, — за разрешение молиться там; 100 фунтов в год жителям деревни Силоам, дабы не трогали кладбища на склонах Масличной горы; 50 фунтов в год та'амарским арабам, дабы не разрушили могилы Рахели подле Вифлеема; и примерно 10 фунтов в год шейху деревни Абу-Гош, дабы не допускал нападений на их людей на проезжей дороге в Яффу, хотя сей последний получает большое жалование от турецких властей как начальник стражи на этой же дороге. Все это попросту вымогательства, совершаемые по причине их чрезмерной робости, и позор турецкому правительству, что оно их допускает. Вышеназванные цифры почерпнуты из их смиренных воззваний, изредка обращаемых к синагогам в Европе. Облагаются они и мелкими поборами, уплату которых они боятся прекратить, например, в пользу некоего человека (мусульманина), надзирающего за тем, чтобы их собственный убой скота в пищу производился сефардским раввином, имеющим на то купленную лицензию. Сюда же относятся единовременные дары в виде сахара и т.п., подносимые мусульманским начальникам в дни их празднеств.

И еще одно замечание касательно положения евреев в Иерусалиме. Как и в предыдущие века, го-

родская бойня (называемая *меслах*[1]) тогда содержалась в самой середине их квартала. Отбросы, скапливающиеся в глубокой, обширной яме, никогда не убирались и представляли собою во все времена года, а особенно в летнюю жару, ужасающую опасность для здоровья; таково было положение дел несколько лет спустя после окончания Крымской войны [1856]. Яма эта была там еще до арабского завоевания, ибо, как гласит широко распространенное мнение, о существовании ее было доложено халифу Омару, и он намеренно велел ее там оставить, а позже ее упоминал норманнский хронист времен крестовых походов (см. Уильямс, "Святой Город") (1:118—120).

Прискорбно было наблюдать забитость, порожденную долгими веками притеснений. Сколько раз случалось, что бедный еврей приходил к нам, ища правосудия против туземного жителя (мусульманина); найдя жалобу обоснованной, консульство представляло дело на рассмотрение турецких властей, и тогда, в ужасе перед возможной будущей местью, пострадавший отказывался от иска и даже отрицал, что ему был нанесен ущерб; или, если ущерб был слишком очевиден, уверял, что не может опознать преступника либо не может представить свидетелей. Все же и в таких случаях одно то, что преступление было взято на заметку, оказывало сдерживающее воздействие на преступников, которые до тех пор рассматривали беззащитных евреев как свою законную добычу (1:127).

Что касается чистого древнееврейского языка, ученый мир Европы глубоко заблуждается, называя его мертвым языком. В Иерусалиме это живой язык повседневного употребления — да иначе и

[1] *Меслах* (араб.) — скотобойня.

быть не может, ибо как еще стали бы беседовать между собой еврейские странники со всех концов земли? В конторе нашего консульства часто можно было услышать его: например, как-то раз еврею из Кабула понадобилось растолковать что-то еврею из Калифорнии — разумеется, на иврите. На нем велись многие деловые переговоры в нашем консульстве (1:127,128).

Препятствия на пути эмансипации зимми в Палестине

Как уже упоминалось, на протяжении одного поколения по всей стране, в том числе и в Иерусалиме, совершились огромные перемены в сторону большей веротерпимости — перемены, произведенные не только Хатти Шерифом, данным в Гюльхане в 1838 [1839] году, но и неизгладимыми свойствами предыдущего египетского правления в 1832—1840 годах, во многом покончившего с фанатизмом и тиранией прежних лет.

Начиная с 1845 года местные правительства стали даже провозглашать равенство всех религий, и, бесспорно, христиане меньше страдали от оскорблений и беззакония со стороны мусульманского населения. Их чиновники не смели более вторгаться в христианские дома, требуя пищи, крова и денег и не уходя, пока их требования не удовлетворялись. Насильники не могли более бесчестить христианских женщин безнаказанно. *Авании*, т.е. неурочные, произвольные денежные поборы, более не допускались. Христианина теперь не сталкивал в сточную канаву каждый встречный мусульманин, занимающий лучшую часть дороги, грозно хмурящий брови и вопящий: *"Шеммел-ни йа келб"*

("Обойди меня слева, собака"); не запрещалось также христианам ездить верхом на лошади и носить одежду ярких цветов[2].

Прежние книги комментариев к законам, исполненные омерзительного фанатизма, все еще, разумеется, существовали и даже находились в употреблении в некоторых небольших, отдаленных от городов селениях, но постепенно всем стало известно из опыта, что в тех городах, где имеются европейские консульства, есть возможность обращаться с жалобами в высшие инстанции, и можно добиться от Константинополя не только письменного выговора, но даже и смещения с должности за незаконные действия.

В 1852 году христиане гораздо меньше опасались за свою жизнь и имущество, нежели их отцы, но даже и тогда они, будучи избраны в члены гражданского совета, не отваживались вполне осуществлять свои привилегии и отказывать, например, в своей подписи под явно фальшивыми документами. Они робко присаживались в нижней части *дивана*,

[2] Для ознакомления с образчиками нравов прежних времен см. "Дневник" преподобного П.Фиска, который побывал в Иерусалиме в 1823 году. Вместе с двумя друзьями он сидел на Масличной горе, распевая гимны, как вдруг к ним подошел вооруженный стражник и приказал замолчать, угрожая г-ну Фиску прикладом своего ружья.

В тот же день, видимо, главу греческого монастыря Мар Элиас чудовищно избили палками, требуя, чтобы он открыл местонахождение некоего тайника с сокровищами. А когда некоторые окрестные деревни отказались платить чрезмерные и произвольные подати, наложенные на них, солдаты схватили старого, немощного крестьянина из христианской деревни Бейт-Джала, пристрелили его, отрубили ему голову и насадили ее на кол возле Яффских ворот в Иерусалиме, где уличные мальчишки три дня подряд оплевывали ее и забрасывали камнями. Проходившие мимо христиане задыхались от рыданий, но не смели открыто выражать свои чувства *(примечание в тексте Финна)*.

благодарные и за тот скудный почет, какой им был оказан (1:201,202).

В русских видели защитников и поборников восточного христианства, а потому невежественные мусульмане — отнюдь не принадлежавшие исключительно к беднейшим классам, даже в Иерусалиме, — рассматривали грядущую войну как священную войну между исламом и христианством. Ввиду этого каждый мусульманин склонен был почитать за врага каждого туземного христианина, по крайней мере всех тех, кто был так или иначе связан с Россией (греков и даже армян).

Робкие и запуганные христиане способствовали этой идее самим преизбытком своих опасений. У них не хватало ловкости скрывать свой ужас перед ожидаемой резней, сулившей им кровопролитие и зверства подобные тем, какие пришлось претерпеть их отцам вследствие войны за независимость Греции тридцатью годами ранее.

Положение этих несчастных людей было прискорбно: ни здравый смысл, ни убеждения не производили на них ни малейшего действия. Страх был впитан ими с молоком матери, и теперь он завладел ими совершенно.

Ежели так обстояло дело в Иерусалиме, под деятельным покровительством монастырей, и патриархов, и консулов, во стократ хуже обстояло оно в отдаленных городах и селениях. Здесь случались происшествия, которые были бы попросту смехотворны, не проявляйся в них нетерпимость, поддержанная властью, с одной стороны, и малодушный страх — с другой (1:202,203).

Помимо обыкновенных мечетей, в Палестине имелось два места, окруженных особым фанатизмом:

1. *Ххарам* в Иерусалиме, местонахождение

древнего Храма Израиля, называемое "благородное святилище", а европейцами, ошибочно, — "мечеть Омара".

2. *Ххарам* в Хевроне, то есть пещера Махпела.

Доступ в эти места закрыт был для всех, кроме магометан, и первое из них охранялось стражей из свирепых африканцев, называемых такарни из Дарфура.

Кто не слыхивал о прежней недоступности мечети Омара, кто из путешественников того времени не взирал с сердечным влечением издали — либо с Масличной горы, либо с крыши казармы, куда был допущен в виде особой милости, на эти священные пределы, где стоял некогда единый Храм единого Бога и где ступали пророки, первосвященники, цари, апостолы и даже сам Спаситель, — на пределы, ныне являющие вид столь восточный, на это обширное пространство, покрытое зеленой травой, оливами и кипарисами, вокруг замечательной красоты строения?

Странники, заглядывавшие в открытые ворота, воображали нередко, что перед ними место общественного гуляния, отчего воспоследовало немало ошибок, влекущих за собой оскорбления и побои, так что приходилось представлять эти происшествия на рассмотрение посольства. Случалось, что наших людей избивали палками африканцы, либо забрасывали их камнями, если они приближались в этом направлении или просто проходили на известном расстоянии в виду ворот (1:205,206).

Нижеследующее происшествие, случившееся в июле 1851 года, показывает, с чем приходилось иметь дело. Мусульманин в мундире низам (военная форма) совершал молитвенный обряд внутри ограды Ххарама. Перед ним лежала книга, он, как и следует, разулся, отстегнул саблю и отложил ее

в сторону. Внезапно к нему подошел мусульманин старой школы и, обвинив его в принадлежности к христианской вере, потребовал, чтобы тот прочел мусульманское "Верую". Тот исполнил требование, но читал молитву с расстановкой, медленнее, чем это принято у местных мусульман; тогда второй схватил саблю и с силой рассек ему лицо.

На другой день раненый скончался.

Вполне возможно, что пострадавший был не урожденный мусульманин, а перебежчик, служивший в турецкой армии, и потому не знал еще как следует установленного для молитвы ритуала; а может, это был мусульманин из дальних краев, который, будучи нетверд в арабском языке, не мог произнести вслух предписанных строк без помощи книги.

Расследования это дело не получило, но событие показало, какой опасности подвергается любой немусульманин, вступающий в пределы Ххарам-эш-Шерифа в Иерусалиме. Я не слышал, чтобы религиозного убийцу постигло какое бы то ни было наказание. Пусть бы это преступление совершено было хотя бы специально назначенной полицией — но у него нет даже и этого слабого оправдания.

Город Наблус (Шхем) пользуется особенно дурной репутацией по части нетерпимости к христианству. Там жило очень малое число христиан, но у них всегда были основания жаловаться на грубые беззакония со стороны местных властей. Часто случалось также, что странников-европейцев провожали с улюлюканьем по улицам города; взрослые при этом держались в стороне, но подученные ими дети бегали по плоским крышам домов, распевая издевательские песенки. Поймать этих малолетних преступников было невозможно, а взрослые на улицах и базарах, когда к ним обращались с

упреками, лишь пожимали плечами и отвечали, что это просто детские шалости. К счастью, немногие из путешественников понимали, что происходит; жалкие создания, исполнявшие роль полиции, мало что могли сделать при тогдашних безразличных властях.

В селении Себастии, расположенном частично на земле древнего метрополиса Самарии, на расстоянии менее двух часов езды от Наблуса, жители обладают еще более неприятным характером и легко узнаются по злобным, нахмуренным лицам, обращаемым ими к христианам (1:206,207).

С удивлением обнаружили мы, что в то же самое время сельские жители, даже вокруг Наблуса и к югу от него, понимая лучше, нежели прежде, истинные наши взаимоотношения с их властелинами, взяли себе в привычку приветствовать на дорогах нас, европейцев, словами "Салам алейкум" ("Мир вам"), предназначавшимся всегда исключительно для магометан; а *кади* города Хайфы уверял меня, что ограничение это есть не более как дело обычая, а не следствие какого-либо закона или традиции, чему и просил подтверждения у окружавших его друзей. Скорее всего, однако, это была льстящая нам неправда, приспособленная ко времени и обстоятельствам[3] (1:209).

В Палестине нам приходилось иметь дело с тремя основными типами — с чистокровными арабами, с

[3] Эта мусульманская тенденция — лишать христиан преимуществ приветствия "Салам...", простирающихся на потустороннюю жизнь так же, как и на эту, распространена в большинстве магометанских стран; однако в Индии, рассказывали мне, с этим приветствием охотно обращаются к англичанам, отчасти потому, что мы — хозяева страны, отчасти же потому, что живя среди многочисленных языческих народов, они видят в нас почти единоверцев *(примечание в тексте Финна)*.

сирийскими расами, которым ислам был навязан путем завоевания, и с турками, покорителями и властелинами, ныне подмявшими под себя и тех, и других.

Были также и чужестранцы — туркмены, курды, индийцы, афганцы, татары, египтяне, — с которыми нам приходилось иметь дело почти изо дня в день.

Все вышеперечисленные относились к суннитской, т.е. ортодоксальной секте.

Из шиитов у нас были персидские пилигримы, а также население целого округа, Метавила в Белад Башара.

Смешивать эти две секты либо обращаться с ними всеми на один манер — это могло бы привести к фатальным последствиям.

Так называемое арабско-мусульманское оседлое население Палестины разделяется на два класса: один — это простое (почти звероподобное) крестьянство, *феллахин*, а второй — несколько более цивилизованные жители городов, *белладин*.

Первых, образующих основную массу населения, европейцы называют всех без разбора арабами, независимо от того, происходят они из Аравии или нет. Они же сами себя так не называют, а просто зовут себя *феллахин*, т.е. земледельцами или пахарями.

Вторые, *белладин*, или горожане, представляют собой смешанную расу многоразличного происхождения, среди которой есть, однако, семьи, имеющие право называться арабами, ибо предки их пришли из Аравии во времена магометанских завоеваний. Они составляют лишь небольшой процент всего населения, но происхождением своим весьма гордятся: даже невежественнейшие средь них знакомы с основами своей религии и хранят память о ее аравийских источниках (1:214,215).

В то время, как события эти [мятежи] происходили в Наблусе, в Иерусалиме состоялось формальное оглашение всемилостивейшего султанского Хатти Хумаюна...

Налицо были все признаки того, что беспорядки эти возбуждались людьми, возмущенными самой мыслью о даровании султаном этого эдикта, слухи о котором уже дошли до них. Все виднейшие лица в стране, как мусульмане, так и христиане, осведомлены были к тому времени об общей направленности этого эдикта.

На следующий день после того, как значительная группа путешественников и европейцев допущена была в Храмовое Святилище, паша объявил, что назавтра, 7-го апреля, в Сералио состоится формальное чтение султанского декрета.

Документ этот справедливо почитался в то время — да и теперь должен почитаться — за чрезвычайно важный, особенно для *райя*, т.е. немусульманских подданных султана.

Его превосходительство пригласил глав различных религиозных общин и иностранных консулов присутствовать при чтении...

Я прибыл первым, в полуформенном платье, объяснив паше, что лучше, по-моему, не устраивать большого парада, дабы не казалось, будто мы намерены выказать свое торжество над мусульманским населением, — вместо того, чтобы сгладить рознь и умерить возбуждение, это могло лишь раздражить (2:441,442).

Было совершенно очевидно, что хотя турки не намеревались обставлять церемонию с бросающейся в глаза пышностью, кое-кто из христианских властей весьма этого желал.

Последние были совершенно правы, когда требовали, чтобы делу была дана полная огласка со всей

должной формальностью, если вспомнить фокус, проделанный в 1853 году с письмом визиря о Святых Местах. Следовало предпринять все возможные меры к тому, чтобы оглашение торжественного *хатта* [указа] не произошло как бы украдкой, незаметно — и проследить за тем, чтобы оно состоялось вообще.

Нет никакого сомнения, что эта хартия религиозной терпимости и равноправия вызывала явное отвращение у старого магометанского населения и оскорбляла их глубочайшие чувства. Как нас уверяли впоследствии, во время оглашения эдикта в Константинополе, в присутствии *Шайху'л Ислам*, христианских патриархов и еврейского раввина, некоторые мусульмане подвергли его формальному поношению — причем понять эти слова мог лишь человек, глубоко сведущий в государственных формальностях и в арабском языке, меж тем как люди, произносившие их, являли собою вид полной покорности и почтительности.

Этот замечательный указ подтвердил все гарантии, данные прежде Гульханским хаттом[4] и Танзиматом[5] всем подданным Османской империи без различия классов и религии касательно неприкосновенности их личности и имущества, а также личного достоинства. Все привилегии и духовные свободы, дарованные в прежние времена христианским общинам либо иным немусульманским вероисповеданиям, были подтверждены. Привилегии эти были очень велики и неизменно включали в себя

[4] Букв. "Рескрипт Розовой палаты" — законодательная реформа, улучшившая положение немусульман, проведенная султаном Абд ал-Маджидом 3 ноября 1839 года.

[5] Танзимат — турецкие преобразовательные законы, включающие в себя Хатти Хумаюн от 18 февраля 1856 года.

самоуправление, производимое в соответствии с собственными их обычаями, под руководством их собственных патриархов и духовных вождей, каковые, будучи избраны своим народом, получали на то грамоту от султана...

Скрупулезнейшая точность выражений была, разумеется, крайне важна, особенно в параграфах, подобных следующим:

"Все и всяческие отличия и определения, могущие поставить один какой-либо класс подданных моей империи в подчиненное положение относительно другого класса по причине их религии, языка или расы, отныне и навеки изымаются из административного протокола. Употребление каких бы то ни было оскорбительных либо уничижительных терминов как среди частных лиц, так и со стороны властей будут преследоваться по закону".

"Да будет полная свобода исповедания всех форм религии в моих владениях; никто не может воспрепятствовать подданному моей империи в отправлении той религии, которую он исповедует, либо досаждать ему каким бы то ни было образом по этой причине".

"Никто не может быть насильственно принужден к перемене религии".

Далее, все подданные империи получали право на замещение административных должностей, по назначению султана; все они получали право на поступление в гражданские и военные школы. Христиане не могли более быть судимы чисто мусульманскими судами. Предписывалось создание смешанных судов, перед которыми любой человек мог давать свидетельские показания по принятии присяги в соответствии с религиозными законами своей веры. Все даже отдаленно напоминающее пытки было полностью отменено. Христиане отны-

не облагались налогами наравне с прочими и равно подлежали воинской повинности; допускался также принцип откупа от повинности. И, наконец, провозглашалось, что чужестранцы могут законно владеть земельной собственностью, подчиняясь всем законам и полицейским предписаниям и платя те же подати, что и местные жители, — при условии, что необходимая договоренность была достигнута с государственными властями соответствующих стран.

Таковы важнейшие положения, содержащиеся в Хатти Хумаюн, или Эдикте о веротерпимости (2:442—445).

С этого момента, если бы только турецкие законы поистине проводились в жизнь, не стало бы ни нужды, ни повода для защиты христиан на Востоке.

Следует сказать несколько слов на тему о религиозном равноправии в Турции в сфере государственного правления и, в особенности, о кодексе Корана и его комментариях. Эти последние, неизгладимо запечатленные в сердцах и обычаях их приверженцев, несомненно *в принципе* противоречат понятиям о равноправии и никак не могут быть согласованы с ними. Разве можно поставить неверных на равную ногу с верными, будь то в теории или на практике?

А потому фанатически настроенная часть мусульманского населения приняла Хатти Шериф из Гюльхане от 1838 [1839] года и законы, известные под названием Танзимат, или Канун Наме, направленные на проведение этой хартии в жизнь, лишь как временные предписания турок, ошибочно введенные в систему под влиянием требовательных европейцев. То же самое, разумеется, верно и по отношению к еще более важному документу, Хатти Хумаюн от 1856 года.

Отдавая себе отчет в этих убеждениях, формиру-

ющих повсеместные настроения среди людей старого закала в провинциях, должен сказать, что я не спешил присоединиться к пеням на предательство турок, не начавших осуществлять на практике либеральные положения этой хартии немедленно и во всей их полноте. Положения эти, взывающие лишь к свету человеческой совести, какой она была до того, как свет обратился во тьму, столь противны стародавним, укорененным, почитаемым за священные принципам и незыблемым обычаям многих поколений, что требовалось поистине большое терпение в соединении с большой твердостью для того, чтобы осуществить их на деле...

В отдалении от Иерусалима Эдикт о веротерпимости имел меньше действия — в Газе, в Наблусе, в Галилее; но там христиане были немногочисленны и не осмеливались поднять глаза на своих повелителей; у них не было консулов, которые заботились бы об их благополучии и обращали бы внимание на тиранию их мусульманских сограждан и правителей, кстати, не турок, а арабов.

Таково же, очевидно, было положение и в других областях империи, судя по Парламентскому и другим докладам, опубликованным в Европе.

По-видимому, препятствия к осуществлению реформ чинились не столько в Константинополе, сколько самовольными правителями на местах, либо возникали из старинных предрассудков правящего класса; следует прибавить, что во многом повинна была также общепризнанная робость, часто смахивавшая на безразличие тех, к чьей пользе реформы эти предназначались (2:446—449).

Дж.Финн

36. Похищение христианских детей; бессилие местного правителя (Алеппо, 1842)

Честь имею доложить вашей светлости, что в этой части Сирии люди склонны возвращаться к прежним фанатическим обычаям, а высшее начальство, даже если не склонно к тому же, считает политичным делать вид, что разделяет эти чувства.

Постановления Хатти Шерифа (Гюльхане, 1839), предписывающие соблюдать равенство при рассмотрении судебных дел *райя* Порты, в Алеппо силы не имеют по причине магометанских предрассудков; христианин не может стать членом *шауры*, т.е. муниципального совета, хотя именно этот совет принимает решения, касающиеся христианских интересов.

То же самое происходит и во многих других делах. На днях ко мне пришла одна женщина и умоляла меня помочь ей добиться освобождения сына, мальчика лет восьми-девяти, которого, по ее словам, заманил к себе турок и обратил его в магометанство.

Дело было расследовано, и правдивость ее рассказа подтвердилась, но я обнаружил, что подступаться к паше с этой просьбой бесполезно, ибо его превосходительство, даже если бы и пожелал, не осмелится вернуть ребенка его родителям, боясь восстановить против себя все мусульманское население. Бедная женщина рассказала мне, что все ее попытки добиться аудиенции у паши были отвергнуты.

Обращение в мусульманство стало принимать значительные размеры со времени возвращения турок в Сирию[1].

[1] С 1831 по 1840 год Сирией правил Мухаммад Али, египтянин.

Мне сообщили о двадцати пяти таких случаях в Алеппо, из которых пятеро были дети в возрасте от семи до двенадцати лет.

Мин. ин. дел, 78/500, Мур (Алеппо) к Абердину (Лондон), 27 янв. 1842, №5.

37. Мятежи и избиения христиан в Алеппо (1850)

Консул Уэрри уже сообщал вашему превосходительству о плачевных событиях в Алеппо; многочисленные свидетельства, получаемые мною об этом деле, бросают на происшедшее еще более мрачный свет. Далее я перечислю несколько фактов, которые доказывают, что не веди себя турецкие граждане и военные власти столь непростительным образом, бунт этот можно было бы с легкостью пресечь.

В Алеппо существуют две мусульманские группировки, умеренная и фанатическая, из которых последняя включает в себя *айянов*, или высших сановников. Первые обращаются с христианами хорошо, и многие из них во время беспорядков охраняли дома европейцев и даже защищали христиан от их мусульманских врагов с оружием в руках.

В городе стоит гарнизон из 1400 человек, в том числе пехота и кавалерия, а также три пушки. С этим войском и при поддержке умеренной партии оба паши легко могли бы сокрушить алеппскую чернь и диких бедуинов, вооруженных старыми фитильными мушкетами. Но два паши города Алеппо вместо того, чтобы действовать, как приличествует мужам, т.е. решительно, с сознанием своего долга и ответственности, лежащей на властях, покинули город и укрепленный замок, полный военной аму-

ниции, оставив там лишь тридцать пушкарей сомнительной надежности, и укрылись в армейских бараках, где провели всю ночь, совещаясь якобы с *айянами*, чей фанатизм и дурной пример и были причиной насилия над их соседями-христианами.

Предоставив бунтовщикам полную свободу на протяжении целой ночи творить всевозможные зверства в христианском квартале, наутро Керим-паша устраивает, как он это называет, "военную демонстрацию", то есть велит своим войскам и пушкам, с музыкой во главе, промаршировать вокруг христианского квартала, где бунтовщики средь бела дня жгли и грабили церкви, убивали духовенство и мирян и бесчестили христианских женщин на глазах их родных и близких. Бунтовщики отлично поняли, какова цена этому малодушному параду, ибо, как сообщает г-н Уэрри, "и во время, и после него ужасы Гедиды продолжались".

В конце концов, после двадцати часов непрерывных зверств в христианский квартал были посланы несколько солдат под командой гражданского начальника Абдаллы Бея и нескольких здравомыслящих мусульман, и они навели там порядок. Это доказывает, как я заметил выше, что власти с легкостью могли бы сразу все поставить на свои места...

События в Алеппо произвели среди всех слоев общества всех национальностей такую сенсацию, какой я еще здесь не видывал. Население Алеппо представляет собой самую богатую, наилучшим образом управляемую общину в Сирии. И когда эти люди, живущие в обычное время под защитой упорядоченного правительства, двух пашей и воинского гарнизона, оказываются без малейшей провокации с их стороны и без всякого предупреждения жертвами столь жестокой расправы, какую редко

увидишь в городе, захваченном вражеской армией, — это, должен сказать с сожалением, вызывает самые неблагоприятные чувства к ответственному за происшедшее правительству. Христиане Сирии, даже те из них, кто находится под покровительством армии и властей, страшатся, что и их постигнет судьба, подобная судьбе их единоверцев в Алеппо. Там же, куда не простирается защита войск и правительства, страх, разумеется, еще сильнее.

Есть одно лишь средство внести успокоение в Сирию и предотвратить повторение событий, равно противных политическим интересам Порты, как и интересам человечности: Порта должна на будущее предоставить христианам и мусульманам равные права перед законом, осознать всю мучительную серьезность алеппской катастрофы и покарать ее виновников по строжайшим законам неуклонного правосудия. А именно — наказать обоих пашей Алеппо; присудить к смертной казни либо к пожизненному изгнанию убийц и насильников; возместить убытки пострадавшим за счет конфискации имущества тех жителей, которые, прямо или косвенно, причастны были к событиям, лишившим их ни в чем не повинных собратьев-горожан всего самого дорогого.

Но если Порта по собственной воле или введенная в заблуждение своими агентами в Сирии, уже пытающимися найти недостойные оправдания преступникам и переложить вину на самих пострадавших, решит обойти молчанием жестокий фанатизм, породивший ужасы Алеппо и Малули[1], и предательскую нерешительность пашей, непос-

[1] В Малуле христианские дома были разграблены, духовенство перебито, а женщины обесчещены солдатами регулярных войск. (Мин. ин. дел, 78/836, Роз к Кэннингу, 31 окт. 1850, №48).

редственно поощрившую их, — в таком случае, да будет мне позволено сказать, Порта никогда не сумеет вновь завоевать доверие своих христианских подданных в Сирии, которые станут непрерывно домогаться иностранного покровительства и мечтать об иных властях; не сможет она также ни предотвратить повторения алеппской трагедии, ни удержать в подчинении своих мусульманских подданных, которые укрепятся в своем нынешнем, весьма нежелательном убеждении, что Порта, несмотря на все демонстративные декларации, на самом деле относится к своим подданным-христианам с недоверием, если не с отвращением, а в мусульманах видит единственную надежную опору своей власти; и, наконец, предоставленная самой себе, Порта никогда не покарает должной мерой правосудия мусульман, притесняющих своих земляков-христиан. И здесь, сколь ни чувствительна эта тема, долг повелевает мне доложить о случае, всего лишь одном из многих, который подтверждает это опасное впечатление. Я имею в виду подарок, который султан, оделяя этим летом милостями своих приближенных, преподнес Бедр Хан Бею, пребывавшему в тот самый момент в опале за совершенное им избиение христиан, одно из самых кровавых в истории и ничем не спровоцированное. Само собой разумеется, что и удельный паша, и фанатичные городские *айяны*, и чернь города Алеппо, и дикие бедуины видят в поступке султана не что иное, как знак королевского благоволения к мусульманину, нанесшему христианам величайшее зло, какое только доступно фанатичной бесчеловечности. И сколько бы я ни отдавал должное благим намерениям теперешних турецких министров, я вынужден заявить, что все сирийские христиане, за исключением живущих в Ливане, в одни голос жалуются, и увы, слишком справедливо,

что мусульмане и мусульманские законы угнетают их и что искать правосудия как у турецких властей, так и в судах для них почти бесполезно.

Я неоднократно упоминал и в моих донесениях, а недавно и в военном отчете, о двух отрицательных явлениях, каковые, как я предвидел, и привели к катастрофе в Алеппо. Я имею в виду беззаконие и враждебность, царящие среди арабских племен в пустынной полосе между Алеппо и Мертвым морем, а также неспособность войск держать эти племена в повиновении.

Рапорт г-на Калверта за №29 в посольство Ее Величества содержит дальнейшие доказательства неспособности турецких войск принудить обитателей пустынной полосы к соблюдению приказаний паши...

Мин. ин. дел, 78/836, Роз (Бейрут) к Кэннингу (Константинополь), 31 окт. 1850, №47.

38. Мусульмане, православные христиане и протестанты в Наблусе (1853)

Честь имею сообщить, что Его Святейшество наш епископ направил мне уже в третий раз (ноябрь) официальную жалобу в связи с тем, что в здание его школы в Наблусе ворвались несколько местных жителей греческого вероисповедания, которые избили собравшихся там для молитвы протестантов и выгнали их из помещения.

Я послал моего драгомана, вместе с драгоманом Его Святейшества, к паше, дабы представить дело на его рассмотрение, и мы получили от него письмо к губернатору Наблуса. Мой драгоман той же ночью выехал на расследование этого происшествия.

Прибыв на место, он увидел, что недавно назначенный туда губернатор совершенно беспомощен, ибо имеет в своем распоряжении всего девятнадцать полицейских для управления этим непокорным горским уделом, где даже беспощадному пашевоенному едва удавалось поддерживать порядок с помощью кавалерийского полка, полудюжины пушек и большого количества наемной конницы.

В тот день *меджлис* (совет) был всецело занят воинским набором, объявленным султаном. На следующий день туда явился человек из греческого монастыря, по имени Наксифон, который немедленно роздал членам совета 10000 пиастров (т.е. 100 фунтов), после чего губернатор отказался созвать собрание под тем предлогом, что это была пятница, т.е. день богослужения.

В субботу, когда совет, наконец, собрался, муфтий пресек все разговоры, и, по данному им сигналу, помещение немедленно окружила буйная толпа черни, которая, по большей части и понятия не имея, зачем ее созвали, полагала, что надо протестовать против греческой церкви в городе, а потому шумно требовала разрушить все христианские церкви или по крайней мере уменьшить их привилегии и понизить их двери и окна. Они кричали: "Гляди на этого драгомана, вон он сидит на стуле, убей, убей его! Такого христианина мы еще в жизни не видывали!" Тогда муфтий извлек на свет *фетву*, или декрет, гласивший, что постройка христианских церквей является оскорблением мусульманской чести, и допускать можно только те из них, которые имелись в стране к моменту магометанского завоевания; он также повторил устно, что протестантам не дозволено собираться и отправлять богослужение в общественных местах, а если

в частном доме, то не более, нежели втроем, да и то понизив голос.

На следующий день, в воскресенье, драгоман (протестант, уроженец Дамаска, получивший образование во Франции и Англии) присутствовал вместе с другими на общей молитве в доме одного из своих единоверцев, а не в здании школы, и назавтра вернулся в Иерусалим.

Узнав обо всем происшедшем, я отправился к паше, которого нашел в расстроенном здоровье, проистекающем более всего от недомоганий преклонного возраста. Я пожаловался ему на бесчинства муфтия, на угрозы черни убить моего официального переводчика. Я спросил у него копию *фетвы* и потребовал, чтобы муфтий и некий шейх по имени Шехаде были вызваны в Иерусалим, дабы ответить за свое неповиновение милостивому фирману Его Величества султана, защищающему права его подданных-протестантов.

Паша отказался сделать что бы то ни было до тех пор, пока не получит ответа на свое первое письмо по поводу избиения протестантов, отвезенное моим драгоманом в Наблус. Времени для получения этого ответа прошло уже более чем достаточно, но губернатор по-прежнему упорствовал в своем молчании, да и до сих пор, насколько мне известно, ответ от него не пришел...

Не жалея лошадей, вице-консул достиг Наблуса в один переход и прибыл туда в субботу.

На следующее утро он письменно предупредил губернатора, что протестанты собираются совершить богослужение в помещении школы. Губернатор посоветовал им не делать этого и, послав за старейшиной протестантской общины, прочел ему письмо от паши Иерусалима, гласившее, что не следует позволять протестантам молиться в особом

помещении без указа визиря из Константинополя.

Тем не менее, богослужение в помещении школы состоялось, а в полдень в частном доме был совершен обряд крещения новорожденного младенца.

На следующий день собрался совет — губернатор отказался предъявить приказ паши, но местные люди осведомили вице-консула, что он был помечен несколькими днями спустя после первого бунта.

Таково положение дел в настоящее время. Г-н Сандречки предупредил протестантов, чтобы они не собирались для молитвы в помещении школы до тех пор, пока не получится приказ визиря, в соответствии с султанским фирманом, безусловно дозволяющим им иметь постоянные места богослужения...

Мин. ин. дел, 195/369, Финн (Иерусалим) к Кларендону (Лондон), 18 ноября 1853, №28.

39. Изгнание протестантов из Наблуса (1856)

Нижеследующее есть покорнейшая петиция Вашему Превосходительству от протестантов Наблуса, о том, что покорнейшие Ваши просители, побуждаемые к тому своим бедственным и пагубным положением, нижайше доводят до Вашего сведения о наносимых им обидах, об ущемлении их свободы, о терпимых ими беззакониях, о нарушении мира и спокойствия, об опасности, угрожающей их жизни, имуществу и близким, обо всем, что им приходится выносить благодаря постановлениям совета *улама* в Наблусе, имевшего место пять месяцев тому назад; и мы обращаемся к Вам с нижайшею мольбою, дабы Ваше Превосходительство, движимый состраданием, избавил нас от этих жестокосердых и

лицемерных людей, упорно противящихся воле Его Императорского Величества, отнимая у христиан все их права вышеописанным образом.

Со дня обнародования фирмана (Хатти Хумаюн, февраль 1856), провозгласившего свободу религии, магометане Наблуса преисполнены злобы против христиан, оскорбляя Его Величество султана и восклицая: "Не послушаемся твари, требующей непослушания Творцу". Четвертого апреля, в пятницу, в 10 часов утра, большинство *улама*, в том числе два десятка самых влиятельных, собрались в одной из мечетей и стали совещаться. Затем один из них вышел наружу и отправился по улицам и рынкам, громко крича: "Аллах акбар! Господь велик! О магометанская вера, порази христиан!"; поскольку все магометане сошлись в это время в мечети для молитвы, *улама* велели муэдзинам умолкнуть и спуститься с минаретов, уверяя всех, что молебствия не будет, ибо религия Мухаммада умерла; и так они продолжали возбуждать население, разжигая в нем злобу против христиан.

Слыша все это, христиане преисполнились ужаса и пытались найти укрытие, но тщетно, ибо магометане с яростными криками набросились на них; предводительствовал ими муфтий ал-шейх-Ахмед ал-Ханиаши. Первым делом они ворвались в дом служащего французского консульства, Мохаммеда Амина Эффенди-ал-Касима, сломали мачты, на которых развевались французский и турецкий флаги, поднятые за два дня до того в честь новорожденного сына императора Наполеона III [sic], и поволокли эти флаги по улицам. Затем они отправились к школе епископа Гобата; наполовину разрушили ее, разломали мебель, изорвали и пожгли книги; так же поступили они и с помещением, предназначенным для Господней молитвы, где разбили колокол,

подвешенный там по приказу епископа всего за два дня до того; далее они осквернили греческую церковь и дом Уоккила, принадлежащий греческому монастырю, а затем напали на дом Уда-Аззама (служащего Дж.Финна, консула Е.В.), покушаясь убить его и разорить его жилище. По счастию, он покинул город двумя днями ранее, сопровождая епископа в Назарет (они порывались также убить некоторых из Ваших смиренных просителей, а именно преп. г-на Зеллера, Михала Кауара и Саид-Кауара, служащих прусского консула); поскольку дверь его дома была весьма крепка, они разбили ее топорами, вошли внутрь, разграбили все, что нашли, а чего не могли унести с собой, перепортили; сломали древко британского флага, также поднятого в честь рождения сына Наполеона Третьего, и поволокли его по улицам; они застали там слугу преп. г-на Зеллера, жестоко его изранили и бросили, почитая за мертвого; разыскав еще одного уважаемого христианина, Самаана Кауара, отца покорного слуги Вашего Саид-Кауара, они убили его, нанеся ему двадцать восемь ножевых ран; оттуда они направились к дому преп. г-на Зеллера, священника, присланного сюда Миссионерским церковным обществом, и разграбили его, а также и имущество преп. г-на Бауэна, английского священника, ранее обитавшего в этом же доме, забрав все, что могли, а чего не могли унести с собой, уничтожили; затем они двинулись к дому Саид-Кауара, но он находился под защитой некоторых своих сострадательных [мусульманских] соседей, опасавшихся, что разбойники схватят вдову уже убитого ими человека и поступят с нею подобным же образом. Встретив по дороге пятерых других христиан, они избили их; они также безжалостно замучили несчастного христианского юношу, по-

грузив его в негашеную известь. Крики жертв были ужасны, смешиваясь с визгом мусульманских женщин, подстрекавших и поощрявших убийц со своих балконов, и от этого ужаса у двенадцати беременных христианских женщин произошли выкидыши. Затем бунтовщики бросились к дому губернатора, чтобы схватить преп. г-на Лайда (который в тот день непредумышленно застрелил некоего немого), но не смогли войти внутрь, остановленные Каимом Макамом и несколькими солдатами; после чего, когда они увидели, что не могут добраться до г-на Лайда и что другие, кого они искали, покинули город, ярость их начала несколько умеряться. Пожелай Ваши покорнейшие слуги доложить Вашему Превосходительству обо всех прискорбных и горестных деяниях, совершенных здесь, эта краткая петиция не в состоянии была бы вместить их; [православные] греки так запуганы, что делают вид, будто бы вполне довольны магометанами, и не требуют возмещения за понесенный ущерб.

С тех пор Вашим покорным просителям-протестантам, обладателям "дурного глаза", непрерывно грозят возмездием и смертью, так что все они, кто только мог, бежали от преследований, тем самым потеряв все свои предприятия и средства к существованию, а те, кто не смог бежать, умоляли о защите греков, ибо наибольшая злоба направлена была на покорнейших Ваших просителей, поскольку в своем невежестве мусульмане почитают всех протестантов за англичан, по причине единой религии, и оттого они вменяют покорным Вашим слугам в вину то несчастие, что произошло с преп. г-ном Лайдом, ибо он англичанин; магометане, в своей бескрайней ненависти и злобе к нашей религии, не делают различия между христианскими нациями.

Одного лишь христианского милосердия доволь-

но будет, дабы побудить Ваше Превосходительство заняться нашим делом и защитить нас, ибо смиренным Вашим просителям известна благосклонная готовность британского правительства спешить на помощь всем несправедливо обиженным. Обида наша велика; прошло уже пять месяцев, и мы возлагаем все наши надежды на Ваше Превосходительство, веря, что виновные понесут справедливую кару, те же, кто невинно пострадал, получат должное возмещение.

Думается нам, что некоторые официальные лица, связанные с иными правительствами, сообщили, пожалуй, своим вышестоящим особам, будто беспорядки в Наблусе были не важным делом, не заслуживающим их вмешательства, но рассказанного нами довольно, дабы Ваше Превосходительство увидели, что дело это весьма серьезное, требующее Вашего рассмотрения, что ущерб нанесен был не только покорным Вашим слугам, но и высшим властям, так же, как и истине и правосудию Всевышнего; нижайшие Ваши просители стали притчею во языцех для всех окружающих; буде случится где христианину разойтись во мнениях с магометанином, последний говорит ему: мы сделаем с тобою то же, что было сделано в Наблусе, а потому со времени беспорядков в Наблусе христиан во многих местах всячески притесняют.

Ваши покорные просители видят в этом дело вовсе не пустячное, каковое совесть обязывает их доложить Вашему Превосходительству, умоляя Вас вызволить их из нынешнего их угнетенного состояния и надеясь, что как лицо, известное своим человеколюбием, Вы станете способствовать скорейшему его исправлению, ибо если оно протянется долее, нижайшие Ваши просители впадут в полное ничтожество.

С неизменной молитвой, как повелевает нам и детям нашим священный долг,

Ваши нижайшие и покорнейшие слуги
Уда-Аззам, Саид-Кауар, Михал Кауар, Якуб эл-Муса, Дауд-Таннус, Гергес-Таннус, Михал-Дурзей, Муса-Дурзей и все протестанты — уроженцы города Наблус.

Мин. ин. дел, 195/524. Петиция (на английском и арабском) к Кэннингу (Константинополь), 13 сент. 1856.

Воззвание иерусалимских протестантов

Мы, члены конгрегации христиан-протестантов города Иерусалима, почтительнейше позволяем себе обратить внимание Вашего Превосходительства на бедственное положение наших собратьев, туземных протестантов Наблуса, вынужденных бежать из своих домов и искать в Иерусалиме прибежища от нестерпимых магометанских преследований.

Ваше Превосходительство, как мы полагаем, уже получили через британского консула в Иерусалиме, а также и через друзей-христиан в Константинополе, подробный отчет об устрашающем бунте, имевшем место среди магометанского населения Наблуса в апреле сего года, случайным толчком к которому послужила непредумышленная смерть некоего дервиша от рук английского подданного. Эта смерть, которая повсеместно признана за следствие несчастного случая и которая в любое иное время произвела бы лишь незначительное впечатление, на сей раз превращена была в повод для всеобщего и жесточайшего взрыва магометанского фанатизма, нашедшего свое выражение в актах на-

силия против жизни и собственности христианских жителей без всякого различия. Протестанты, однако, пострадали более всех прочих христиан: один из них, отец служащего прусского консульства, был убит, другой, слуга преп. г-на Зеллера из Миссионерского церковного общества, опасно ранен, и все они подвергались прямой смертельной опасности. Здание школы при миссии было взломано и почти полностью разрушено, обширный запас Библий и школьных учебников изорван и расшвырян. Бунтовщики ворвались в дом миссионера и разграбили либо уничтожили ценные книги, мебель и одежду. Жертвы насилия, не видя для себя безопасного уголка в Наблусе, не имели иного выхода, как лишь искать временного прибежища в Иерусалиме, где были милосердно приняты и пристроены епископом.

Пять месяцев минуло с тех пор, как они были изгнаны из собственных своих жилищ и лишены возможности зарабатывать себе на пропитание обычными своими занятиями, и однако же никакие законные меры не были приняты, дабы привести бунтовщиков к правосудию и вознаградить пострадавших за перенесенные ими мучения и убытки.

Простая справедливость по отношению к нашим преследуемым собратьям требует ответа на недостойную попытку исказить существо дела, предпринятую ультрамонтанским [римско-католическим] журналом в Париже, который придал событиям в Наблусе ложную окраску, изображая дело так, будто бы беспорядки эти были спровоцированы вызывающим поведением христиан-протестантов и будто бы враждебность направлена была исключительно против них. Между тем хорошо известно, что мусульмане, воспламененные в своей предубежденности эдиктом Хатти Шериф (Хумаюн,

февр. 1856), вполне созрели для бунта еще до несчастного случая с убитым дервишем и что ярость бунтовщиков направлена была на всех христиан без разбору. Жилища французских, английских и прусских агентов все были взломаны и разграблены, а их национальные флаги, впервые поднятые там в честь рождения наследного принца Франции, сорваны чернью и затоптаны в грязь. В то же самое время бунтовщики ворвались в греческую церковь и в дом греческого священника, разграбили и разломали все их содержимое. Священнику пришлось спасаться бегством.

С чувством глубокого участия к нашим страдающим братьям из Наблуса, к коему примешивается и некоторое опасение за собственную нашу безопасность, так же, как и за безопасность протестантов в других частях Палестины и Сирии, обращаемся мы к Вашему Превосходительству, с верою ища Вашей защиты в это смутное и опасное время. Мы вполне сознаем, сколь необходимо нам блюсти величайшую осторожность, терпение и осмотрительность по отношению к мусульманам, избегая любых действий, могущих без нужды раздражить их самолюбие, их предубеждения и зависть. Таково, мы убеждены, настроение среди протестантов в наших краях, но мы не можем отвечать за поведение христиан иных вероисповеданий, склонных порой к преднамеренному и оскорбительному выставлению напоказ своих свежеприобретенных свобод, что со временем может привести к повторению ужасных событий, подобных тем, что произошли в Наблусе, ибо волнения не ограничиваются лишь этим местом, но широко распространены среди всего мусульманского населения, решимость которого противиться осуществлению Хатти Шерифа очевидна.

Меры, посредством которых несчастные наблусские изгнанники возвращены будут в свои жилища и вознаграждены за претерпленные ими потери и жестокие муки, мы оставляем на мудрое и опытное усмотрение Вашего Превосходительства. Мы, однако, позволим себе почтительнейше заметить, что запоздалое правосудие ослабляет воздействие свое на преступников и сулит безнаказанность тем, кто пожелает повторить подобные бесчинства в иных местах...

Мин. ин. дел, 195/524. Николайсон (Иерусалим) и еще девятнадцать подписей протестантов. Включено в письмо Финна (Иерусалим) к Кэннингу (Константинополь), сент. 1856. Идентичную копию см. в письме Финна (Иерусалим) к Кларендону (Лондон), сент. 1856 (Мин. ин. дел, 78/1217).

40. Безнаказанность *улама* в Палестине

Честь имею сообщить, что паша по-прежнему отсутствует, отправившись собирать подати в Наблусе.

Некоторое время тому назад он пригласил к себе моего драгомана; обсудив с ним прискорбные события в апреле 1856 года [в Наблусе], его превосходительство изъявил величайшую готовность совершить правосудие, но заметил, что не в его власти предпринять какие бы то ни было меры — он может лишь доложить выше о своих расследованиях по этому делу.

Подобно всем прочим правителям, он не соглашался наказать ни одного из виновных, объясняя, что получил официальное указание действовать с осмотрительностью, не рискуя нарушить спокой-

ствие среди населения; как и все прочие, он придерживался мнения, что наказывать кого бы то ни было из ученого сословия, *улама*, чрезвычайно опасно. Точно такие же речи я слышу всякий раз, когда пытаюсь призвать к ответу муфтия Газы.

Таким образом, становится очевидно, что несмотря на реформы, проведенные на бумаге Турецкой империей, по-прежнему существует целое сословие людей, безнаказанно могущих подстрекать к бунту, грабежу и убийству — трогать их нельзя, ибо они принадлежат к *улама*.

Я, однако, должен заметить, что на эту их неприкосновенность не ссылались столь нагло, да и не была она столь реальна в эпоху между реставрацией здесь султанской власти в 1841 году и вплоть до завершения недавней [Крымской] войны, после чего магометанская дерзость расцвела пышным цветом вследствие того, что на политической арене стали домогаться расположения Турции, уверяя ее, что она теперь принята в семью европейских народов.

Мы слышим, как мусульмане с торжеством цитируют выражения такого рода из турецких и арабских газет, в то время как на практике древняя система подкупа и взяток едва ли подверглась изменениям.

Я могу сказать с уверенностью, что среди христиан растет чувство глубокого недовольства, и нередко выражаются надежды в пользу русского вмешательства.

Христиане жалуются, что их оскорбляют на улицах; что в судах они не пользуются правами наравне со своими мусульманскими согражданами; что их изгоняют со всех почти государственных административных постов; что почетное право воинской службы у них отнято, зато старинная подать, *харадж*, налагаемая на них, удвоена, называясь

теперь *мал-а анек*; и что старый полковник, назначенный на время отсутствия паши в качестве его заместителя, ведет себя самым раздражающим для христиан образом — также и невежество его по деловой части вынудило меня, а вслед за мной и многих других консулов, отказаться от помощи военного режима в рассмотрении цивильных дел.

Мин. ин. дел, 195/524. Финн (Иерусалим) к Кэннингу (Константинополь), 22 июля 1857, №29.

41. Христиане в Иерусалиме (1858)

В продолжение моего рапорта о страхах христиан перед лицом растущего фанатизма магометанского населения, честь имею сообщить, что мне ежедневно рассказывают об оскорблениях, наносимых на улицах христианам и евреям и сопровождаемых насильственными действиями.

Хотя последние по большей части и не носят серьезного характера, но повторяются все чаще, и пострадавшие, если они местные уроженцы, опасаются сообщать о них турецким властям, ибо, невзирая на Хатти Хумаюн, мне не известно ни одного случая, когда бы свидетельство христианина против мусульманина было принято в религиозном либо в гражданском суде. Случалось, правда, что мусульман карали за оскорбления, нанесенные христианам, но делалось это в дисциплинарном порядке, без суда и следствия и без включения в протокол показаний пострадавшей стороны.

Между тем, подобные прискорбные происшествия выпадают на долю даже и высокопоставленных особ. Всего несколько дней назад его святейшество

греческий патриарх, сопровождаемый своей свитой и драгоманом, возвращался из здания суда кади (возможно, после того, как он нанес новому кади визит) и, проходя по улицам, осыпан был градом проклятий его религии, его молитвам, его предкам и т.п.

И это в Иерусалиме, где реют флаги христианских консулов, в том числе и русского; так долго ли дело будет ограничиваться только этим?

Что же до самого происшествия, то дело тут не столько в наказании виновных, что вряд ли и возможно, сколько в том, что оно служит показателем настроений общества. Во времена Кямила-паши такое случиться не могло, хотя он и был покровителем латинских интересов.

Нынешний паша чванится тем, что не слишкомто легко верит жалобам христиан, и недавно ненароком проговорился моему драгоману, что задача его здесь, помимо и превыше обычной работы, состоит не так в подавлении христиан, как в умалении европейского влияния.

По этому поводу я позволю себе выразить мнение, что желание это, присущее немногим патриотически настроенным туркам, могло бы почитаться извинительным, буде ограничивалось скорее чувствами, чем действиями; к сожалению, лица эти полагают, что могут добиться своей цели только замедляя прогресс среди собственного своего народа. Общественные работы не только не предпринимаются, но встречают умышленные препоны со стороны властей. Малейшее проявление общественного мнения в прессе пресекается, поскольку же европейцы — христиане, а европейцам следует всячески препятствовать, то и выходит так, что не-

зависимость Турецкой империи поневоле сводится к независимости магометанства (сс. 500-501).

Финн (Иерусалим) к Молмсбери (Лондон), 8 ноября 1858, №67, в *PP* 1860 [2734] LXIX (выдержки).

42. Изгнание христиан из селений близ Наблуса (1858)

К сему имею честь приложить копию моего донесения от 27-го прошлого месяца к г-ну Муру, генеральному консулу Ее Величества, а также сообщить, что христианские семейства, проживающие в различных деревнях вокруг Наблуса, подверглись всяческому разбою и поношению при известии о скором прибытии военного паши Тахира.

Два же селения, Зебабде и Ликфаир, где все жители — христиане, и в первом из которых имеется скромная часовня, разгромлены были до основания, а люди, мужчины и женщины, раздеты чуть не донага и вышвырнуты вон. Сделали это обитатели деревень Тубаз и Кабатие, известные своей склонностью к насилию, а со стороны воинских властей не воспоследовало ни возмещения пострадавшим, ни кары преступникам. Нечего говорить, что и от гражданского правителя, человека также пристрастного, ожидать этого не приходится.

Прибыв в наш город, Тахир-паша потребовал себе дом, дабы расквартировать своих солдат, вместо того, чтобы, пользуясь прекрасной здешней погодой, разместиться в палатках. Был реквизирован, в отсутствие хозяина, дом христианского (греческого) священника; его запасы зерна и оливкового масла для домашнего потребления в зимние месяцы были захвачены, но не солдатами для своего

провианта (ибо за это хозяин мог бы востребовать с правительства), а мусульманскими обывателями, которые, свалив в одну кучу пшеницу, ячмень, чечевицу и масло, выбросили все это на улицу.

Я все более и более укрепляюсь в убеждении, что причиной мятежа в Наблусе в 1856 году послужили антихристианские настроения.

В настоящем случае можно допустить, что военный паша не был осведомлен о том, что произошло во время реквизиции дома для его постоя. Почему, однако, он не знает того, что знаю я? Просто потому, что я — христианин, а ему, нехристианину, да который к тому же и сам боится принудить жителей к повиновению, люди опасаются сообщать о своих обидах.

В заключение позволю себе процитировать утверждение палестинских христиан, непрерывно повторяемое ими, о том, что положение их стало несравненно хуже, чем было прежде, меж 1831 годом и вплоть до окончания Русской войны (с. 501).

Финн (Иерусалим) к Молмсбери (Лондон), 8 ноября 1858, №68, в *PP* 1860 [2734] LXIX .

43. Сообщение о христианах Алеппо (1859)

Христианские подданные султана в Алеппо попрежнему живут в страхе. Объяснить это можно лишь тем шоком, который они получили девять лет назад, ибо теперешнее их положение ни в каком смысле не кажется мне хуже положения христианских жителей в других турецких городах, где, однако, нет подобного ощущения ужаса.

События, подобные произошедшим в 1850 году, забываются нелегко. Жилища их были разграб-

лены, несколько почитаемых всеми граждан убито, женщины обесчещены. А потому неудивительно, что люди, бывшие свидетелями столь ужасных деяний, скрывают свое богатство и не позволяют членам своих семей выходить за пределы христианского квартала. До египетской оккупации в 1832 году у них были причины для жалоб, ныне, казалось бы, потерявшие свою основательность. Им не дозволялось ездить по городу верхом, нельзя было даже гулять по саду. Богатые купцы вынуждены были одеваться в жалкие отрепья, дабы не привлекать к себе внимания; ежели последнее происходило, их нередко заставляли подметать улицы либо таскать тяжести в доказательство их смирения и покорности, и мусульмане, обращаясь к ним, неизменно присовокупляли к сему презрительные выражения. Египтяне же обращались с ними иначе, и по окончании их оккупации [1840] мусульманское население, по видимости, не вернулось к прежним обычаям. В глубине души, однако, я не верю в перемену. Христиане утверждают, что никакой перемены и нет, кроме разве самой поверхностной, и неизменно ожидают грабежей и убийств при каждом всплеске фанатизма, порожденном очередным магометанским празднеством.

Сильное недовольство христиан вызывает *беделие аскерие*, или пошлина взамен воинской обязанности, каковой принцип они признают за справедливый, но не способ его приложения. Так, они считают, что не должны были бы платить эту пошлину в то время, когда нет рекрутского набора; что вполне правильно брать с христиан деньги, если турки дают своих мужчин, но, взимая пошлину с одних и не беря рекрутов у других, правительство делает поблажку мусульманскому населению за счет христиан, которым оно якобы оказало свою

милость, отменив *харадж* (подушную подать), и что распределение этой пошлины неравномерно, поскольку в одних городах она взимается, а в других нет. *Харадж*, взимаемый с города Алеппо, составлял 100 000 пиастров в год, в то время как *беделие аскерие* доходит до 240 000 пиастров, уплачиваемых пятнадцатью тысячами христиан и четырьмя тысячами евреев взамен за 48 рекрутов, по 5 000 пиастров за каждого. Пошлина ложится на них тяжким бременем, тем более тяжким, что новшество это было представлено им в виде благодеяния, оказанного им султаном под давлением из-за границы. А *верги*, личная подать, берется неравномерно с различных сословий населения в Эдлибе, городе сего пашалыка: по 25 пиастров с магометан и по 40 пиастров с христиан, которые горько жалуются на эту несправедливость. Епископы представили сие на рассмотрение губернатора, который, ко всеобщему удивлению, признал, что подать распределяется несправедливо, и согласился уменьшить сумму, уплачиваемую христианами, однако при этом установил расценки столь произвольно, что диспропорция лишь сократилась, но не исчезла вполне. Он милостиво согласился принять сумму в 38 пиастров, каковую милость христиане отклонили.

В другой части нашего консульского округа вообще не замечается никаких перемен по сравнению с прежними кровопролитными и разбойными временами турецкого владычества. Я имею в виду Ансаирские горы, простирающиеся меж долиной Оронтес и до горы Ливанской. Не так давно член триполитанского *меджлиса*, проезжая, в погоне за мятежными ансаирцами, через христианскую деревню, предал ее огню, а ценное движимое имущество обитателей, сложенное ими в здании

МАРОНИТ И МАРОНИТКА
Гравюра Лалли по рисунку А.Бида

церкви в надежде на ее неприкосновенность, было взломано и разграблено. Сей последний случай, вместе с другими столь же возмутительными, представлен был на рассмотрение генерального консула Ее Величества в Сирии, поскольку виновные в них подлежат юрисдикции бейрутского паши, а следовательно, наверняка дошел уже до сведения Вашего Превосходительства.

Мин. ин. дел, 78/1452, Скин (Алеппо) к Булверу (Константинополь), 31 марта 1859, №11 (выдержки).

44. Избиение христиан в Хасбее и Рашее (июнь 1860)

Шестого и седьмого августа я получил от некоторых обитателей Хасбеи и Рашеи столь прискорбные известия о положении христиан в сей округе, что решил без промедления посетить оба эти города, бывшие недавно свидетелями ужасной резни. Восьмого я имел аудиенцию у его превосходительства Фуада-паши и объявил ему о моем намерении, испрашивая одновременно полномочий для перемещения, буде потребуется, христиан из этих мест либо для обеспечения наилучших средств их безопасности. Паша изъявил живейшее удовольствие по поводу моего предложения, ибо, сказал он, настоятельно желал получить достоверную информацию о происходящем там, каковых правдивых сведений он до сих пор никак раздобыть не мог. Он немедля распорядился дать мне эскорт, обещая в будущих своих мерах по обеспечению безопасности вокруг Хермона руководствоваться моими донесениями, и передал в мое распоряжение сумму в двад-

цать тысяч пиастров для раздачи пострадавшим христианам в тех местах, куда я направлялся.

Я покинул Дамаск в тот же вечер, восьмого августа, и достиг Рашеи на следующее утро. По прибытии туда я остановился в доме вождя друзов Хазаи эл-Ариана и немедленно принялся наводить справки о числе христиан, проживающих ныне в селении, и об их положении. Очень скоро я обнаружил, что положение их поистине бедственно: еды у них никакой не было, кроме той, что уделяли им от щедрот своих, весьма скудных, здешние друзы. Население составляет 1 100 душ, из которых лишь 76 мужчин, остальных же всех поубивали, и лишь немногие бежали в Дамаск и Бейрут. Дабы раздать предназначенное им вспомоществование, я составил реестр всех женщин и детей, а затем разделил их в соответствии с кварталами, в коих они обитали; образовавшиеся таким путем группы собраны были каждая в отдельном доме, а затем женщины и дети выпускались по одному через дверь, у которой стоял я и вручал каждому деньги, так что у меня была возможность установить почти в точности число наличных жителей в Рашее. Друзы, однако, очень скоро преисполнились зависти и толпами стали ходить ко мне, спрашивая, что я делаю у них в городе и зачем приехал.

...В ту ночь я двинулся в Хасбею и, проследовав через Кфейр и Мимис, деревни, где почти все христианские дома были сожжены и 110 христиан перебиты, добрался до второго обширного поселения в Хермонском округе, т.е. до Хасбеи. Здесь я повторил свои расспросы, сосчитал женщин и детей, роздал деньги и принял у себя местных предводителей. Общее число христиан в тот момент составляло 1 430, тогда как всего лишь тремя месяцами ранее их было не менее 3 200; кое-кто из них находится

в Бейруте и Дамаске, но я боюсь, что по меньшей мере тысяча триста человек были убиты. Христиане здесь находятся в таком же бедственном положении, как и те, кого я видел в Рашее; в обоих городах они пребывают в непрестанном страхе дальнейших насилий, ибо среди друзов снова замечается сильное возбуждение. Я посетил Серай, переполненный телами христиан; никто не позаботился предать их земле, но, как ни удивительно, они хорошо сохранились, иссушаемые жгучим сирийским солнцем. Зрелище было ужасное; тела во всех возможных положениях усеивали пространство вокруг дворца, где белые камни мостовой окрасились в темно-коричневый цвет; но еще страшнее был вид, ожидавший нас в верхних палатах: почти везде трупы громоздились кучами высотой до пяти или шести футов, брошенные как попало. Усугубляя ужас этой чудовищной картины, за мною следовали несчастные женщины, которые начинали выть и причитать над мертвыми телами. Они вели меня от трупа к трупу, рассказывая, как их братья, отцы, мужья и сыновья гибли у них на глазах, и призывая меня в свидетели и мстители их страданий. Друзы же, сопровождавшие меня, насмехались над лежащими вокруг трупами; молодой парень показал мне пару пистолетов с серебряной насечкой, жалуясь, что разбил один из них о христианскую голову: "И надо же было мне попортить его о твердый христианский череп, будь он проклят!" Друзы здесь гораздо бесстыднее и наглее, чем все, каких я видывал прежде. Я ведь ездил по всем их землям и посетил даже их крепость в Хауране, и везде встречал самый любезный прием. Теперь, однако, они ведут себя необычайно нагло, похваляются числом убитых христиан и уверяют, что разгромят любые посланные против них воинские силы. Эмиру Саад эд-Дину, особо

ненавистному друзам, отрубили во время резни голову, а тело его бросили под стены замка. Говорят, что ворвавшись в Серай, друзы сперва принялись рубить христиан на части, но некоторые заметили: "Поступая так, мы попортим их одежды, давайте сначала разденем их, а потом убьем". И впрямь, они принялись раздевать свои жертвы, а затем убивать с полнейшим хладнокровием. Я навел справки относительно пушки, имевшейся у гарнизонного командира в хасбейском Серае, — сколько раз из нее стреляли и т.д. Христиане сказали мне, что она выстрелила двадцать семь раз, но что все ядра попали в дома христианского квартала; так оно, видно, и было — я спрашивал и друзов, и они сказали: "Да, это правда, Осман-бей собирался стрелять в нас, но он слишком низко навел свою пушку, так что она нанесла ущерб христианам, а не нам". Осман-бей велел открыть двери Серая, куда хлынули друзы и принялись за резню.

Вечером друзы снова стали угрожать мне смертью, по причине чего человек из моего эскорта вступил с ними в перепалку, и тогда двое набросились на него. Дело не обошлось бы без кровопролития, если бы не вступились другие. Вслед за тем я отправился назад, опять проезжая через сожженные деревни, где немногие уцелевшие христиане кое-как пытаются свести концы с концами. В Рашее, куда я вернулся, взору моему снова представилось зрелище, подобное виденному мною в хасбейском Серае; после чего я проследовал обратно в Дамаск, куда и прибыл ранним утром двенадцатого числа.

Результат моей поездки и наведенных мною справок таков, что я убедился в величайшей опасности, угрожающей христианам. Ни один из них не осмеливается выйти за пределы города. Еженедель-

МАРОНИТЫ В МОНАСТЫРЕ МАР-АНТУН
Гравюра Э.-Ж.Гошара по рисунку Ж.-П.Грансира
(сделанному в наброске Н.Эно)

но происходят нападения на них и даже убийства. Друзы грозят уничтожить их всех поголовно, буде кто попытается переместить их в Бейрут...

Мин. ин. дел, 78/1520, выдержки из "Донесения, составленного Сирилом Грэмом, о положении христиан в округах Хасбея и Рашея", включенного в письмо Бранта (Дамаск) к Расселу (Лондон), 13 августа 1860, №13.

45. Избиение христиан в Дамаске (июль 1860)

Честь имею препроводить Вашему Сиятельству копию доклада, составленного по моей просьбе г-ном Робсоном для ознакомления Вашего Превосходительства с обстоятельствами резни в Дамаске.

Г-н Робсон — ирландский миссионер пресвитерианской веры. Это человек здравого суждения и ясного ума. Он прожил в Дамаске восемнадцать лет, отлично владеет арабским и, по самой природе своего занятия, может со знанием дела говорить обо всем, касающемся этой страны.

Его сообщение, вместе с сообщением г-на Грэма, копию которого я уже имел честь препроводить Вашему Сиятельству, образует связный и достоверный рассказ о прискорбных событиях, затопивших кровью эту провинцию.

Меморандум

С самого начала войны между христианами и друзами в Ливане христиане Дамаска пребывали в величайшей тревоге, ибо их мусульманские сограждане непрерывно адресовались к ним с самыми угрожающими и оскорбительными выражениями.

Стоило им показаться на базарах или на улицах в мусульманском городе, мужчины и мальчишки осыпали их и их религию унизительными и обидными кличками, проклинали их и часто кричали, что пришла пора восстать против них. Повторные военные успехи друзов увеличивали наглость одной стороны и запуганность другой. Избиение христиан Кинакира, известия о котором достигли города 11-го июня, резня в Хасбее и Рашее, бесчинства, совершаемые друзами и мусульманами по всем деревням округи, и зрелище несчастных беженцев, стекающихся в город в поисках укрытия и пропитания, численностью до пяти, а то и шести тысяч человек — все это подстрекало и возбуждало мусульман, наполняя сердца христиан все большим ужасом.

Промежду всех сословий и сект все сильнее распространялось ощущение, что само правительство желает полного уничтожения христиан и принимает к тому меры. Людей удерживала в городе лишь невозможность бегства в какое бы то ни было безопасное место. Падение Захле и резня в Дейр-эл-Камаре воспламенили мусульман до крайней степени и превратили христианские страхи во всеобщую панику.

Тем временем мусульмане становились все высокомернее и наглее; угрозы и оскорбления сыпались на христиан все чаще и звучали все унизительнее и опаснее; христиане же тем временем становились все запуганнее, смиреннее и подобострастнее. Они, мнилось, разом отказались от всех прав и свобод, завоеванных ими за последние двадцать семь лет. Они не осмеливались ездить верхом по городу; они перестали оскорбляться оскорблениями и жаловаться на обиды; они воздерживались от требований уплаты долгов мусульманами и не вчиняли им

исков; они молча сносили обман, а нередко и прямой грабеж. Дабы избежать унижений, христиане перестали посещать кафе, гулять в садах и других местах общественных увеселений, а также почти вовсе забросили свои магазины и конторы в городе. Мало кто из них надеялся, что предстоящий праздник *курбан байрам* обойдется без нападений на их квартал, и на те четыре дня, пока длился праздник, они почти полностью затворились в своих домах и в своем квартале.

Празднество началось 29-го июня. В этот день в христианском квартале был размещен воинский отряд, что несколько ободрило христиан. Они знали, однако, что имперские войска присутствовали при всех бунтах в горах, где происходило избиение их собратьев, и что некоторые офицеры здешнего гарнизона и многие солдаты сами были участниками резни в Хасбее и Рашее; чем долее они обсуждали это обстоятельство и раздумывали о нем, тем сильнее возрастала их тревога и их недоверие к солдатам.

Байрам отошел, и они вздохнули с некоторым облегчением. Однако наглость и враждебность в поведении мусульман отнюдь не уменьшились и, поскольку христиане и христианство по-прежнему подвергались поношениям, тревога и страх царили повсюду.

Тем не менее, к понедельнику, 9-го июля, поскольку в городе так и не произошло ничего серьезного, да и из других мест ничего не было слышно, христиане сумели убедить себя, что опасность, так долго мучившая и пугавшая их, почти миновала.

Судя по всему, кое-кто из мусульман приложил немало усилий к тому, чтобы их успокоить. Накануне вечером Мустафа-бей эл-Хаусали, ныне позорно знаменитый, нанес визит нескольким вид-

ным христианам, убеждая их, что никаких причин для опасений более нет и что они могут ложиться спать не запирая дверей, ибо он гарантирует им полнейшую безопасность. А потому девятого июля несчастные христиане, поздравляя друг друга со счастливо избегнутой опасностью, вернулись более или менее к своим обычным занятиям. Правительственные чиновники отправились во дворец, владельцы магазинов возобновили торговлю, ремесленники принялись за свои труды, детей отправили в школы.

В тот же самый день паша приказал заковать в колодки двоих молодых мусульман за оскорбление христианина, и примерно в два часа пополудни их послали подметать улицы. В тот же час, как будто по условленному знаку, жители принялись закрывать лавки на главных базарах, громко славя религию Мухаммада, проклиная неверных, подстрекая друг друга вооружаться и идти на христиан. Сразу начала собираться вооруженная толпа. Люди сбегались с улиц, соседствующих с христианским кварталом, из Шагура, южного пригорода, из Медана, лежащего в юго-восточной части, из Салехье, большой деревни, расположенной примерно в двух милях от города. Они воспламеняли и возбуждали друг друга, выкрикивая имена Мухаммада и пророков, осыпая проклятиями неверных и восклицая: "К оружию, к оружию! Бей, грабь, жги! Настал день кровопролития, взошло кровавое солнце!" — и тому подобное.

Женщины также распаляли мужчин своими воплями и проклятиями, моля небо о победе и успехе. Поначалу все они боялись войска и избегали тех мест, где стояли солдаты, но очень скоро они обнаружили, что с этой стороны опасаться нечего. Башибузуки [наемные войска] Салима Ага-эл-Му-

хайне, Мустафы-бея эл-Хаусали и других, а также наемники-курды под началом Саид-аги и *заптие*, полицейские, были среди первых и самых рьяных убийц и грабителей. А между тем башибузуки под началом Хаусали были наняты специально для поддержания порядка в городе во время бесчинств.

Начиная с вечера в понедельник и на протяжении вторника к местным жителям постепенно присоединялись друзы из Медана и из Джерманы, друзской деревни, расположенной в двух милях от города, а также мусульмане из соседних сельских местностей. Впрочем, ни друзские предводители, ни регулярные военные части друзов из отдаленных окраин никакого участия в деле не принимали.

За исключением башибузуков, толпа вооружена была очень скверно. У немногих были мушкеты, кое у кого пистолеты, несколько сабель, некоторое количество алебард и кинжалов, большинство же размахивало палками и дубинками. Одно ружье приходилось не менее чем на двадцать человек, да и толку от этих ружей было немного.

Исполни башибузуки и *заптие* свой долг, мятеж был бы подавлен в зачатке; даже если бы они лишь не вмешивались в дело, толпу можно было бы утихомирить без особых усилий. И даже башибузуки, стоило войскам проявить самую малую настойчивость, вряд ли оказали бы им серьезное сопротивление.

Христиане не защищались. Один грек, говорят, выстрелил несколько раз в толпу, да из домов местных жителей раздалось два выстрела. Кроме этого, убийцы не встретили никакого сопротивления. Оружия у христиан почитай что не было. Несколько охотничьих ружей у молодежи, два-три пистолета и, кажется, ни одной сабли или алебарды.

Русское консульство, в самом центре христи-

анского квартала, подверглось нападению одним из первых, грабежу и огню. Консульский драгоман был убит. Двое из его слуг избежали смерти, спрятавшись в подвале, где под сожженными руинами здания просидели четыре дня без пищи и питья. Среди зданий, куда прежде всего устремились мятежники, были дома голландского и бельгийского вице-консулов, вице-консула Соединенных Штатов и дом американского миссионера, г-на Фрезьера. Первый из вышеупомянутых успел скрыться вместе с семьей перед тем, как мятежники ворвались в его дом. Г-н Фрезьер и его семья покинули город еще до начала беспорядков. Американский вице-консул получил серьезное ранение и спасся с величайшим трудом. Двоих его старших сыновей не было дома; все члены семьи очутились кто где, и прошло немало дней, прежде чем им удалось собраться вместе. Дома христиан побогаче, куда толпу привлекал соблазн обильной поживы, все подверглись нападению в самом начале. Затем пришел черед и соседних домов и так кровопролитие, грабеж, огонь и разорение распространялись все шире и шире. В греческой церкви и в патриархате грабителям досталась особенно роскошная добыча в виде церковных украшений и сосудов, богатых священнических одеяний, серебряной посуды патриарха, а также денег из казны.

В день начала беспорядков все это находилось под охраной солдат, но на закате мятежники взломали ворота, разграбили что могли, а остальное подожгли. При этом погибло немалое число народу.

Порядок действий везде был одинаков. Чернь взламывала двери топорами, врывалась внутрь и первым делом бросалась искать мужчин. Найденных тут же приканчивали палками, дубинками, топорами, кинжалами, саблями, а иногда и из ог-

нестрельного оружия. Затем из дома вытаскивали мебель, одежду, съестные припасы, орудия и изделия ремесла и вообще все, что там было, особенно тщательно ища спрятанные деньги и ценности, выпытывая под страхом смерти у женщин и детей, где находятся мужчины и где что спрятано. Они обыскивали женщин, не укрывают ли те в своих одеждах драгоценности либо деньги, и если видели на них или на детях какую одежду получше, то обычно забирали и это. Очень часто они хватали девушек и молодых женщин и уводили на некоторое время с собой. Затем дом предавался огню.

Наилучшим образом вооруженные, наиболее уважаемые и наиболее предприимчивые среди убийц захватывали обычно самое ценное, что было в доме, а затем переходили в следующий. За ними одна за другой следовали волны черни, людей невооруженных, бедных, малосильных, женщин и даже детей, и они опустошали дом дотла. Уносили не только содержимое домов, но и двери, окна, ставни и панельную обшивку со стен. И даже дрова, уголь, мраморные плиты полов, балки с крыш. Несли добычу в руках, везли на верблюдах, на лошадях, мулах и ослах.

К моменту начала беспорядков множество купцов, владельцев магазинов, правительственных чиновников и ремесленников находилось в мусульманской части города, занимаясь своими делами. Завидев собирающиеся толпы, многие из них пытались добраться к себе домой — кто в тщетной надежде помочь своим близким, а кто просто потому, что больше деваться было некуда. Иным это удалось, другие были убиты прямо на улицах. Некоторые побежали в английское, французское или прус-

ское консульства, в дом эмира Абд эл-Кадера[1] либо в дома своих знакомых или партнеров-мусульман, причем, охваченные ужасом и отчаянием, нередко пытались проникнуть туда, где их вовсе не желали принимать. Кое-кто попрятался на постоялых дворах, откуда на следующий день солдаты отвели их в цитадель. Хорошо еще, что не все мужчины сидели в христианском квартале, в собственных своих домах, как во время *байрама*, ибо тогда размеры резни были бы еще гораздо ужаснее.

Из тех, кто находился в христианском квартале, многие мужчины укрывались в церквях, в австрийском посольстве либо в домах богатых соседей, но ни одно из этих мест не служило надежным убежищем. Другие прятались в шкафах, в сундуках, в подвалах и на крышах домов, и почти всех их обнаружили и поубивали. Некоторые спустились в колодцы — эти, несмотря на крайнее неудобство и опасность такого укрытия, просидели там по три-четыре дня без пищи и почти все уцелели. Немногим удалось бежать по крышам, а затем спрятаться в развалинах уже разграбленных и сожженных домов. Другие выбрались за город, но здесь их чаще всего приканчивали сельские жители, а иных принудили обратиться в мусульманство. Были и такие, что переодевались в женский наряд, но их, как правило, быстро обнаруживали. А кое-кто даже, скинув верхнее платье, подделывался видом под мятежников и уходил, таща за собой какой-нибудь предмет мебели. Многие несчастные перебегали от одного мусульманского дома к другому, кто днем, кто ночью, и хотя немало их при

[1] Абд эл-Кадер эл-Хадж (1808—1883) — алжирский военачальник, руководивший войной против Франции. Был приговорен к тюремному заключению во Франции, позднее выслан в Дамаск.

этом погибло, некоторым удалось достичь безопасного места. Страх за собственную жизнь усугублялся тревогой за судьбу близких и друзей. Из 2 000 семей в Дамаске, подвергшихся нападению мятежников, едва ли найдется одна, которая уцелела полностью и осталась неразделенной. Чаще всего одни члены семьи не знали, что происходит с другими, и немало дней прошло, прежде чем выжившие родственники встретились вновь.

Грабежи, поджоги, убийства и бесчинства над женщинами продолжались с двух часов пополудни 9-го июля и вплоть до позднего вечера. Деятельно участвовало в них несколько тысяч мятежников. Самое ценное имущество было разграблено, убитых было великое множество. На ночь чернь по большей части удалилась из христианского квартала, но многие остались и продолжали свое черное дело. К этому времени пылало уже несколько сот домов. Утром мусульмане вернулись в христианский квартал столь же многочисленной толпой, что и накануне, и разбой, поджоги и убийства продолжались целый день. К вечеру их стало меньше, ибо нечего уже было громить. Все христианские лавки на главных базарах были в этот день взломаны и разграблены. К заходу солнца в христианском квартале остались лишь камни да догорающие руины, да те немногие люди, которым удалось спрятаться в колодцах и развалинах.

В среду утром по городу разошелся ложный и совершенно невероятный слух, будто бы христиане стреляли из мусульманского дома в прохожих и убили двоих мусульман. С какой целью он распространялся, стало ясно из последовавших за тем событий. Толпа мусульман из Салехье, приведенная шейхом Абдаллой эл-Халеби якобы для того, чтобы тушить пожары, принялась за новую, ужас-

ную работу, в которой ей скоро начали пособлять и другие. Они ходили по всем кварталам, где укрывались христиане, требовали их выдачи и, как только те выходили на улицу, убивали их, а порой отводили к развалинам христианского квартала и убивали там. Число людей, убитых таким жестоким и чудовищным образом, после того, как имущество их и дома были разорены и разрушены и когда сами они начинали надеяться на спасение, никогда не будет установлено с точностью, если правительство не учинит подлинного расследования в тех кварталах города, где происходили эти сцены. Ясно лишь, что в тот день погибло несколько сот человек и лишь немногим удалось уцелеть, за исключением тех, кто согласился перейти в мусульманство.

После среды, одиннадцатого июля, убийств было немного, ибо не оставалось уже христиан, на которых убийцы могли наложить руки. Продолжалось растаскивание дверей, окон и мрамора, но уже не так, как прежде. Пожары пылали вплоть до начала следующей недели, а затем утихли за отсутствием горючего материала, хотя еще и десять дней спустя там и сям вспыхивали от поджогов частично уцелевшие дома.

Труды грабителей были завершены. В христианском квартале не осталось ничего сколько-нибудь стоящего внимания. Многие спрятали самые ценные свои вещи под полом или в тайниках, в секретных шкафчиках или в щелях стен, другие побросали добро в колодцы; в колодцах все это по большей части сохранилось, но все остальное было разыскано и растащено. Лавки на базарах были разграблены, но постоялые дворы никто не тронул, а также и сложенное там имущество христиан. Уцелели и консульства Англии, Франции и Пруссии, благодаря тому, что они расположены были в му-

сульманском квартале и охранялись солдатами, а также и по другим особым обстоятельствам. Кроме них, сохранился также дом одного англичанина в мусульманском квартале.

Число убитых никогда не будет в точности установлено. Сотни людей пропали без вести. Уцелевшие столь разбросаны в пространстве и столь угнетены иными заботами и тревогами, что почти невозможно составить достоверный список тех, кого недостает. Можно лишь сказать, что постоянных жителей-христиан мужского пола было в Дамаске от восьми до девяти тысяч, а меж беженцами из окрестных сел и городов — от двух до трех тысяч. Таким образом, всего здесь находилось от десяти до двенадцати тысяч особ мужского пола, из них примерно треть — дети моложе четырнадцати лет. Из оставшихся 7 500-8 000 человек более трети, то есть примерно 3 000, были убиты.

Убийцы щадили детей — но вовсе не из жалости. Ведь не жалели же они дряхлых стариков, столь же беспомощных, как и дети. Магометанская доктрина, основанная на изречении Пророка и исповедуемая всеми суннитами, гласит, что каждый ребенок рождается на свет с верой в истинную религию, т.е. ислам, и лишь с возрастом родители-неверные делают из него еврея, или христианина, или идолопоклонника[2]. А если все дети — мусульмане, то закон не велит убивать их; нет сомнения, однако, что впоследствии предполагалось забрать их и воспитать мусульманами. Нескольким мальчикам, возвращенным их родителям, успели сделать обрезание.

В отличие от друзов, которые, как правило, не трогали женщин, дамасские магометане обходи-

[2] *Хадис*. См. **54**, т. 1, разд. 23, гл. 93.

лись с ними самым зверским образом. Число девушек и молодых жен и матерей, обесчещенных мятежниками, превосходит, пожалуй, число убитых мужчин. Многих из них забрали в городские дома, а также и в отдаленные села, и держали их там порой по нескольку недель, прежде чем позволяли им вернуться к своим.

Во время резни сотни христиан громко заявляли о переходе в магометанство, надеясь спасти этим свои жизни, но мало кого из них пощадила обезумевшая толпа. Среди тех же, кто нашел случайное убежище в мусульманских домах и принял магометанство, дабы не быть отданным на растерзание черни, многие, напротив, уцелели. Большинство из этих невольных отступников прониклось лишь еще большим ужасом и отвращением к религии преследователей и при первой возможности покинуло Дамаск в поисках места, где они могли без страха отречься от своего насильственного обращения.

Лишь немногие остались в городе и выказывают намерение придерживаться своего нового вероисповедания. В окрестных деревнях и селениях также весьма значительное число христиан вынуждены были отречься от своей веры и принять магометанство.

Совершенно очевидно, что план мятежников был таков, чтобы вырезать начисто все мужское население, завладеть женщинами и вынудить их к отступничеству, вырастить детей в мусульманской вере и уничтожить христианский квартал полностью и навеки.

Чернь верила, что все это освящено мнением государственных сановников, правителей города и духовных отцов, и что религия их не только дозволяет, но и требует от них таковых действий. Евреи и христиане, до тех пор, пока они подчиняются

мусульманским властям и платят причитающиеся с них налоги, пользуются правом на покровительство, ограждающее жизнь их и их жен и детей, а также их имущество, даже если они восстают против своего суверена. В последнее время авторитетные источники утверждают, что *франк*, даже не подчиняющийся власти мусульманского суверена и не платящий податей, налагаемых на неверных, но проживший некоторое время в мире и согласии среди мусульман, тем самым уже получает право на покровительство, и закон магометанской религии запрещает убивать его, либо грабить, либо отнимать у него жену и детей. Однако, в противность этим установлениям, магометане Дамаска пришли к заключению, что христиане, воспользовавшись привилегиями и свободами, пожалованными им на протяжении последних тридцати лет, прониклись духом неповиновения и бунта, и тем самым утратили свое право на покровительство и защиту, а потому закон позволяет убивать их и грабить, и захватывать их жен и детей[3].

Эта уверенность, что все ими сделанное было в полном соответствии с их законом и религией и отвечало пожеланиям вышестоящих лиц, служит в какой-то мере смягчающим обстоятельством для чудовищных преступлений черни, — но тем более тяжкая вина и ответственность возлагается на влиятельных религиозных наставников и властителей умов, распространявших подобные понятия среди простого народа, и на правительство, ничего не сделавшее для исправления столь широко распространенных и принимаемых на веру представлений о его пожеланиях и намерениях.

[3] В соответствии с законами *джихада*; см. "Юридические тексты".

Эмир Абд эл-Кадер с самого начала беспорядков делал все возможное для внушения народу правильных понятий; говорят, что один из шейхов следовал по его стопам. Никто, однако, не слышал, чтобы муфтий, или шейх Абдалла эл-Халеби, наиболее почитаемый среди *улама*, или другие влиятельные лица поддержали их. Слухи приписывают им совсем иной образ действий.

Когда разразились беспорядки, полковник Алибей, командир стоявших в христианском квартале войск, попросту отказался выступать против черни. Другой офицер, полковник Салиш Зики, не ожидая приказа, велел своим солдатам стрелять в бунтовщиков, а также выстрелил несколько раз из пушки. Одного или двух в толпе убило, нескольких ранило. При звуке выстрелов толпа отпрянула, никто и не думал сопротивляться войскам.

Эти слабые и нерешительные попытки скоро прекратились. После захода солнца войска были собраны в одно место, где и пробыли до часу или двух в ночь на вторник, после чего отведены были в казармы. В христианском квартале не осталось даже часового. В последующие дни солдат время от времени посылали сопровождать в цитадель христианских беглецов из постоялых дворов и других мест, где они укрывались (сс. 173—179).

Даффин (Бейрут) к Расселлу (Лондон), 23 сентября 1860, №146, включено в *PP* [2800] LXVIII.

46. Положение христиан в Сирии (1860)

Честь имею доложить Вашему Превосходительству, что вчера с вечерней почтой мы получили известие о том, что Сераскир с двумя батальонами

выступил 22 июля, а Его Светлость Фуад-паша обещает выступить еще с двумя; таким образом, прибытие необходимых подкреплений откладывается со дня на день, а с ним и восстановление спокойствия. Евреи, нашедшие убежище в турецких домах, начали было возвращаться к себе, но их, угрожая насилием, преследуют всяческие вымогатели. По городу, как я слышал, разгуливает сегодня множество друзов, что вызывает у людей опасения и доказывает бессилие правительства. Нам стало известно о резкой ноте, направленной через французского посла в Порту, где говорилось, что видя неспособность султанского правительства обеспечить безопасность своих подданных-христиан, Франция соотнесется со своими союзниками на предмет мер для предотвращения кровавых бесчинств, все это время позорящих Сирию. Буде решатся на вооруженное вмешательство, сперва не обеспечив тем или иным образом защиту христианам, никто из них не уцелеет, ибо прежде, нежели иностранные войска успеют прийти на помощь людям внутри страны, все они до последнего будут перебиты, за вычетом тех, что примут ислам. Посему следует требовать от Порты высылки достаточных воинских сил и деятельных, знающих командиров для немедленного восстановления порядка. Если прочный порядок навести невозможно, то следует обеспечить хотя бы временную безопасную передышку, дабы переместить христиан в прибрежную полосу еще до того, как иностранные войска будут посланы внутрь страны. Нижайше прошу Ваше Превосходительство дать заключение о том, как поступать с мужчинами и подростками, перешедшими в мусульманство под угрозой смерти, а также с женщинами, коих мусульмане взяли себе в жены и наложницы и принудили к обращению в ислам.

Денежные мои запасы окончательно истощились и я не знаю, как их пополнить; в теперешнем состоянии всеобщей неуверенности никто не желает принимать личных векселей, да если бы и принимали, мне нечем их покрыть. До сих пор мне как-то удавалось доставить пропитание тем, кто находится под моей кровлей; многие уже ушли, но около тридцати человек по-прежнему остаются, и я не знаю, когда они меня покинут, ибо это по большей части вдовы и сироты, не имеющие ни дома, ни друзей, кои пришли бы им на помощь, и никаких средств для приобретения пищи, одежды и крова.

Мин. ин. дел, 78/1520, Брант (Дамаск) к Булверу (Константинополь), 25 июля 1860, №28.

47. Убийцы остаются безнаказанными

Собственность была возвращена их владельцам в большом количестве, но, боюсь, весьма малой ценности. Около 750 человек, обвиняемых в грабеже и убийстве, либо только в грабеже, находится под арестом, причем участие некоторых в убийствах было доказано. До сих пор казнили только одного, и в тот же день был убит в своем квартале один христианин; по городу разошелся слух, что жители постановили убивать по христианину за каждого казненного мусульманина. Слух этот вновь посеял панику среди христиан и усилил их стремление покинуть город, хотя до этого многие начинали верить, что смогут остаться.

Криминальная комиссия не может найти очевидцев, готовых под присягой свидетельствовать против убийц; многие охотно дают показания против грабителей, но как только речь заходит об убий-

ствах, то можно подумать, что таковых и вовсе не было, и хотя всем известно, что свыше пяти тысяч человек были перебиты средь бела дня или при свете пылающих домов, никто не желает показывать, что был лично свидетелем убийства, так что ни один виновный в этом преступлении не был опознан. Если обычные формы турецкого закона не в состоянии покарать преступников, следует прибегнуть к экстренным мерам, и людей, признанных участниками грабежей, считать также и убийцами. Буде ничто иное не подействует, пусть обнародуют указ, приговаривающий к смерти каждого, кто совершал поджоги и грабежи во время последнего бунта в Дамаске, а судам пусть будет дано полномочие рекомендовать слабейшую меру наказания для тех, в пользу которых имеются достаточные смягчающие обстоятельства.

Мин. ин. дел, 78/1520, Брант (Дамаск) к Булверу (Константинополь), 9 августа 1860, №31 (выдержки).

После арестов

Я ожидаю, что Фуад-паша незамедлительно начнет казнить некоторых из приговоренных преступников, и не сомневаюсь, что это наведет великий страх на жителей. Мусульмане все еще не верят, что убийство неверного может повлечь за собою смертную казнь; когда они в этом вполне убедятся, многие заговорят и поведут себя совсем иначе и откроют немало такого, о чем пока умалчивают.

Мин. ин. дел, 78/1520, Брант (Дамаск) к Булверу (Константинополь), 16 августа 1860, №34 (выдержка).

48. Причины мятежей (Сирия, 1860)

...Я заметил Ахмету-паше [губернатору Дамаска], что посылая закованных в цепи мусульманских юношей подметать улицы в христианском квартале, следовало принять меры для предупреждения возможных беспорядков. Он отвечал мне, что это было бы бесполезно, что заговор был уже подготовлен и всегда нашелся бы подходящий предлог, не этот, так другой. Тогда я спросил его, что же делала его секретная полиция, уменьем и ловкостью которой он всегда похвалялся, если ему не сообщили даже о существовании заговора. На это он не ответил. Он, однако, изображал дело то таким образом, будто заговор существовал, то — будто его не было. Я лично не нашел пока явных доказательств в пользу организованного заговора. Стремление грабить и убивать христиан было, несомненно, весьма распространено, но, по всеобщему признанию, демонстрация силы со стороны правительства без труда подавила бы его. Набранные в Сирии солдаты были ненадежны, что доказывается их поведением в Хасбее и Рашее, меж тем именно они поставлены были охранять христианский квартал во время *байрама* и предупреждать беспорядки. Это выглядит безусловно подозрительно, но я думаю, истинная причина была та, что *мушир* [военачальник] попросту боялся их и желал удалить их из Серая, оставив для охраны собственной персоны — явно занимавшей его превыше всего — несколько проверенных людей.

Экс-*мушир* находится ныне под судом и должен будет оправдаться и объяснить, как сумеет, двигавшие им побуждения... Карой за такое небрежение своими обязанностями, за трусость, столь вопиющую в офицере его ранга, по чьей вине загублено

до десяти тысяч христианских жизней, а вдвое большее число жестоко пострадало от ран и мучений, потеряло родных и близких и имущество; за позор, коим он покрыл своего государя, за разорение страны и за несмываемое пятно, наложенное им на свою веру, — карой за это, даже если доказаны будут лишь его непригодность к исполнению своих высоких обязанностей и его трусость, должна быть смертная казнь.

Было бы в высшей степени прискорбно, если бы событиям этим суждено было разрастись во всеобщий религиозный конфликт — что отнюдь не невероятно, если христиан Ливана не вынудят к проявлению крайнего благоразумия и воздержанности. Поведение их в последние годы проникнуто было духом нетерпимости и высокомерия, и в Бейруте, едва лишь ободрившись присутствием французских войск, они немедля повели себя нагло и вызывающе; во избежание ужаснейших последствий их религиозные предводители обязаны самым жестким образом пресекать подобное поведение.

Военные инциденты, в которых были замешаны только друзы и мароните, следует рассматривать отдельно от резни в Хасбее, Рашее и Дейр-эл-Камере; эта последняя совершена была хладнокровно и бесстрастно, после того, как христиане, заверенные турецкими командирами местных гарнизонов в полной своей безопасности, сложили оружие. Приостановить войну либо помешать ей было, возможно, и не во власти правительства, но предотвратить резню было в его власти, а потому можно с полным основанием сказать, что оно допустило ее. Что же до причин, возбудивших фанатические страсти обывателей Дамаска, то это давняя история, старая, вновь открывшаяся рана. Вплоть до египетской оккупации [1831—1840] фанатизм без-

раздельно царил в Дамаске. С приходом египтян он получил жестокий удар, на время его подавивший, и не имел возможности оправиться, пока провинция оставалась под властью Египта. С момента возвращения Сирии под юрисдикцию султана местные власти становились от года к году все снисходительнее, и фанатизм постепенно вновь набирал силу. После окончания Русской войны [Крымская война 1853—1856 гг.] он сделал особенно заметные успехи, и сама Порта использовала его в качестве одного из средств к уменьшению европейского влияния; разумеется, это делалось втайне, но так, что не ускользало даже от самого поверхностного наблюдателя. За последние годы оскорбительные выражения по адресу христиан и их веры стали раздаваться заметно чаще, нежели прежде. Мальчишки на улицах бросали камнями в христиан и европейцев, а почтенные мусульмане шли мимо, не делая им никаких замечаний. Когда разгорелась война между друзами и христианами, наглые выходки еще более участились, но власти не принимали никаких мер, и наглецы совсем осмелели. Почтенные обыватели, пожалуй, не поощряли этих действий, но, насколько мне известно, и не осуждали их, а относились к ним, по всей видимости, безразлично. Огромный колокол, подвешенный недавно в маронитской церкви, воспринят был как величайшее оскорбление. Великолепный монастырь братьев-лазаритов всем мозолил глаза. Роскошные дома, выстроенные богатыми христианами, и общее их процветание вызывали зависть мусульман. Административными делами пашалыка правили в основном христиане; они вели все финансовые расчеты и богатели на своих постах. Христианские купцы преуспевали больше, нежели мусульманские. Короче, ум и предприимчивость первых приносили свои есте-

ственные плоды, но гордость последних была глубоко задета. Все эти обстоятельства раздражали мусульман, они чувствовали себя на втором месте как по богатству, так и по влиятельности, и это не давало им покоя. Разумеется, люди эти без всякого сожаления смотрели на поношения и насилие, которым подвергались христиане. Приняв во внимание вышесказанное, вдобавок к неспособности местных властей обуздать бесчинства мусульман по отношению к их соседям-христианам, Ваше Превосходительство, вероятно, согласитесь, что имелась достаточная причина для взрыва даже и без наличия организованного заговора. Арабский контингент войск горел желанием завладеть христианскими женщинами и жаждал добычи, получив вкус и к тому, и к другому в Хасбее и Рашее, а потому они не только не старались подавить движение, обещавшее удовлетворить их похотливые и корыстные вожделения, но, напротив, рьяно его поддерживали. Как я уже отмечал ранее, никакие усилия со стороны моих коллег не в состоянии были бы изменить ход событий...

Мин. ин. дел, 78/1520, Брант (Дамаск) к Булверу (Константинополь), 30 авг. 1860, №40.

49. Ответственность мусульманских сановников

...Положение в Сирии отличается от положения в других частях Турции постольку, поскольку здесь идет жестокая война меж враждебными сектами маронитов и друзов, а также совершился взрыв фанатизма, подобного которому не найти в анналах новейшей истории. Два эти события, как отмечено

было Вашим Превосходительством, различны по своему происхождению, но с течением времени они слились в одно и такими, вероятно, и останутся в памяти людей.

В моих многочисленных докладах о положении в здешнем пашалыке я предлагал различные меры по улучшению административного правления и охране прав обитателей, но со времени мятежа ситуация настолько изменилась, что простые улучшения недостаточны будут для того, чтобы восстановить и укрепить позицию правительства. Требуется полное изменение системы, основанное на серьезной подготовительной работе специально уполномоченных лиц. Что касается финансовой системы, таковой мне обнаружить вообще не удалось, и заключалась она лишь в том, чтобы вытягивать из людей все, что только можно, и чтобы по пути в казначейство возможно больше из полученного оставалось в руках чиновников. Такого рода система — если можно ее так назвать — не поддается улучшениям и должна быть изменена радикально.

Фуад-паша, по мнению многих, не проявил достаточной быстроты и решительности в исполнении смертных приговоров преступникам и тем уменьшил должное их воздействие. Мгновенное наказание вселило бы ужас в души и оставило бы прочный след в памяти людей; растянутые во времени, казни породили лишь угрюмое недовольство, еще большую злобу против христиан и упорную жажду мести; таким образом, отношения между магометанами и христианами стали еще враждебнее, нежели прежде. Многие считают, что с *улама* обошлись слишком снисходительно. Фуад-паша утверждает, что не может получить достоверных улик против арестованных *улама*, всеобщее мнение, однако, та-

ково, что любых других преступников на основании имеющихся улик давно бы повесили. Шейх Абдалла эл-Халеби, муфтий и Чаззи-эффенди, по всеобщему убеждению, толкали мусульман к бесчинствам над христианами, особенно о первом известно, что он более всех подстрекал к убийствам. Все говорят, что показаний против этого человека получено предостаточно и что дом его был полон награбленного добра, но обыска в нем не сделали. Мусульманские женщины, чьи мужья были казнены, с воплями осаждали жилище эл-Халеби, проклиная его за советы, ставшие причиной их горестной судьбы. Все убеждены, что при желании можно было бы собрать все необходимые улики и что если этим людям позволят избежать смертной казни, вреда от этого будет больше, чем пользы от всех прочих казней. Не может быть сомнений в том, что причиной всех бедствий послужил мусульманский фанатизм и что искоренение его даст наилучшую гарантию безопасности на будущее.

Желательно было бы реорганизовать Великий Совет, отобрать в него не членов *улама*, но деловых людей, коим и платить за их время; до сей поры они платили себе сами, скрывая от казны крупные суммы и вымогая взятки у просителей, искавших с их помощью склонить в свою пользу весы правосудия...

Вот все, что я имею предложить в настоящее время, если же мне придут в голову дальнейшие соображения, я не замедлю представить их на рассмотрение Вашего Превосходительства. Как только Фуаду-паше удастся восстановить здесь власть султана, сильная, неподкупная и беспристрастная система правления должна заменить нынешнюю, которая столь долго вела страну к погибели и есте-

ственным последствием которой явилось избиение христиан.

Мин. ин. дел, 78/1520, Брант (Дамаск) к Булверу (Константинополь), 25 сент, 1860, №48

50. Исход христиан из Дамаска

Честь имею сообщить Вашей Светлости, что со времени моего донесения №30 от 5-го сего месяца положение здесь не улучшилось, а напротив, панический страх все более завладевает христианами. Кое-кто из виднейших здешних граждан, желавших покинуть город, не получил на то дозволения властей и уехал тайно 6-го числа сего месяца.

Воинский начальник Халед-паша вот уже несколько дней подряд патрулирует улицы, а прошлой ночью велел повесить перед домами фонари, на малом расстоянии друг от друга. Он приказал также починить ворота, отделяющие кварталы друг от друга, а городские ворота тщательно запираются и охраняются. Лишь половина гарнизона спит по ночам, вторая же патрулирует город от заката до рассвета. Солдатам выданы патроны и приказано при малейшем намеке на беспорядки стрелять в толпу. Артиллерия постоянно находится в боевой готовности, и полковник Гесслер, состоящий на турецкой службе прусский артиллерийский инструктор, признает, что Халед-паша исправляет свои обязанности как нельзя лучше. Тем не менее, прошлой ночью христианские дома снова были помечены крестами невзирая на все меры предосторожности, и это так ужаснуло христиан, что сегодня утром в консульство пришло довольно много людей, умоляя меня достать им от властей мулов, чтобы

покинуть город. Я всячески пытался приободрить их, но тщетно. Мужчины и женщины могут идти пешком, но дети не могут, говорили они, и просили мулов хотя бы для детей. Под конец они заявили, что если мулов достать нельзя, тогда уйдут одни мужчины, оставив позади женщин и детей, стариков и больных. Люди, способные, пусть даже в самых тяжких обстоятельствах, решиться на такой поступок, не заслуживают особого уважения. Я считаю, что непосредственной опасности пока нет.

Мне сообщили, что шейх Абдалла эл-Халеби может принимать у себя в камере кого пожелает и, следовательно, имеет полную свободу продолжать свои махинации. Я считаю, что в видах общественной безопасности он должен быть безотлагательно казнен.

Поведение Ибрагим-бея Карами, чиновника-христианина, оставленного здесь Фуадом-пашой для присмотра за делами христиан, но изображающего из себя полномочного представителя Его Превосходительства, в высшей степени предосудительно, и его следует немедленно сместить. Он не подчиняется губернатору и освобождает преступников из-под ареста по собственному усмотрению. Известно, что он берет крупные взятки, а без взятки добиться правосудия никто не может.

Ко мне обратились еврейские раввины по поводу нескольких евреев, арестованных по подозрению и содержащихся в тюрьме почти два месяца, причем один уже умер там. Раввины требуют, чтобы суд рассмотрел их дело. Главный раввин обратился к Ибрагим-бею Карами, заявляя, что один из заключенных во все время беспорядков находился у него в доме, на что Ибрагим-бей ответил: "Ваше свидетельство ничего не стоит, ибо все они будут приговорены к смерти".

Многие думают, что нынешняя паника вызвана преимущественно поведением турок по отношению к друзам. Мушир разъезжает туда-сюда, и стоит ему покинуть данную местность, друзы приходят обратно.

Утверждают, что он намеренно уступает им дорогу, не пытаясь отрезать им отступление на Хауран. Такой образ действий укрепляет всеобщее убеждение, что турки не намерены покарать друзов, предоставляя им полную свободу, или, вернее, что между ними имеется своего рода соглашение. Поэтому люди боятся, что солдаты не выступят против друзов даже в том случае, если те нападут на город.

Мин. ин. дел, 78/1520, Брант (Дамаск) к Расселлу (Лондон), 8 окт. 1860, №31.

Похищение христианских женщин враждующими бедуинскими племенами

Как я имел честь докладывать Вашей Светлости 8 октября 1860 года, здешние арабы-кочевники воюют между собой.

Недавно сюда пришло племя с юга, дабы принять сторону Анези против Шаммара. Во время резни это племя стояло подле Дамаска, и я только что узнал, что многие из восьмисот христианских женщин, уведенных в пустыню, находятся у них.

Турецкие власти, не обладающие ни влиянием, дабы убедить, ни силой, дабы вынудить, ничего не могут сделать для их освобождения. Отправившись к этому племени, я, возможно, сумею отобрать у них часть, если не всех, женщин, а потому я немедля приступаю к этой попытке, распорядившись предварительно правильным ведением кон-

сульских дел в мое отсутствие и уповая на одобрение Вашей Светлости.

Мин. ин. дел, 78/1538, Скин (Алеппо) к Расселлу (Лондон), 20 окт. 1860, №62.

51. Христиане вымещают свое отчаяние на евреях Дамаска (1860)

С величайшей неохотой и прискорбием препровождаю Вашей Светлости прилагаемый перевод письма глав еврейской общины города Дамаска.

Нельзя сомневаться в том, что еврейское население этого города никоим образом не причастно к недавним беспорядкам, и я осмелюсь выразить уверенность, что Ваша Светлость не нуждаетесь на этот счет ни в каких доказательствах. Умоляю Вас, Ваша Светлость, пустить в ход могущественное влияние правительства Ее Величества с тем, чтобы спасти евреев Дамаска от грозящей им смертельной опасности. Дело не терпит отлагательства, а потому я позволил себе обратиться с прилагаемым письмом прямо к Вашей Светлости.

Монтефиоре* (Рэмсгейт) к Расселлу (Лондон), 16 окт. 1860, №157.

* Сэр Мозес Монтефиоре (1784—1885) — знаменитый еврейский филантроп. Был шерифом Лондона в 1837—1838 гг. Не жалел усилий и средств для оказания помощи еврейским общинам в различных странах.

Главы еврейской общины города Дамаска сэру Мозесу Монтефиоре

...В прошлом месяце мы имели честь обратиться к Вам с письмом, в котором рассказывали о новой враждебности дамасских христиан к евреям, прибавившейся ко всей прежней ненависти. Ныне души их переполнены величайшей, невыносимой, горькой ревностью, ибо они стали жертвами убийств, грабежей и поношения, тогда как сынов Израиля оставили в покое.

Мы начали опасаться, как бы эта жестокая ненависть и зависть не привели к ложным наветам на нас. А потому мы стали искать Вашей помощи с тем, чтобы от английского правительства поступило указание к консулам, генералам и военачальникам, назначенным в Сирию, а также от турецкого правительства к его высочеству Фуаду-паше, дабы он встал на нашу защиту и не давал веры злокозненным доносам на евреев, ибо Его Превосходительство человек справедливый и высоконравственный.

Ныне мы вынуждены сообщить Вам, что с начала месяца эллула [приблизительно август] христиане готовят против нас заговор и составляют ложные обвинения; многих уже бросили в тюрьму, несправедливо обвинив в соучастии в резне. Показания христиан принимаются на веру: когда они говорят: "такой-то убил одного из нас", этого человека немедленно ставят перед судом. А показаний весьма почтенных турок не принимают, если они говорят, что обвиняемый находился во время беспорядков у них в доме. Даже от христиан не принимают показаний, свидетельствующих в пользу евреев, которые в это время прятались вместе с ними. И даже если сам обвинитель скажет что-нибудь в пользу обвиняемого израэлита, на это

не обращают внимания. Одна женщина обвинила еврея, который, как ей казалось, убил ее мужа; ей предложили присягнуть по всем правилам своей веры, что этот человек — убийца; она отказалась присягать и сказала: если еврей поклянется законом Моисея, что он невиновен, пусть его освободят. Но трибунал не послушался ее. Даже показания нашего главного раввина были отвергнуты. Евреи по-прежнему томятся в тюрьме, и один уже умер в застенке.

Ах, сударь! представьте себе: ни в чем не повинные, богобоязненные евреи брошены в застенок вместе с убийцами, и ничто, никакие показания очевидцев и доказательства не помогут им спастись. Что станется с народом Израиля, когда христиане убедятся, что у нас нет никакой надежды, — мы не знаем, знаем лишь, что правосудие прислушивается к их ложным обвинениям, голосу же Израиля не внемлет никто, и ни в ком не находим мы ни отклика, ни жалости, ни сострадания.

Тех, кто восстал против христиан и убивал их, судят не по обычным законам этой страны, и свидетельства очевидцев не берутся обычным порядком; вместо этого учрежден так называемый "чрезвычайный трибунал".

И вот теперь они, видимо, и евреев собираются судить этим трибуналом и осуждать их на смерть по единому слову христианина. Для нас это тягчайшая и горькая обида. Как же можно приравнивать поведение евреев к поведению тех, кто восстал против христиан? Разве сами евреи не подвергались в это ужасное время величайшей угрозе и опасности? Поистине, "один лишь шаг отделял нас от смерти". Большинство евреев попряталось в домах почтенных турок, в подвалах и пещерах, вместе с христианами. Мыслимо ли, чтобы человек,

охваченный страхом за собственную свою жизнь, стал посягать на жизнь другого? Простой здравый смысл и рассудок говорит против этого. Упаси нас Боже, чтобы такое подозрение могло зародиться у Ее Всемилостивейшего Величества королевы Англии или у ее правительства, о благополучии, чести и славе которых мы, еврейская община Дамаска, молим Бога вот уже двадцать лет.

В постигшем нас несчастии мы взываем к Ее Величеству, умоляя ее взглянуть с жалостью и состраданием на несчастных сынов Израиля в Дамаске, которые жаждут ее помощи, поддержки и всесильного влияния с одной лишь целью: дабы заключенные в тюрьму евреи судимы были обычным судом, в соответствии с общепринятыми обычаями страны. Ибо сыны Израиля, ни старые, ни молодые, никоим образом не повинны в этом деле и не причастны к преступному пролитию крови.

Поистине, настало время великих бед и скорби, ибо каждый израэлит с ужасом ожидает, что и ему предъявят ложное обвинение в убийстве, и нет никого, кто решился бы сказать христианам: почему вы творите сие? Некоторые христиане открыто провозглашают, что никогда не позволят Израилю жить в мире и спокойствии.

А посему умоляем Вас, пожалейте несчастных, услышьте наши молитвы и сделайте все, дабы английское правительство, а также французское и турецкое, оказали воздействие на Его Высочество Фуада-пашу, судью строгого и неподкупного; и дабы английский консул в Дамаске получил указание не смешивать евреев с теми, кто участвовал в мятеже, и не судить их тем же судом.

Вы — отец наш! Поспешите нам на помощь!

Однажды Вы уже выручили нас из беды[1], спасите же нас и ныне, пусть с Вашей помощью наступит конец бесконечным нашим страданиям.

Ниже следуют подписи раввинов, старейшин и достойнейших членов конгрегации города Дамаска, с трепетом ожидающих Вашего ответа (сс. 194—196).

Хаим Романо, Давид Харпи, Менахем Фархи, Яаков Халеви, Яаков Перец, Рафаэль Халеви, Исаак Маймон, Аарон Яаков (Дамаск) к сэру Мозесу Монтефиоре (Рэмсгейт), 7 тишрея, 5621 (23 сентября 1860), №157, вкл. в *PP* 1861 [2800] LXVIII.

1 В 1840 году еврейская община Дамаска, которой угрожало ложное обвинение в ритуальном убийстве, была спасена сэром Мозесом Монтефиоре, сумевшим получить от султана специальный *фирман*. См. выше, ч. 1, гл. 3, прим. 11 и 12.

52. Армяне в Армении (1869)

Курды весьма плохо подчиняются властям, и христианам-земледельцам приходится удовлетворять все их требования, даже самые непосильные, дабы удерживаться на своем месте. Более всего прочего их нынешней бедности и упадку способствовал один нестерпимый обычай, называемый *кишлак*. Этот обычай, возникший несколько лет назад благодаря слабости правительства и растущей силе курдов, позволяет последним располагаться на зиму вместе со своими стадами в христианских деревнях и в их окрестностях, вводя жителей в огромные расходы не только на содержание скота, но и на пищу и топливо для его хозяев, пребывающих там по меньшей мере четыре месяца в году.

Неоднократные жалобы, предъявляемые правительству, мало помогли в искоренении этого зла, вследствие чего, дабы избежать непосильного бремени, 750 семей эмигрировали в Россию за последние шесть лет, а еще 500 семей послали в этом году своего представителя в Эриван для переговоров об их эмиграции. Немногие крестьяне, которым привязанность к земле и к давним знакомым не позволяет двинуться с места, выращивают теперь одну только пшеницу, забросив все прочие культуры, не могущие служить кормом скоту. Но курды не ограничиваются грабежом. Малейшая жалоба правительству со стороны христиан немедленно вызывает нападения на христианские деревни, когда ночью, а когда и в открытую, средь бела дня. В прошлом году таким образом не менее десяти человек были убиты и около сорока ранены только за то, что они осмелились пожаловаться властям на притеснения курдов.

Этих мародеров поддерживает и поощряет общество так называемых ревнителей веры, обитающих в Муше, в Буланикском округе. Они провозглашают такое обращение с *гяурами* [неверными] законным и даже похвальным. Наслушавшись подобных проповедей, их последователи-*мюриды* нашли способ удовлетворить одновременно и свой фанатизм, и свою корыстную алчность. Прошлой осенью они напали на древнюю церковь и монастырь Сурб Оханн, милях в десяти от Муша, и разграбили их дотла. Нанеся жестокие ранения двум лицам высшего духовного сана, они унесли все церковные сосуды, украшения и вышитые одежды; но плачевнее всего была потеря ценнейшей библиотеки, уничтоженной разбойниками. Ни в этом, ни в других случаях не последовало ни кары преступникам, ни возмещения пострадавшим.

Недавно сюда прислали нового эмиссара, Османбея, уроженца Эрзерума, для расследования этих дел, но люди не верят, что местный уроженец захочет учредить настоящее следствие и способствовать наказанию виновных.

Упадок сословия зимми-земледельцев

Проезжая на пути моем в Кагизман через Шурагел или древний Ширадж, в прошлом богатейшую и густонаселенную провинцию Армении, я с унынием смотрел на многочисленные места, где некогда стояли города и села, а ныне громоздились лишь развалины, да виднелись там и сям жалкие хижины немногих оставшихся обитателей. По большей части они ютились вокруг массивных построек ранних армянских церквей, успешно сопротивляющихся разрушительному действию времени и усилиям людей, побуждаемых к разрушению непримиримой ненавистью ко всему христианскому. Уцелевшие армяне любовно, упрямо льнут к руинам своих церквей, кое-как сводя концы с концами в окружении турок, с течением времени вытеснивших христиан с их земель и из их селений. Турки же, хотя и обязаны своими доходами трудолюбию батраков-христиан, не в состоянии защитить их и их посевы от посягательств алчных курдов. Невозможно перечислить все способы, к которым прибегают курды для удовлетворения своих потребностей за счет мирных земледельцев. Они пускают свои стада пастись на покрытые свежими всходами поля; когда же остатки посевов созревают и урожай собран, они не позволяют хозяевам сеять озимые, ибо в это время они спускаются с гор и желают пасти свой скот по стерне.

Любимый метод вымогательства у курдов таков.

Курд вырывает себе зуб, а затем нарочно ввязывается в перепалку с христианином, которая, естественно, завершается взаимными побоями. Тогда курд обращается с жалобой к своему вождю, предъявляя в качестве вещественного доказательства вырванный зуб, который, уверяет он, был выбит у него христианином. Вождь налагает на обвиняемого штраф (если только христианин не подкупит его), размеры которого меняются в зависимости от состоятельности предполагаемого зачинщика драки, который совершенно бессилен против своего обвинителя. Вещественная улика, т.е. старый зуб, никогда, кстати, не отбираемый у "пострадавшего", многократно пускается в ход с той же целью и нередко дается взаймы приятелю. Недаром существует даже местная поговорка, гласящая: "Курд носит свои зубы в кармане" (с. 642).

Правительственные указы там [в гористом округе Хаккари к югу от Вана] не имеют никакой силы. Убийства, грабеж и разбой творятся изо дня в день, с благословения так называемых ревнителей веры в тех случаях, когда они направлены против христиан. Больше всего страдают несториане, армяне и евреи.

За последние два года несколько человек были убиты, а других дочиста ограбили, вынудили принять мусульманство либо бежать в Персию; за это же время разрушено было семь христианских церквей; множество девиц и замужних женщин подверглись надругательствам, целые селения были разорены и разрушены, причем власти, несмотря на многократные приказы из Константинополя, не обращали на все это ни малейшего внимания.

Немногие христиане побогаче, которым еще удается сохранять свои земельные владения, постоянно несут серьезный ущерб от тайной злокознен-

ности курдов. Последние жгут по ночам их скирды сена и пшеницы, пускают своих овец на несжатые поля. Они стремятся выжить с этой земли ее трудолюбивых обитателей, либо разорить их и свести до состояния крепостных с тем, чтобы завладеть их пашнями и пастбищами.

Из Ихлата я поехал в Эрзерум. По дороге я остановился в разоренной деревне Пирран у озера Буланик. Она насчитывала четырнадцать домов, а вернее — жалких хижин, хотя всего несколько лет назад здесь жило до пятисот душ, а при них более тысячи голов рогатого скота; теперь же мне с большим трудом удалось раздобыть молока к чаю.

Накануне вечером один курд, недавно вышедший из тюрьмы, вместе с шестью другими разбойниками из его племени, ворвался в дом сельского священника, избил его и его сына до полусмерти и увез молодую жену последнего. Вернулась она к своим близким лишь десять дней спустя и в самом жалостном состоянии. Случай этот показывает, какой непреодолимый ужас курды сумели внушить христианам своими преследованиями: ни один из соседей, слыша вопли жертв, не осмелился прийти им на помощь (сс. 646,647).

Армяне [Эрзерумского вилайета: 295 300 человек]. Армянское духовенство в моем округе, следуя наставлениям живущего в Эчмиадзине католикоса и здешних его епископов, склоняется на сторону России, и под их влиянием многие из паствы, и богатые, и бедные, разделяют те же взгляды; если принять во внимание, что в России целое христианское семейство из десяти душ платит всего девять рублей (1 ф. 10 шилл.) податей в год, втрое меньше, чем здесь, то понятно, что всеобщее перемещение в российскую Армению не происходит лишь за не-

достатком там свободных пахотных земель, коими Турция изобилует.

Я описываю здесь более всего тяжкие притеснения, которыми курды терзают христиан, не потому, однако, что не замечаю серьезного ущерба, причиняемого также земледельцам-туркам, но потому, что христиане, помимо утраты собственности, рискуют ежедневно жизнью и, что еще ужаснее, честью своих женщин — испытания, от которых мусульмане избавлены.

Кроме того, земледельцы-турки образуют в этих северных частях страны незначительную прослойку по сравнению с христианами. И им доступны иные средства к существованию, недоступные сим последним... Многие из местных *мюридов* и *каймакамов* — чаще всего оседлые курды либо турки — принимают, кто от страха, кто по родственным связям, кто из корыстных соображений, сторону грабителей и делят с ними добычу; жалкая полиция, призванная блюсти общественную безопасность, скорее соучаствует в преступлениях, нежели пресекает их (с. 655).

Тэйлор (Эрзерум) к Эллиоту (Константинополь), 18 марта 1869 г., №13, в: *PP* 1877 [C. 1739] XCII.

53. Препятствия к эмансипации христиан (1870)

Австрийский канцлер выразил самые дружественные чувства к Турции и полностью отрицал всякое намерение вмешиваться по внутренние дела империи.

В то же время, сказал он, нельзя допустить, чтобы Россия монополизировала всяческую видимость интереса к судьбам христианских подданных

султана и, раз русское правительство заявило свое недовольство, прочие правительства не могут оставаться позади.

По его мнению, общеевропейское попечение над христианами будет полезнее для Турции, нежели исключительно русское, а самый верный способ для Порты сделать его безвредным заключается в том, чтобы устранить причины тех бед, на которые жалуются христиане (с. 662).

Во время этой аудиенции [у Али-паши, великого визиря] я, пользуясь случаем, всячески побуждал великого визиря улучшить положение христианского сословия в стране и доказать провозглашенное равенство двух религий на деле.

Али-паша явно полагал жалобы дружественных держав на недостаточный прогресс необоснованными, считая, со своей стороны, что дело обстоит лучше, чем можно было ожидать.

Кто, например, поверил бы несколько лет назад, что христиане не только станут избираться в Совет, но займут посты министров при султане? Порта, повторял он, намерена стереть полностью все различия, но где, в какой стране мира удалось в один день устранить последствия вековых обычаев и традиций простым изменением законов или правительственной позиции?

Я сказал, что не сомневаюсь в желании правительства обращаться с христианами либерально, но на деле во многих местах мусульмане по-прежнему не видят в них равных себе людей, и такое положение нуждается в исправлении.

Али-паша откровенно признался, что во многих случаях невозможно вынудить местные власти следовать взглядам Порты; кое-кто из них не способен принять целиком новую систему, противную всем их укоренившимся предрассудкам, которые можно

преодолеть лишь постепенно.

Его Высочество, считаю я, ничуть не преувеличил трудностей, с которыми приходится иметь дело; за последние несколько лет веротерпимость и либерализм безусловно сделали более заметные и существенные успехи, нежели в те времена, когда о них столько говорилось, ибо гораздо легче выпустить указ, провозглашающий равенство, чем сделать малейший шаг к его осуществлению.

Турки [мусульмане] столь давно привыкли к своему превосходству, а христиане так прочно приучены это превосходство за ними признавать, что лишь очень медленно и постепенно они научатся видеть друг в друге равных; есть и еще одно обстоятельство, которое предотвращает, и долго будет предотвращать, подлинную ассимиляцию.

Все военные силы империи по-прежнему вербуются из мусульманских подданных, и сколь ни тяжко для них это бремя, сколь ни способствует оно сравнительному процветанию и увеличению христианского населения, однако до тех пор, пока все носители власти, от генерала до полицейского, остаются мусульманами, чувство мусульманского превосходства будет сохраняться с обеих сторон.

Вопрос этот привлекает к себе внимание правительства, и оно надеется в ближайшем будущем начать постепенно вводить христиан в ряды армии; однако, если закон о всеобщей воинской повинности распространится на христиан внезапно, они усмотрят в этом лишь еще одну форму притеснения (с. 663).

Эллиот (Терапия) к Грэнвиллю (Лондон), 1 ноября 1870 г., №18, в: *PP* 1877 [С. 1739] XCII (выдержки).

54. Беспорядки на горе Кармел (1877)

Честь имею сообщить, что в прошлый понедельник, 9-го числа сего месяца, в Хадере, на горе Кармел, произошла кровопролитная схватка между бедуинами из окрестностей Хайфы, евреями и христианами.

Началась она с перепалки между бедуинами и евреями из Хадеры, а затем, заступаясь за евреев, вмешались и христиане.

Они принялись швырять друг в друга камнями, и два христианина и бедуин были ранены, последний серьезно.

После этого мусульмане Хайфы собирались, говорят, устроить демонстрацию против христиан, но присутствие английского корабля "Факел" и немецкого фрегата остановило их, и дело закончилось ничем.

Вчера вечером распространились слухи об объявлении войны между Россией и Турцией.

До сих пор местные власти имели достаточно средств к поддержанию порядка, но если слухи эти справедливы, то, по моему мнению, для охраны спокойствия христиан и европейцев в стране необходимо присутствие какого-либо европейского военного судна (с. 143).

Финци (Акко) к Элдриджу (Бейрут), 15 апреля 1877, №185, в: *PP* 1877 [C. 1806] XCII.

МАГРИБ

55. Евреи и новообращенные в Марокко (ок. 1790)

Как правило, евреи обязаны платить султану известную ежегодную подать, в соответствии с их числом, что составляет весьма значительную сумму, не считая других, произвольных поборов. Евреи Марокко были освобождены Сиди Магометом [1757—1790] от этой подати, вместо чего он вынуждал их принимать от него товары, чтобы они отделывались потом от них как сумеют, и взимал за эти товары в пятикратном размере; от этого они страдали куда более, чем если бы платили ежегодную подать (с. 198).

Дискриминация новообращенных в ислам

Как только еврей либо христианин обращается в магометанскую веру, его наряжают в костюм мавра, сажают верхом на коня и возят по улицам под звуки музыки и при великом стечении народа. Затем он избирает себе мавританское имя и указывает человека, который усыновляет его, как ребенка, и которого он отныне всегда будет звать "отцом". Отец этот, однако, только по названию, ибо он не обязан поддерживать его. Новообращенному дозволено жениться лишь на негритянке либо на дочери отступника, и потомки его не считаются настоящими маврами вплоть до четвертого колена (с. 342).

У.Ламприер

56. Царедворцы и приближенные султана (ок. 1790)

Эти люди, будь они евреи или христиане, суть не что иное, как орудия султана. Пока султан пользуется ими, они подобны бесценным сосудам, коих никто не смеет коснуться из страха повредить их; стоит же султану на мгновение отвратить от них свое лицо, они гибнут без следа: где они? — вопрошают видевшие их. Их боятся, но не любят, они готовы творить зло и не умеют творить добро. Они богатеют, разоряя других; они говорят своим отцу и матери: я не знаю вас; они не признают ни братьев своих, ни детей. Один из них обращает к другому любезные речи и готов отдать за него душу; затем он идет домой и точит нож, которым убьет его. Сильных они притягивают к себе нитями надежды, а молодых держат в повиновении страхом. Ад простирается над вершинами их величия; тот же ад у них под ногами. Стоит прозвучать лишь слову из уст султана, и их больше нет. Пока они правят, все кругом стенает, когда же они гибнут, город полон ликованья. Мало кто из них умирает своей смертью. Кара, обрушивающаяся на них, отлична от испытаний, посылаемых прочим смертным. Их постигает казнь, кастрация, изъятие имущества, застенок; их четвертуют, а дома их обращаются в навозную кучу. Среди всех них я нашел лишь одного, который удержался до конца. Это их называют *сахаб ал-султан*, т.е. "друг короля". А потому, если услышишь, что такой-то в фаворе у султана, пожалей его; молись за него, а лучше за самого себя: он уже изготовился к прыжку, сейчас разорвет и уничтожит. Если услышишь, что такой-то — знатнейший вельможа, аристократ, потомок княжеского рода, не верь этому: видит Бог, это

говорится из лести, ибо его боятся; он всего лишь жалкий кирпичик, служащий ступенью султану, пока тот вершит свою волю. Высокое положение царедворца непрочно: каприз султана жалует смерть и живот, разоряет и обогащает, свергает и возносит. А потому сегодня они парят в небесах, завтра же валятся в бездну; и всегда, в добрые времена и в злые, души их трепещут. Знай я все это, когда впервые вступил в Магриб, со мной не случилось бы всего, что случилось. Но кто растолкует нам знаки? (2:290,291).

С.Романелли*, *Масса ба'арав*. Цит. по **134**.

* Сэмюэл Романелли (1757—1817) — итальянский еврейский поэт и путешественник. Во время вынужденной задержки в Марокко (1787—1790) описал жизнь тамошнего еврейства.

57. Унизительное положение *зимми* в Тунисе (1800)

Евреи — единственные подданные регентства, вынужденные платить бею личную подать. Однако, хотя подать эта взимается якобы для их охраны, еврей, притесняемый мавром или даже избиваемый им, являет самое обычное зрелище. Более того, евреи принимают эти притеснения и побои с удивительным смирением. Если же один из них осмелится дать отпор своим преследователям, он рискует стать жертвой мучительнейшей тяжбы, выпутаться из которой он может лишь ценой значительного денежного откупа. И сами оскорбления очень часто имеют своей целью именно вымогательство.

Кое-кто из евреев носит европейское платье, в особенности уроженцы Леггорна. Другие одеваются

по-восточному, носят колпак и серую либо синюю накидку, каковые цвета предписаны им, дабы не смешивать их с мусульманами, носящими подобное же одеяние.

При всех этих унижениях и жалком их состоянии им дозволено ездить верхом на лошадях и мулах, что в Египте и других странах под мусульманской властью запрещается (с. 95).

Многие евреи, мужчины и женщины, занимаются торговлей вразнос, расхаживая по всему городу и сбывая свои товары по домам и гаремам. Замечательно, что мавританские женщины не считают нужным закрываться чадрой перед евреем, в котором видят всего лишь нечистое животное, едва ли принадлежащее к роду человеческому.

Поскольку нередко случалось, что евреев в этих домах убивали, присваивая себе их товары, бей распорядился, дабы в будущем разносчики обоих полов ходили только попарно, с тем, чтобы один оставался у дверей, пока его товарищ входит с товарами внутрь. Со времени этого указа, столь же простого, сколь и разумного, евреи перестали быть жертвами кровожадной алчности грабителей (с. 96).

Л. Франк*

Луи Франк — доктор, по происхождению бельгиец. Сопровождал Бонапарта во время его египетской кампании. Стал личным врачом тунисского бея в 1806 году, а в 1816 закончил свое исследование о Тунисском регентстве.

58. Разорение еврейского квартала в Фесе (1820)

В городе Фес *удайя* ворвались в еврейский квартал, расположенный по соседству с их собственным Фес ал-Джадидом. Они принялись разорять и грабить все, что находили. Тащили полотно, шелк, серебро и золото, хранившиеся у евреев и принадлежавшие негоциантам Феса, для которых евреи делали портняжные и другие ремесленные работы. Так пропали огромные суммы денег, не поддающиеся даже исчислению. Затем *удайя* стали раздевать мужчин и женщин, причем девиц уводили и насиловали. Они убивали мужчин и пили хмельные напитки, невзирая на месяц рамадан. В давке и сумятице задохнулось насмерть несколько детей. Не довольствуясь всем этим, грабители принялись копать под домами, ища укрытого, и нашли много денег. Тогда они схватили еврейских старейшин и торговцев, избивали и терзали их, требуя, чтобы те показали, где спрятаны их деньги. Если у кого из евреев была красивая жена, они отнимали ее у мужа и требовали выкупа. Эти плачевные события имели место 13 числа месяца рамадан 1235 года (1820). Покончив с евреями, *удайя* принялись за других обитателей Феса (1:65).

ан-Насири (ум. 1897), см. **214**, ч. 4, с. 156, а также **97**.

59. *Зимма* в Алжире и Марокко (нач. 19-го века)

Им [евреям] не дозволяется проживать в одном городе с магометанами, но выделен особый квартал вне стен города, куда их запирают еженощно в девять часов и не разрешают ни под каким видом

двинуться с места вплоть до рассвета следующего дня...

В Алжире любой янычар, стоит ему захотеть, останавливает первого попавшегося еврея и избивает его, а тот не только не смеет ударить в ответ, но даже не прикрывается от ударов. Спасение ему одно — бежать со всех ног, как можно скорее и дальше. Жаловаться же хуже чем бесполезно, ибо кади призовет к себе янычара и спросит: "Почему ты избил еврея?" На это последует ответ: "Потому что он хулил нашу священную веру", вслед за чем янычара отпустят, а еврея предадут смерти. Правда, требуются показания двух мусульман, подтверждающих, что еврей хулил их религию, но в таких случаях недостатка в свидетелях не бывает.

Евреи вынуждаются к отправлению всех самых унизительных служб: они казнят преступников и предают их тела земле; они переносят на своих плечах через прибрежные мели мавров, высаживающихся со своих лодок; они чистят улицы и задают корм животным в зверинцах при сералях; "короче, — говорит Китинг [путешествовал в тех местах в 1785 году], — везде, где власть имущим нужны руки для грязной работы, занятие это выпадает на долю еврея..." Идя по улице, еврей всегда уступает проход у стены мусульманину, кланяясь ему при этом до земли; если же он преминет сделать это, ему достанутся жестокие побои, а может быть, и удар ятаганом. Это неравенство между последователями различных вер начинается с колыбели: турок с самого юного возраста безнаказанно попирает старика еврея, и — печальное доказательство того, сколь рано униженность укореняется в одной стороне и тиранство в другой, — еврейский ребенок поддается побоям своего однолетки-мавра, пальцем не шевеля в свою защиту. Далее, евреи обяза-

ны носить особую одежду, снимать обувь, проходя мимо мечети, мимо дома кади и даже мимо домов особо почитаемых мусульман, а в некоторых городах, например, в Фесе, и особенно в Саффи, где много святилищ, они вынуждены вообще ходить босиком. Им нигде не дозволено ездить верхом на лошади, каковое животное почитается за слишком благородное для столь недостойного всадника; но они могут ездить на ослах или, в виде особой милости, на мулах, с тем, впрочем, чтобы спешиваться и принимать почтительную позу при встрече с каждым мусульманином. Придя к колодцу, еврей обязан дождаться, пока все мусульмане, даже и те, что пришли позже его, уйдут, и только тогда может набрать воды. Смертью карается каждый еврей, который взойдет на крышу собственного дома, откуда он может увидать мавританских девиц; и смертью же карается каждый из них, буде он захочет строить козни против властей, либо ударит верного, либо заглянет случайно в мечеть во время молитвы. Все они почитаются за рабов султана, в чьих пределах они обитают, и не могут никуда уехать, не получив его позволения и не оставив значительной суммы в залог своего возвращения. Любой турок может вступить в еврейский город, зайти в дом, есть, пить, оскорблять хозяина и ругаться над женщинами, не встречая сопротивления и жалоб; еврей будет счастлив, если дело обойдется без побоев и ножевых ран. В Марокко нельзя приговорить к смерти мавра за убийство еврея, хотя убийство христианина часто наказывается смертной казнью. Более того, нередко случалось, что еврей, приносивший жалобу на убийство родственника или друга, сам подвергался наказанию, а убийцу отпускали на свободу. Вследствие всего этого еврей редко решается взывать к правосудию или

требовать возмездия. Он лишь корчится от побоев да раболепствует перед рукой, занесенной для удара (2:80—84).

Бунт зимми

Незадолго до прибытия британского посла (г-на Пэйна) в 1785 году марокканский мавр убил еврея-купца, разрезал тело на части и разбросал их в колодцы акведука в пригородной долине. Убийство было совершено с исключительной хитростью и жестокостью. И вот все еврейское население, стряхнув с себя безразличие и трусость, с неутомимым прилежанием взялось за поиски убийцы. Несмотря на все уловки и препоны, им удалось найти его, и он был брошен в тюрьму. Здесь предполагалось назначить ему некую казнь — не смертную, запрещенную упомянутым выше законом, но, возможно, бастинадо*, каковая казнь порой производится таким образом, что оказывает то же действие. Дело, однако, застопорилось, и евреи, в сильнейшем возмущении от нанесенных им обид, во множестве столпились вокруг дворца, громко требуя правосудия. Султан, первоначально склонный даровать им его, скоро утратил все чувства, кроме изумления перед этим непривычным и неожиданным шумом; затем, вознегодовав на этих неверных, осмелившихся возвысить голос вблизи монарха, он приказал своей страже прогнать их обратно в их квартал, что та и исполнила с готовностью и с превеликим удовольствием. А в предупреждение повторных подобного рода выходок на еврейский город наложена была обширная пеня, и пока она не была выплачена, ни

* Избиение палками, чаще всего по пяткам.

одному еврею не позволено было выйти за ворота (2:84,85).

Зимма и уплата джизьи в 1815 году

В сущности, евреев терпят главным образом как безотказный источник денежных средств, когда бы они ни понадобились... Единственный их способ обеспечить себе защиту заключается в том, чтобы втереться в милость к какому-нибудь вельможе; уступая ему часть своих доходов и угождая малейшим его прихотям, они предохраняют себя тем самым от преследований и даже добиваются некоторого подобия уважения; хозяйского еврея, как и хозяйского пса, нельзя пинать безнаказанно.

Евреи облагаются ежегодной податью, назначаемой султаном и взимаемой порой авансом. Особенно часто это происходит при смене губернаторов, поскольку новый правитель прежде всего нуждается в деньгах. В таких случаях он отправляет к евреям так называемого королевского посланника с требованием немедленной уплаты известной суммы, оставляя евреям жалкую привилегию распределять этот взнос между собой, как им заблагорассудится. Тем временем стража запирает ворота квартала и никого не выпускает, пока они не объявят, что требуемая сумма готова. Г-н Райли наблюдал этот способ взимания подати в Могодоре [в 1815 году], когда поступил приказ востребовать с них незамедлительно сумму в три тысячи пятьсот долларов. Евреев там насчитывалось не более шести тысяч, по большей части бедноты. Раввины собрали их в синагогах и разделили на четыре различных класса, из коих каждый обязан был внести известную часть подати. Четыре еврея-купца [Бен Гидалла, Макнин, Абитбол

и Загури], самые богатые и знатные среди них, образовали первый класс, на который приходилось более половины всей суммы; мелкие торговцы составили второй класс, ремесленники — третий и нищие поденщики — последний, четвертый. Священнослужители и левиты, составлявшие немалую часть от их числа, освобождены были от уплаты, как это всегда бывает в таких случаях, и их доля вносилась другими. На протяжении трех дней, пока они распределяли и готовили свои взносы, никого не выпускали за ворота, кроме тех, кто шел работать к маврам, да и тех лишь по дозволению каида [вождя, важного начальника].

"За это время, — рассказывает г-н Райли, — я неоднократно посещал еврейский город и каждый раз видел, как стражники своими длинными палками тыкали и хлестали несчастных, пытавшихся проскользнуть в открытые ворота с целью раздобыть немного пищи и воды для своих семей. На четвертый день, когда приготовления закончились, раввины и старейшины послали сказать губернатору, и первым трем классам велено было явиться к нему для уплаты. Мне хотелось посмотреть на эту процедуру, и я зашел в дом каида. Вскоре показались евреи; приближаясь, они снимали свои туфли, брали деньги в обе ладони и, держа их на уровне груди, медленной чередой подходили к магометанскому сановнику, принимавшему подать. Он брал у них деньги, с размаху ударял каждого кулаком по обнаженному лбу в виде расписки за полученное, на что еврей говорил *"нахма сиди"*[1] и отходил, уступая место следующему.

Так, без особых затруднений, проследовали первые три класса, когда появился четвертый, под-

[1] К вашим услугам, господин (искаж. арабский).

гоняемый ударами дубинок; этот класс был весьма многочислен и жалок на вид. Они подходили с большой неохотой, и каждому задавался вопрос, готов ли он уплатить свою *джизью*; тот, кто говорил "да", приближался, как и прочие, к чиновнику, платил деньги, получал такую же "расписку" и уходил; того же, кто отвечал "нет, не могу" или не был готов, немедленно хватали мавры и, бросив его ничком на землю, отвешивали ему до пятидесяти ударов толстыми палками по спине и ягодицам, после чего отводили его в подземный каземат под городской крепостью и не выпускали до тех пор, пока близкие не уплачивали его долю, а если это не происходило в течение трех дней, то выводили наружу и снова секли" (2:85—89).

Отличительная одежда

Одежда евреев весьма сходна с одеждой мавров, но им строжайше запрещено носить платье иной окраски, кроме черной, темно-зеленой или темно-синей, к которым магометане питают отвращение. Раньше евреям, приезжающим в Африку по торговым делам, давалась привилегия ношения европейского платья, но им начали подражать и местные евреи, вследствие чего был объявлен всеобщий запрет. Произошло это следующим образом. Однажды султан Марокко давал публичную аудиенцию; он заметил вдали человека в роскошном европейском одеянии. Сочтя его за одного из европейских послов, которых он в то время старался всячески ублажить, он послал к нему приближенного, велев узнать, какую нацию тот представляет, и просить его почтить султана своей беседой. Вернувшись, приближенный сообщил, что это всего лишь марокканский еврей. Разъяренный тем, что

потратил столько любезности на столь недостойное существо, султан пришел в страшный гнев, велел тут же сорвать с него алые и златотканные одежды и одеть его в грубый черный бурнус, после чего преступника оплевали, избили и пинками выгнали вон (2:98,99).

Мессианство

Евреи по-прежнему сохраняют всю силу привязанности к своей родной земле, привязанности, причинившей им столько бед и страданий. Как бы ни были они жалки, унижены и притесняемы, они по-прежнему посылают ежегодно значительные суммы на содержание своих старейшин и священнослужителей, которым дозволяется жить на Святой Земле по уплате султану известной дани (2:115,116).

Христиане живут в еврейском квартале

Среди евреев можно найти таких, которые умеют говорить на языках этих стран [Испании, Франции, Италии, Англии] и обладают обширными познаниями в различных областях. Благодаря этому они находятся в постоянном общении со всеми чужеземцами, посещающими страну, а поскольку, по магометанским установлениям, христиане, не имеющие собственных шатров либо домов, обязаны проживать в еврейском квартале, между ними завязываются новые связи и возникают новые источники доходов (2:136).

Коллективные наказания во время мятежа в Алжире (1804)[2]

Нигде в целой Барбарии не пользовалась еврейская нация такой свободой и таким хорошим обращением, как в Алжире до 1804 года. Об эту пору, весьма примечательную для алжирских евреев, случился в городе буйный мятеж, и евреев несправедливо обвинили в соучастии. Преступными зачинщиками мятежа были некие правительственные чиновники, и к тому же весьма близкие к дею; а поскольку кое-кто из этих господ занимал деньги у купца-еврея, евреев сочли за главных преступников, хотя они нисколько не были причастны к делу. Султан рассуждал так: не будь еврейских денег, мятеж, по всей вероятности, не произошел бы; *ergo*, евреев следует рассматривать как подлинных мятежников —*causa causae est causa causati**, что, считаю я, совершенно несправедливо по отношению к евреям в 1804 году. А потому их хватали, подвергали пыткам и терзали всяческими варварскими способами; мучительнейший заключался в том, что их подвешивали на длинной веревке на башенной стене, зацепивши крюками за различные части тела, чаще всего под подбородком. Несколько сот их погибло от этих ужасных пыток; других покарали смертью на костре либо бичеванием; а большая их часть, вследствие конфискации их добра и имущества, впала в нищету. Те, кому было что терять, поплатились вышеупомянутым образом; тем же, кому терять было нечего, достались в удел бичи, виселица и смерть на колу, столь

[2] Выдержки из письма д-ра Науди к преподобному С.С.Хоутри от 15 окт. 1816 года (цитируется Бартоном Лордом).

* следовательно,... причина причины есть истинная причина (лат.)

обычные в деспотических странах. События эти стали причиной великого перемещения еврейского народа из Алжира в другие части Барбарии, особенно в Тунис. Наиболее богобоязненные из них, увидев в этих напастях предупреждение и перст Божий, указующий им покинуть дальние страны и сосредоточиться в землях Леванта, двинулись в Палестину и в окрестности Иерусалима, словно бы чуя близость дня их возрождения. Ныне в Алжире дело с евреями обстоит так: их здесь до девяти тысяч человек, есть несколько синагог... (2:138,139).

П.Бартон Лорд

60. Смена правителей в Алжире (начало 19-го века)

При малейшей надежде на успех к любому восстанию неизменно примыкала вся турецкая солдатня, для которой новый господин, восходивший на свой кровавый трон, никогда не жалел самого щедрого вознаграждения. В краткий же период междуцарствия они, по закону беззакония, получали право грабить все еврейское население, если только не удавалось умолить их принять огромный выкуп, собираемый со всех членов этой общины.

Такого рода соглашение всегда заключалось в Алжире между главарями восстания и несчастными израэлитами. Первых побуждал к тому страх перед последующим расстройством всех коммерческих интересов страны, а последователи их находили, что выгоднее заключить такую сделку, нежели отыскивать на свой страх и риск спрятанные сокровища осторожных Judeos*. Какими бы несмет-

* Евреев (исп.)

ными богатствами ни обладали эти последние, и в одежде своей, и в обстановке жилищ они придерживались видимости самого скромного состояния; еврейки любого сословия редко носили ценные украшения.

По случаю убийства старика Али-паши я наблюдал с нашей городской террасы столь выразительное отчаяние еврейских женщин, подобного которому мне не приводилось встречать нигде. Террасы всех домов, где обитали эти несчастные, переполнены были женщинами и детьми, изъявлявшими самое безутешное горе; они били себя в грудь, рвали на себе волосы и, упав на колени, молили небо о защите. Зрелище было душераздирающее. Милостью Господней сердца гонителей смягчились, и они пошли на обычный компромисс (сс. 352,353).

Е. Брафтон

61. Алжирские евреи до завоевания Алжира французами (1825)

Евреи, коих насчитывается в городе до пяти тысяч, свободны в отправлении обрядов своей религии; во всех гражданских делах они руководствуются собственными законами и управляются собственными вождями, назначаемыми из их числа пашой; в качестве алжирских подданных они имеют право свободно передвигаться, селиться, где им угодно, и добывать свой хлеб любым законным занятием в любом месте королевства; в рабство их обратить нельзя. Они платят подушную подать, а также двойную пошлину на всякий товар, ввозимый из-за границы; как и в других местах,

они занимаются всеми видами торговли, они здесь единственные маклеры, ростовщики и менялы; среди них немало золотых и серебряных дел мастеров, и все чеканщики на монетном дворе — евреи.

Помимо ущербности своей перед законом, евреи — самый притесняемый народ в Алжире: они обязаны без сопротивления сносить любое телесное насилие от мусульманина, их принуждают одеваться в платье черного либо темного цвета, им нельзя ездить верхом на лошадях, ни носить никакого оружия, даже трости; лишь по субботам и средам дозволяется им выходить за ворота города без особого разрешения; и, когда бы ни случилась нужда в руках для тяжелой работы, делать ее приходится евреям. Летом 1815 года страну заполнили огромные стаи саранчи, пожиравшей всю зелень на своем пути; несколько сот евреев вызваны были в сады паши, где должны были сторожить и трудиться день и ночь, пока продолжалось нашествие саранчи.

Если среди янычар случался бунт, евреи всякий раз подвергались безжалостному грабежу, и они жили в постоянном страхе, что это произойдет опять. На улицах их забрасывали камнями мальчишки; короче, вся жизнь их здесь есть единая цепь величайших притеснений и унижений. Сыны Иакова переносят эти гонения удивительно терпеливо; они научаются смирению с младенчества и проносят его через всю жизнь, никогда не осмеливаясь роптать на свою горькую судьбу. Несмотря на все эти неблагоприятные обстоятельства, евреи, единственные в алжирском обществе, имеют, благодаря переписке с заграницей, достоверное понятие о делах внешнего мира; они замешаны во всяческого рода интриги, вследствие чего нередко

платятся жизнью. Должность вождя евреев приобретается с помощью происков и подкупа и исправляется средствами тирании и насилия. Во времена процветания регентства несколько здешних еврейских торговых домов чрезвычайно разбогатели, но за последние годы вследствие нестерпимых гонений, которым они подвергаются, многие богачи разорились, другие сумели эмигрировать, и места их во всех областях коммерции все чаще занимают мавры, на редкость способные к торговле. А потому евреи стремительно приходят в упадок, даже и в численном отношении. Участь евреев Алжира представляется мне наиболее плачевной из всех ныне живущих потомков Израиля.

Что касается манер, обычаев и образа жизни евреев Алжира, то, за вышеперечисленными исключениями, они так мало отличаются от других соответствующих сословий общества, что не стоят и описания. Алжирские евреи — люди крепкого и стройного телосложения, с отличным цветом лица, но униженность, в которой они пребывают, запечатлена на их внешности; редко увидишь черты достоинства в лице алжирского еврея, будь то мужчина или женщина. У этих людей есть чрезвычайно трогательный обычай, при виде которого нельзя не ощутить уважения и даже нежности к этому удивительному народу. Многие престарелые и немощные евреи, сознавая, что все их бренные заботы близятся к концу, по своей воле как бы умирают гражданской смертью; они передают наследникам все свое земное достояние и, удержав лишь несколько грошей, отправляются умирать в Иерусалим. В 1816 году я наблюдал, как несколько древних еврейских старцев отплывали в последнее свое земное паломничество на борту судна, специально зафрахтованного для доставки их к берегам Сирии.

ЕВРЕЙСКАЯ ДЕВУШКА ИЗ АЛЖИРА
(ок. 1840—1850)

Число евреев в алжирском королевстве достигает примерно тридцати тысяч.

У.Шейлер*

* Уильям Шейлер — американский генеральный консул в Алжире (1816—1828).

62. Эмансипация в Алжире и еврейская знать

Совершенно очевидно, что под турецким владычеством с евреями обращались самым притеснительным образом. Насилие усугублялось унижением. Они не смели носить иной одежды, нежели самых темных цветов. Когда дей повелел, чтобы все мусульмане и христиане ходили по ночам не иначе, как с зажженными фонарями, евреям тоже велено было ходить со свечой, но без фонаря; если им не удавалось укрыть огонь от ветра собственными пальцами, полиция устраивала себе забаву, наказывая несчастного израэлита поркой либо штрафом за хождение без света. Если мавр либо турок поднимал руку на еврея, тот не смел защищаться под страхом смерти. Один человек, живущий и ныне в Алжире, рассказывал мне, что видел однажды, как по улице мчался престарелый еврей, а за ним гнались, осыпая его камнями, мусульманские мальчишки. Присужденных к смерти членов этой несчастной расы обычно сжигали заживо (1:154).

Если вы спросите меня, что толку вспоминать подобные ужасы, при мысли о которых начинаешь сожалеть о существовании всего рода человеческого, я отвечу вам вопросом на вопрос. Правда ли все эти ужасы, о которых я говорю, или выдумка? Увы! чистая правда. Они миновали, согласен; но

что случилось прежде, может случиться вновь, если мы не станем взывать к душам людей, протестуя против подобных зверств.

Зная, как скверно обращались прежде с евреями в Алжире, я ожидал, что найду в них горькую обиду на прежние турецкие власти и восторженную привязанность к французам. Но это отнюдь не так. Евреи побогаче — а только среди таких находятся лица, с которыми можно говорить по-французски, — явно испытывают неловкость при упоминании о прежних притеснениях и избегают этого предмета, видя в нем оскорбление их достоинства. Беседуя с одним из богатейших и наиболее уважаемых лиц, я намекнул на эту их слабость, и он рассмеялся, отчасти признавая ее. Он не мог отрицать, что собратьев его сжигали заживо и побивали камнями, "но, — сказал он, — жизнь наша была не столь беспросветна, как вы ее себе рисуете. У нас был свой третейский судья, или царь, как мы продолжаем называть его, и он улаживал все наши раздоры. Торговля и меняльное дело до прихода французов были почти полностью в наших руках; теперь, увы, это не так. У каждого богатого еврея имелся покровитель-турок, который за сходную цену защищал не только его самого, но и тех евреев победнее, которым он в свою очередь покровительствовал". Я не настаивал на продолжении спора. Сказанное напомнило мне, что даже в ужаснейших обстоятельствах сила привычки и природа человека всегда ухитрятся изыскать некие средства, смягчающие его муки (1:155—157).

Т.Кэмпбелл

63. Султан Марокко дает определение прав евреев (1841)

Евреям нашей благословенной страны дарованы некие гарантии, из коих они извлекают пользу в обмен на выполнение ими условий, налагаемых нашим религиозным законом на тех, кто пользуется его покровительством; условия эти всегда соблюдались и соблюдаются нашими единоверцами поныне. Если евреи подчиняются этим условиям, наш Закон запрещает пролитие их крови и предписывает неприкосновенность их имущества, но стоит им нарушить хотя бы одно-единственное условие, благословенный Закон наш позволяет проливать их кровь и изымать принадлежащее им. Наша преславная вера допускает для них лишь самое униженное и ничтожное состояние, а потому, буде еврей только возвысит голос против мусульманина, это уже составляет нарушение условий нашего покровительства. Если в вашей стране они равны вам во всем, вполне растворились и смешались с вами, значит, это хорошо и пригодно для вашей страны, но не для нашей. Ваше положение в нашей стране иное, нежели их: в вас мы видим людей, с которыми мы "примирились", в них же — таких, которым мы "покровительствуем".

А потому, если один из них решается вступить в нашу благословенную державу для коммерческих дел, он должен нести те же обязательства, что и "покровительствуемые народы" в нашей среде и принять те же отличительные внешние признаки [дискриминации]. Кто же не желает соблюдать этих обязательств, разумнее поступит, оставаясь у себя дома, ибо мы не нуждаемся в его коммерции, производимой в противных нашему благословенному Закону обстоятельствах... (сс. 14—16).

Завершено 20-го числа священного месяца зуль-Хиджа, 1257 года (1841).

Письмо султана Марокко, Мюлея Абд ар-Рахмана (1822—1859) французскому консульству в Танжере, цит. по **97**.

64. Дискриминация в одежде (Марокко, 1850)

Впервые им [евреям] было дозволено носить такой платок в Марокко [Маракеш] и в Мекнесе, чтобы прикрывать уши. Но больше всего они жаждали избежать обычных издевательств мавританских ребятишек, которые любят для потехи сбивать у них с головы ермолку, обозначающую их подчиненное положение. Им не разрешено завязывать платок под подбородком двойным узлом, а только простым, и платок снимается в присутствии высокопоставленных мусульманских лиц... Они обязаны постоянно носить черный либо темно-синий плащ *(я'лак)*, и лишь из милости им дозволено надевать короткую белую накидку, *слам*, защищающую от жгучих лучей солнца. Капюшон этой накидки, из синей ткани, не должен полностью закрывать голову, дабы еврея не приняли издали за мавра, ибо и мавры носят иногда такие капюшоны, только с другой каймой.

К тому же, черная шапочка еврея всегда должна быть на виду. Далее, справа на накидке положено быть небольшой прорехе, а капюшон должен спадать на левое плечо, затрудняя движения еврея как еще один знак его подчиненности (сс. 27,28).

Л.Годар. Цит. по **120**.

ЕВРЕИ ИЗ ДЕБДУ (МАРОККО)
В НАЦИОНАЛЬНОЙ ОДЕЖДЕ
Коллекция З.Шульмана (1955)

65. Беззащитные *зимми* Марокко (19-й век)

Евреи Барбарии суть во всех отношениях полнейшие рабы мавров. Они обязаны носить особое платье и ни под каким видом не могут надевать красную феску либо желтые туфли, излюбленные маврами. Если кто из них дерзнет это сделать, жесточайшее наказание будет тому последствием. Также и европейского платья нельзя им надевать без особого позволения от самого султана, даваемого иногда в виде великой милости. Евреи носят черные ермолки на голове и черные туфли; эти последние они обязаны снимать в десяти ярдах от мечети либо святилища и следовать далее босиком. Правило это не знает исключений, независимо ни от богатства и важности пешехода, ни от погоды и состояния улицы. По всей стране магометане всех сословий относятся к евреям с величайшим презрением. Мавританские мальчишки, вообще чрезвычайно наглые, даже с христианами, обращаются с несчастными израэлитами с величайшим нахальством и беспричинной жестокостью, уверенные в своей безнаказанности и поощряемые к тому родителями. Мне не раз приходилось наблюдать, как какой-нибудь десятилетний мальчишка, приступив на улице к еврею, останавливал его и принимался пинать и осыпать пощечинами, от которых тот не осмеливался защищаться. Дерзни он сделать это, ему отрубили бы руку, поднятую на истинно-верного. Бедняга лишь вопил, взывая к своему маленькому мучителю, награждая его титулом "сиди", т.е. "господин", и умоляя пропустить его. Что же до еврейских мальчиков, они со страхом и трепетом проходят мимо играющих мавританских детей, которые видят в них законную добычу, вроде бродячей собаки, и неизменно осыпают их колотушками

и камнями. Вследствие этой системы притеснений евреи Тетуана, Феса, а также и других городов, обитают в отдельном квартале, сообщающемся с мавританским городом лишь посредством ворот, запираемых на ночь. Таким образом, они защищены от обид и оскорблений мавров, особенно в субботу, когда они могут вздохнуть свободно, ибо в этот день мавры не имеют права заходить в их квартал и терзать их. Порой евреи, полагаясь на свою субботнюю неприкосновенность, заходят так далеко, что осмеливаются надевать европейского покроя шляпу, хотя и рискуют при этом доносом губернатору и либо крупным штрафом, либо поркой за нарушение соответствующих правил (1:338,339).

Свидетельство еврея либо христианина, в особенности первого, против мавра не считается заслуживающим доверия, и легко себе представить, какие обширные возможности это дает для взяточничества, неправосудия и притеснений. Несчастный еврей беззащитен перед тюрьмой и поборами (которые и есть главная цель мавританского правосудия), в особенности под властью неправедного губернатора, не упускающего случая выжать из бедняги все до последнего гроша (1:424).

А. Де Брук (1831)

Хотя евреи подчиняются общим законам страны, им дозволено улаживать свои гражданские споры в соответствии с их собственным законом Моисея. В этом заключается для них величайшее благо, ибо перед магометанским судом ни христианин, ни еврей не имеют locus standi*. При даче показаний

* Здесь — легальная позиция (лат.).

присяга от них не принимается, и суд всегда предубежден в пользу истинно-верующего (с. 254).

А.Лирд (1876)

Если мавр убивает верного, семья убитого имеет право на жизнь убийцы и обычно добивается осуществления этого права, разве что, забыв обиду, предпочитает получить тайком кровный выкуп от убийцы либо его семьи. Однако мавр, убивший еврея, никогда не рискует жизнью, ибо, по их верованиям, жизнь верного не может сравниться ценностью с жизнью собаки-еврея. Так что если еврей досадит чем-нибудь мавру, тот не задумается его убить. А если поднимается шум, либо окажется, что убитый пользовался покровительством иностранной державы, по этому делу убийца заплатит фунтов десять кровного выкупа, и дело будет замято (сс. 326,327).

С.Бонсал (1891)

66. Ограничения в передвижении и в выборе места жительства

Марокко (1789)

Еврейский квартал [в Тарудане] представляет собой убогое местечко примерно в четверти мили от города. Обитатели его пребывают в состоянии крайней нищеты и приниженности и при входе в мавританский город обязаны снимать обувь (сс. 160,161).

Евреи, весьма здесь [в Маракеше] многочисленные, живут в своем особом городе, обнесенном стенами и управляемом *алькадом*, который назна-

чается султаном. В городе имеется двое ворот; примерно в девять часов вечера они запираются, после чего никто не может ни войти в квартал, ни выйти из него до следующего утра. У евреев есть собственный базар и так же, как и в Тарудане, они всегда обязаны разуваться при входе в мавританский город, замок либо дворец (с. 197).

Евреи Барбарии бреют головы и носят длинные бороды; одеждой своей они, в сущности, очень мало отличаются от мавров (чью одежду я опишу далее), с тем лишь исключением, что верхнее платье их должно быть черного цвета. Поэтому они носят черную шапку, черные туфли и, вместо мавританского *хаика*[1], *альберос*[2] из черной шерсти, закрывающий всю прочую одежду. Выезжать за границу евреям дозволяется только с особого разрешения султана; нельзя им также носить шпагу, ни ездить верхом на лошадях, хотя пользование мулами допускается. Среди мавров господствует мнение, что лошадь — животное слишком благородное, чтобы служить неверным евреям (с. 202).

В. Ламприер

Христиан перестали оскорблять в Тунисе (1835)

Тридцать лет назад христианину почти никогда не удавалось пройти по улице, а тем более за городом, не подвергнувшись оскорблению. Теперь, по словам г-на Блакьера, это случается редко; и хотя ненависть туземцев к евреям и назареянам

[1] Просторный плащ, похожий покроем на одеяло (араб).
[2] Т.е. *ал-бурнус*, плащ с капюшоном (араб).

ничуть не уменьшилась, страх перед наказанием значительно умерил их наглость (с. 284).

М.Расселл

67. Неверные в Марокко почитаются за нечистых (1789 и 1889)

Мавры никогда не позволят христианину либо еврею ходить по их кладбищу, ибо они питают суеверное убеждение, распространенное, впрочем, более среди низших сословий, нежели среди просвещенных, что мертвые страдают, когда по их могилам ступает нога неверного; помню, в Танжере я получил жестокий нагоняй от одного мавра за то, что случайно прошел по месту их захоронения (с. 341).

В. Ламприер

Мы проезжали мимо могилы мавританского святого. Это была небольшая квадратная площадка, окруженная свежевыбеленной, но ветхой оградой, над которой развевался белый флаг. К таким местам, даже если они расположены у самой дороги, не смеют приближаться ни христиане, ни евреи, ибо это почитается за смертельное оскорбление (с. 41).

А.Лирд

68. *Зимми* запрещено осквернять священную арабскую землю

В Керуане: Неверному, будь то еврей или христианин, ни при каких обстоятельствах не дозволено вступать в этот город, окруженный крепкими стенами, и население в своем фанатизме заходит так далеко, что даже самые знатные и влиятельные путешественники осмеливаются въезжать сюда не иначе как в переодетом виде и имея при себе приказ от бея к *каиду* города (с. 237).

В Сфаксе: Образ жизни в Сфаксе столь замкнутый, что приезжему, будь он из Туниса или из Оазиса, не разрешается подолгу оставаться здесь... Христиан, разумеется, ненавидят — в городе нет ни одного жителя христианина; вместе с евреями, которых здесь 2 000 душ, они обитают в отдельном приморском квартале, расположенном ниже городского уровня и называемом Рабат (с. 278).

Е. фон Хессе-Вартегг

В Шеллахе (Марокко) в 1890 году: До недавнего времени город охранялся стражниками и ни еврею, ни христианину не дозволялось вступать в его священные пределы. Первые ученые, прибывшие сюда для изучения этих мест, вынуждены были передвигаться в сопровождении воинского эскорта, но теперь христиане свободно расхаживают везде и даже заходят внутрь, чтобы осмотреть развалины святой мечети (с. 51).

В Фесе: В Фесе имеются две главные мечети... Евреям и христианам запрещено пользоваться улицами, куда выходят двери этих мечетей (с. 139).

По нашем возвращении из Меллаха наш солдат сообщил мне, чтобы я не надеялся более посетить

Сифру, так как каиды и Старого, и Нового Феса отказались дать мне письмо. Сифру подлежит юрисдикции губернатора Нового Феса, но он отказал в письме под тем предлогом, что христиане могут входить туда только с разрешения султана (с. 257).

Д-р Р.Керр

В Йемене: В самой Сане все лавки получше принадлежат евреям, но с наступлением ночи им положено убираться обратно в свой квартал, ибо еврею запрещено жить в священной Сане (с. 257).

Г.Уаймен Бёри (1915)

69. Значение труда *зимми* для экономики и эксплуатация, которой они подвергаются

Во всех странах, где они обитают, эти несчастные люди [евреи] почитаются за существа низшего порядка, но нигде их не притесняют столь жестоко и незаслуженно, как в Барбарии, где вся страна зависит от их трудолюбия и изобретательности и едва ли могла бы сохраниться без них как нация. В этой части света нет, кроме них, ремесленников, они ведут здесь все финансовые и коммерческие дела, за исключением сбора пошлин. Им, однако, доверена чеканка монет, чему я сам был свидетелем.

Мавры выказывают более человечности к своему скоту, нежели к евреям. Не раз мне приходилось наблюдать, как одного из этой злосчастной нации избивали жесточайшим образом и оставляли, полумертвого, валяться на земле, притом без всякой надежды на возмещение обиды, ибо любую тяжбу

между мавром и евреем судьи рассматривают с самой преступной предвзятостью (сс. 198,199).

В. Ламприер (1790)

Глядя на их жалкое обличие и на рабские условия их жизни, никто не догадается, сколь необходимы они для самого существования мавров; между тем, дело обстоит именно так, и эта ленивая, жестокая и бестолковая раса столь же мало может обойтись без помощи и услуг евреев, как араб — без своего верблюда. Избиваемый, поносимый, лишенный защиты закона, мишень для всяческих издевательств и презрения, жертва любого уличного мальчишки, на которого он не смеет даже пожаловаться, еврей, однако, и только он делает здесь всю работу, и вся коммерческая жизнь страны осуществляется его руками. Для европейских консулов помощь еврея неоценима, как по дипломатической, так и по любой другой части. Даже сам султан не может обойтись без евреев, нередко прибегая к их услугам в наиважнейших делах. Короче, марокканский еврей, при всем своем ничтожном положении, сумел своей ловкостью обрести власть над самим мавром (1:249).

Из всего сказанного явствует, что характер евреев Барбарии мало изменился под действием их приниженного состояния, оставаясь таким же, какой наблюдается по всему свету. Они трудолюбивы, деятельны, полны жизни, терпения и усердия; в честности они не уступают маврам и никак не превосходят европейских своих собратий. Они отлично вышивают золотом и шелками, умело шьют обувь и одежду и занимаются множеством других ремесел и работ, которых мавры не знают как по невежеству, так и по лености. Они вечно прики-

дывают и изобретают всяческие сделки, в которых и преуспевают при наличии малейшего капитала. Большинство, однако, до крайности бедны; не будь они столь смиренны и столь неутомимы в своих стараниях найти хоть какой-нибудь заработок и не будь предметы первой необходимости доступны по столь умеренным ценам, им весьма трудно было бы выжить среди расы, от которой им не приходится ждать ни помощи, ни сострадания (1:255,256).

А. де Брук (1831)

В южной провинции Сус еврея почитают за столь необходимого для процветания страны, что не позволяют ему покидать ее. Чтобы получить разрешение поехать с торговыми целями в Могадор, он обязан оставить жену и детей, либо другого родственника, к которому он привязан, в качестве залога своего возвращения (с. 217).

А. Лирд (1876)

В Египте

Здесь имелось два сорта чиновников, занятых сбором денежных податей — мусульманские и коптские... Копты производили все подсчеты всех ожидаемых поступлений, а также и правительственных расходов, будучи отличными знатоками арифметики... Копты — люди вежливые и мирные, но, будучи среди населения ничтожным меньшинством и исповедуя христианскую веру, находились в подчиненном положении (1:79,80).

А.А.Патон (1870)

70. Рабское состояние евреев в Магрибе (1870)

Притеснения, претерпеваемые этими последними [евреями] даже в наши дни, почти невероятны. В Алжире французское правительство эмансипировало их около сорока лет назад, но в Тунисе, Марокко и Триполисе они получили некоторые права совсем недавно. А до тех пор они обязаны были жить в особом квартале, не смея появляться на улице после захода солнца. Если им нужно было выйти из дому ночью, они вынуждены были выпрашивать у *заптие* [полиции] особую плетку, служившую пропуском при встрече с патрулем. В темные ночи им не разрешалось носить фонарь, как маврам и туркам, но только свечу, поминутно задуваемую ветром. Им нельзя было ездить ни на лошадях, ни на мулах, и даже на ослах дозволялось ездить только за городом; у городских ворот им полагалось спешиваться и далее шагать по середине мостовой, чтобы не мешать арабам. Если им случалось проходить мимо *касбы*, они прежде всего обязаны были преклонить колени в знак покорности, а затем следовать далее с низко опущенной головой; приближаясь к мечети, они должны были разуться и пройти мимо священного здания, отвратив от него взгляд. Поскольку же в Тунисе не менее пятисот мечетей, легко догадаться, что евреям в те времена нечасто приходилось носить башмаки. Еще ужаснее было личное общение с мусульманами. Стоило, чтобы одному из последних показалось, что еврей оскорбил его, он убивал этого еврея не задумываясь, и в наказание лишь платил штраф государству. Не далее как в 1868 году семнадцать евреев были убиты в Тунисе, и преступники остались безнаказанными; в сговоре был замешан даже не то министр, не то генерал, отлично поживив-

шийся за счет имущества убитых. И это еще не все. Евреи — видимо, в знак благодарности за то, что им позволяют жить в городе и вообще жить — должны были ежемесячно платить государству 50 000 пиастров подати! (с. 118,119).

Е. фон Хессе-Вартегг

71. Оплата труда в Маракеше (1876)

Само собой разумеется, рабочий люд и мелкие лавочники больше всего страдают от произвола властей. Если еврейский ремесленник, приносящий свою работу марокканскому чиновнику, не удовлетворяется половиной условленной платы, ему достаются палочные побои. На долю трудового населения непрерывно выпадает самая тяжелая работа, от которой не освобождены ни женщины, ни даже дети. Бродя по арабскому базару, я видел длинные ряды еврейских девушек, босоногих и простоволосых, которые шили армейское обмундирование, зарабатывая не более 10-15 сантимов в день. Однако физические страдания — ничто в сравнении с нравственными муками, которым непрерывно подвергаются эти чувствительные и скромные создания. В стране, где честную женщину не увидишь на улице без покрывала, эти еврейские женщины и девушки вынуждены работать посреди базара с открытым лицом, выставленные на всеобщее обозрение перед наглой арабской толпой.

Один мусульманин сам подтвердил мне, что это унизительное выставление напоказ делается с единственной целью вынудить еврея к обращению в ислам, ибо только так они смогут избежать ежечасных мучений. Каким же исключительным

МАРОККАНСКАЯ ЕВРЕЙСКАЯ ДЕВУШКА
Гравюра Жиля по картине Ж. Боклерка (1828)

благородством духа надо обладать, чтобы переносить эту нищенскую жизнь, полную бесконечных страданий, тогда как обращение принесло бы им величайшие блага, свободу, богатство и почет!

Удел мелких торговцев ничуть не легче, ибо во время купли-продажи часто возникают споры между арабами и евреями, в котором заведомо известно, что первые возьмут верх. Мусульманин покупает какой-нибудь товар в еврейской лавке, а спустя несколько часов возвращается и объявляет, что торговец обвесил либо обсчитал его. Поскольку свидетельство еврея цены не имеет, а свидетеля-араба найти невозможно, то слово мусульманина принимается на веру, и надсмотрщик еврейского квартала ничтоже сумняшеся избивает своим жезлом предполагаемого обманщика до беспамятства, а порой и калечит на всю жизнь. Я видел собственными глазами многих таких жертв, чаще всего мясников — они еле-еле тащились по земле, не в силах распрямить спину, исхлестанную до кости и представлявшую собой сплошную открытую рану. Черные клочья гниющей плоти покрывали их щиколотки и ступни, искривленные и распухшие от зверских побоев, с чудовищными синими пузырями на месте раздробленных жезлом ногтей. Зрелище было ужасное и душераздирающее, а меж тем эти раны были уже десяти- или пятнадцатидневной давности. Как же выглядели эти несчастные сразу после перенесенной ими кары?

Иной раз бедняги-евреи подвергаются жесточайшим пыткам без всякого к тому предлога, просто чтобы напомнить им, что у них есть хозяева, могущие сделать с ними все, что пожелают. Главная цель марокканских властей такова, чтобы еврей не вступал ни в какие торговые сделки без их по-

РАВВИН В ХАРАКТЕРНОМ ГОЛОВНОМ УБОРЕ
ИЗ ТКАНИ В КРАПИНКУ
Ифранская синагога, Марокко
Коллекция З.Шульмана (1955)

средничества, с тем, разумеется, чтобы сорвать с него хорошие комиссионные. А потому, когда такая возможность ускользает от их алчности, гнев их не знает границ (*BAIU*: 52—54).

Олигархия зимми: орудие властей

Арабская система всегда строилась на том, чтобы управлять массами населения с помощью небольшой кучки привилегированных лиц, зависимых от властей. Соответственно, в меллахе образована была могущественная олигархия, открыто поощряемая властями и, будь то от страха или из благодарности, всегда помогающая правителям подавлять гнев и жалобы населения. Эта группа *гвирим* (богачей — *евр.*) состоит из десяти богатых семей, преуспевших в торговле с помощью капитала, который они получили взаймы от султана некоторое время назад. Они живут в просторных, роскошно убранных домах, стол их украшают заморские кушанья и вина; однако за пределами своих жилищ они почитаются наравне с прочими и подлежат тем же унизительным законам, что и беднейшие из них. Их обвиняют в том, что они, по сговору с властями, припрятывают лучшее зерно и мясо от мясников для собственных повседневных нужд. Я думаю, что обвинения эти сильно преувеличены, однако же все это никак не способствует их благополучию, ибо они постоянно сталкиваются с враждебностью к ним населения. Преследуемые страхом перед арабами, с одной стороны, и едва скрываемой ненавистью своих собратьев-евреев — с другой, *гвирим* меллаха представляются мне достойными скорее сожаления, нежели зависти. Разрываясь между стремлением выжить и угрызениями совести, они

вряд ли успевают наслаждаться своим богатством (*BAIU*: 54,55).

Ж.Галеви*, Рапорт, в Архивах *AIU* (Франция IX A 73) и *BAIU* (I сем. 1877): 44—70. См. также **184**, №1 (1976): 39—42.

* Жозеф Галеви (1827—1917) род. в Адрианополе, в Турции. Французский ориенталист и писатель. Путешествовал в Эфиопии, в южной Аравии и в Марокко в 1876 г. Профессор эфиопского языка в Ecole Pratique des Hautes Etudes (Париж) с 1879 г. Основатель Revue Semitique d'Epigraphie et d'Histoire Anáienne в 1893 г.

72. Угнетатели и *зимми* в Маракеше (1876)

При въезде в город мой скромный караван окружен был любопытной толпой, в которой мне не удавалось рассмотреть различные группы населения, но по мере моего продвижения толпа разделилась на две части, совершенно не схожие друг с другом внешним видом. С одной стороны — мужчины дерзкого обличия, одетые в великолепные бурнусы, обшитые богатой каймой, с пышными тюрбанами на головах, обутые в красивые желтые туфли с золотой и серебряной мишурой; с другой — робкое, убогое сборище людей, чьи головы покрыты были лишь черными в синюю крапинку платками, кое-как завязанными вокруг шеи; в руках они несли грубые крестьянские сандалии, а сами, несмотря на покрывавшие дорогу острые камни, шагали босиком. Нужно ли говорить, что эти последние были евреи, которым запрещено носить тюрбан — единственный головной убор, дающий защиту от лучей

тропического солнца, и которые не смеют даже надевать туфли за пределами своего квартала, *мелаха*. Невозможно представить себе мучения этих несчастных, с гримасами боли скачущих по острым камням под глумливые вопли мусульманского населения (*BAIU*: 50,51).

Ж.Галеви

73. В Марокко отказываются эмансипировать *зимми*

В прежние времена евреи, вступая в Медину или в мавританский квартал, либо, если путь их лежал мимо мечети, обязаны были разуваться. Им не разрешалось ездить верхом на лошади (лошадь почиталась слишком благородным для этого животным), а также сидеть в присутствии мавра по-турецки. Самый последний мусульманин мог безнаказанно оскорблять их и мучить, вплоть до того, что самым обычным зрелищем на улице были мальчишки, таскавшие почтенного еврея за бороду, осыпавшие его колотушками и плевками. Кроме того, евреи вынуждены были носить особое платье в знак своего унижения.

Эти тягостные предписания и обычаи были несколько смягчены по ходатайству сэра Мозеса Монтефиоре, посетившего покойного султана Сиди Мухаммада в 1864 году[1], но изданный тогда указ вошел в силу только в морских портах. Внутри же страны

[1] Д.Дж.Литтман, "Миссия в Марокко (1863—1864)" — в книге Сони и В.Д.Липманов "Столетие со дня смерти Мозеса Монтефиоре" (Oxford University Press, 1985). См. 185.

евреи в городах по-прежнему обязаны ходить босиком и носить отличительное платье. Нынешний султан, когда ему напомнили об указе его отца, ответил, что все евреи, находящиеся под иностранным покровительством, могут, если желают, носить обувь при условии, что будут и одеваться по-европейски. А этого, как прекрасно знают султан и его министры, никто из евреев Феса и прочих внутренних городов сделать не может, не рискуя жизнью, если его опознают окружающие. Обычная одежда евреев в приморских городах состоит из туники и жилета темного цвета, застегнутого под самое горло двойным рядом шелковых пуговиц, широкого кушака, темной фески и черных башмаков или туфель. Внутри страны они носят попросту темный кафтан с поясом и в качестве головного убора синий или черный бумажный платок, завязанный под подбородком. Обувь им дозволено носить только черную, ибо мавры презирают черный цвет (сс. 11,12).

Дж.В.Кроуфорд (1889)

Насколько мне удалось заметить, бесправие и униженность, которым подвергаются евреи в городах Марокко [Маракеш], выражаются в следующем:

1. Им строжайше запрещено носить тюрбан.

2. В присутствии важного чиновника, либо проходя мимо мечети, они обязаны снимать синий платок, которым обычно покрывают голову.

3. Они должны носить черные туфли, а не желтые, как принято у мавров.

4. Выходя из своего квартала в мавританский город, и мужчины, и женщины вынуждены снимать обувь и шагать босиком, что особенно унизительно, когда им случается проходить с гостем через грязные улицы мавританского квартала.

5. Встречаясь с мавром, еврей обязан всегда обходить его слева.

6. Евреям запрещено ездить по городу верхом.

7. Им не разрешается носить оружие.

8. Они не могут посещать мавританские бани.

9. Отправление религиозных обрядов допускается только в частных домах, поэтому у них нет синагог. Это правило распространяется также и на остальные части империи, кроме Танжера.

Существуют, без сомнения, и другие тягостные ограничения личной свободы, не заметные с первого взгляда. Но приведенный выше перечень достаточно ясно дает понять, что речь идет не просто об эмоциях, а о настоящих обидах, претерпеваемых еврейской общиной. Они живут под железным ярмом деспотизма, и это неизбежно сказывается на их поведении и обличии. Мужчины их обычно среднего роста, худощавы, с удлиненной формы лицами и желтоватой кожей. Печально наблюдать, как они, опустив голову, медленным шагом бредут по улицам родного города, который, подобно злому отчиму, хотя и признает за ними право на минимальное покровительство, отдает их на обиды и поругание милым его сердцу родным детям. Даже игры и забавы мавров всегда глубоко оскорбительны для евреев. Вот тому пример: в известное время года сады в городе и его окрестностях производят столь обильный урожай апельсинов, что они теряют всякую цену и годятся лишь на то, чтобы забрасывать ими евреев. Это почитается здесь прямотаки за летний спорт, вроде игры в снежки в зимней Англии. Горе несчастному израэлиту, которого заметят на улице либо на крыше дома во время этих сатурналий мавританской молодежи. На него набрасываются с воплями и насмешками и, если он не сумеет спастись бегством, то будет испачкан

с ног до головы, а то и получит более серьезные увечья. Поэтому власти в последнее время делают попытки пресекать эти своеобразные "апельсинные баталии" (сс. 175—177).

А.Лирд

74. Ненаказанное преступление (1880)

Вечером 15 января [1880 года] несколько еврейских детей играли, как обычно, на оживленной улице подле еврейского квартала в Фесе, как вдруг на них напал некий магометанин и серьезно ранил одного из них. Мимо проходил еврей, натурализованный французский подданный. Увидев избитого ребенка и желая наказать мусульманина за жестокость, он схватил его, намереваясь отдать в руки правосудия. Добравшись до здания суда, он нашел ворота суда запертыми, ибо этого требует обычай в то время, когда мимо проезжает султан. Дожидаясь, пока ворота откроются вновь, он увидел, что вокруг собирается толпа мусульман. Он крепко держал своего пленника, но тот, ободренный присутствием единоверцев, начал жаловаться, что еврей побил его, и вообще, что поведение евреев становится невыносимым. Тогда магометане набросились на еврея и принялись избивать его камнями и палками. Ему удалось спастись от верной гибели, подкупив одного мусульманина, который прикрыл его собственным телом и дал возможность бежать. Еврей бросился в первую попавшуюся открытую дверь — это была тюрьма.

Видя, что жертва ускользнула из их когтей, магометане пришли в ярость и напали на евреев, возвращавшихся к себе в квартал по окончании

дневных трудов. Несколько человек получили тяжелые повреждения и, добравшись до дому, слегли в постель. Некоторым удалось спастись бегством. Но несчастный еврей по имени Авраам Элалуф, семидесяти лет отроду, один из наиболее почитаемых членов общины Феса, не смог убежать. Мусульмане набросились на него и вскоре прикончили его своими зверскими ударами; затем они принялись топтать тело ногами, пока внутренности не вывалились наружу. Но даже и это не удовлетворило негодяев. Они собрали кучу горючих материалов, соседние лавочники натаскали дров и рогож. Труп облили керосином и подожгли.

Тем временем, евреи, ожидая нашествия мусульман на гетто, за которым последуют резня и грабеж, поспешно заперли ворота. Ужас, владевший ими, был столь велик, что у около тридцати беременных еврейских женщин произошел выкидыш. Всю ночь ни один из них не решался выйти на улицу, взглянуть, что сталось с несчастным стариком, и лишь наутро они нашли его тело, полуобгоревшее и изглоданное псами. На следующий день некий еврей явился в султанский дворец, взывая к справедливости. В ответ он услышал лишь насмешки да уверение, что лично ему ничто не угрожает.

Евреи Феса находятся в невыносимом положении, опасаясь нападений на свой квартал, избиений и разбоя. Мусульмане же, со своей стороны, по-прежнему терзают евреев и видя, что их преступления остаются ненаказанными, обнаглели еще более.

Это возмутительное событие дает представление о том, чего можно ожидать в случае грозящей евреям отмены европейского покровительства в Марокко. Испанское правительство уже лишило

евреев своей защиты, которой они пользовались прежде, и многие полагают, что бесчинства в Фесе являют собой первые плоды этого акта.

The Jewish Cronicle, Лондон, 6 января 1880

Семья покойного Авраама Элалуфа, убитого и затем сожженного в Фесе, просила власти выдать документ, удостоверяющий убийство их несчастного родственника (в Марокко мусульмане обычно испрашивают такой документ, служащий затем основанием для возбуждения дела против убийцы). Визирь сказал им, что прежде чем дать ответ, он должен спросить мнение султана. Его величество ответил, что в случае убийства еврея, христианина либо раба документ такой не выдается и посоветовал евреям простить убийц и не упоминать более об этом деле. Мусульмане, арестованные властями, уже, как сообщили нам, выпущены на свободу. Вы можете себе представить, какой опасности подвергаются теперь наши несчастные собратья в Марокко, жертвы мусульманской ненависти. Угрозы сыплются на них ежеминутно, и даже улицы полны воплей: "Несите парафин, зажигайте костер, сюда идет еврей!"

Мы ничуть не удивимся, услышав однажды, что мусульмане ворвались в гетто в Фесе, в Мекнесе либо в другом городе внутреннего Марокко и что они убивают там мужчин, женщин и детей.

Письмо от 3 февраля 1880 года от д-ра Мигереса, вице-президента регионального комитета *Alliance Israelite Universelle* в Танжере, к секретарю *AIU* в Париже. Архивы *AIU* (Марокко IV, С. 11). См. также **184**, №1 (1976): 42,43

75. *Зимми* — паразит

В Фесе насчитывается более десяти тысяч евреев, которые все обязаны жить в меллахе, т.е. в еврейском гетто города Фес. Они особенно ненавистны маврам, питающим к ним даже большее презрение, нежели к христианам; интерес, выказываемый к ним иностранными обществами, способствует развитию в них дерзости и независимости, тем самым еще больше увеличивая отвращение к ним мусульман. Несколько дней назад депутация израэлитов с почтенным и уважаемым раввином во главе явилась к его превосходительству, дабы благодарить за прежние милости (он состоит в комитете для их защиты) и просить новых. Между прочими была просьба ходатайствовать перед султаном о разрешении для них носить обувь в городе. "Мы стары, господин посол, — говорили они, — и наши члены слабы; и женщины наши нежного воспитания, и закон этот непомерно тяготит нас". Хотя я вполне могу посочувствовать бедным евреям в их нежелании ходить босиком по здешним улицам, однако я был рад, когда их отговорили от этой просьбы, удовлетворение которой возбудило бы ярость населения и могло бы привести к последствиям, о которых страшно даже подумать. Этот довод уже упоминался Его Величеством, когда его просили об отмене унизительных ограничений для евреев, а также и другой, весьма основательный, а именно что предков их, бежавших в свое время в Марокко, впустили туда с условием, что они подчинятся этим ограничениям. А потому, если контракт будет нарушен одной стороной, то с таким же правом его может нарушить и вторая. Не знаю, чего еще просили евреи у посла, так как разговор шел по-арабски, но по их возбужденной жестикуляции, по тому, как

они наперебой тянулись вперед, стараясь быть как можно ближе и не уронить ни слова из ответов посла, легко было заключить, что они возлагают величайшие надежды на силу ходатайства его превосходительства перед султаном. Сей избранный народ сейчас у всех на устах, вопрос покровительства им иностранными державами обсуждается в эти дни на Мадридской конференции. Разумеется, известные перемены в их нынешнем положении весьма желательны, однако нет никакого сомнения, что рассказы их о тяготах и несправедливостях, которым они подвергаются, значительно преувеличены. История еврея, убитого и сожженного здесь несколько месяцев тому назад [см. док. 74], хотя и являющая собой несомненный акт возмутительного варварства, была сильно искажена и взята на вооружение обществами защиты евреев; эти общества сделали бы доброе дело, постаравшись внушить своим протеже принципы воздержанности по отношению к женщинам, ибо причиной, воспламенившей толпу в этом случае, послужила попытка пьяного еврея обесчестить мавританскую женщину. Слово *меллах* означает "соль", и квартал их называется так потому, что старинный обычай требовал отдавать евреям головы казненных злодеев; евреи засаливали эти головы, которые вывешивались затем на городских воротах для острастки прочим (сс. 176—178).

Положение евреев Марокко во многом лучше положения магометан, особенно когда дело касается актов насилия против них, ибо если один мавр убивает другого, никто об этом и не вспоминает, но если жертвой оказывается еврей, у него сразу является дюжина защитников. Кроме того, они освобождены от воинской повинности, что в этой стране немалое преимущество; и хотя их свидетельство не

принимается здешними судами, то же самое верно и в отношении христиан (с. 179).

Евреи, которыми кишит этот город [Арзила], разряжены в лучшие свои субботние одежды и, наслаждаясь двойной привилегией носить обувь и ездить верхом на мулах, являют собой необычайный контраст по сравнению со своими босоногими чернокафтанными единоверцами из Феса и Мекнеса. Несколько мавров, примкнувших к нашему эскорту, весьма изумляются этим их вольностям, и молодой Хассан уже избил до крови двух подростков-евреев, имевших дерзость приблизиться к нашему лагерю в цветных одеждах и в сандалиях (с. 278).

П.Д.Троттер (1880)

76. *Зимми* — козел отпущения

Здешнее гетто [в Вазане] не слишком обширно, хотя евреев здесь преследуют меньше, чем в большинстве городов [Марокко]. Они, разумеется, обязаны запираться в своем квартале после захода солнца, носить особое платье и ходить босиком, но в прочих отношениях жизнь их сравнительно недурна, и внешний их вид показался нам менее жалким и унылым, чем в других местах (с. 57).

Им строжайше предписано возвращаться в свой квартал после захода солнца, когда ворота гетто накрепко запираются; выходить наружу они могут только босиком, а некоторые улицы для них вообще закрыты; они обязаны носить черную шапку и особое платье; и им запрещено иметь синагоги и места общественного богослужения; обращаясь к мусульманину, они должны называть его *"сиди"*,

т.е. "мой господин", и выказывать ему другие знаки почтения; наконец, им нельзя ездить верхом на лошадях либо мулах. Помимо этого, тысячи иных мелких унижений превращают их жизнь в невыносимое бремя, а порой они подвергаются и более серьезному риску. Несколько лет назад [1880] жители Феса схватили одного особенно ненавистного им израэлита и сожгли его живьем. Событие это вызвало огромную сенсацию и способствовало до некоторой степени улучшению их положения благодаря международному вмешательству. Мои читатели, без сомнения, помнят испанского короля Альфонса из легенд Инголдсби, который, чувствуя себя не в состоянии произвести наследника, воскликнул: "Скорее, скорее! Сожгите еврея, а коль не поможет, сожгите двоих!" Вот и в Марокко, чуть что не так, козлами отпущения оказываются евреи. Некоторые из них, однако, умудряются ограждать себя от дурного обращения мавров. У нас были рекомендательные письма к одному из таких евреев, богатому купцу, который показался нам одним из лучших образчиков своей расы. Он пользовался американским покровительством, которое могло бы избавить его от многих ограничений, налагаемых на его собратьев, но, к чести своей, он решил отказаться от этих привилегий, дабы не раздражать чернь против беднейших своих единоверцев, и, как и прочие, ходил по грязным немощеным улицам босиком. Америка, кстати, позволяет укрываться под эгидой своих звезд и полос на удивление обширному числу евреев в Марокко. Причиной этой похвальной заботы об их благополучии является, без сомнения, бескорыстное сочувствие республиканцев к угнетенной нации.

Я уже говорил об ограничениях, которым подвергаются евреи в Марокко, а также о преследованиях

со стороны мавров, не упоминая, впрочем, о причинах этих явлений. В начале моего пребывания в Марокко я преисполнен был величайшей жалости к несчастным израэлитам, которая, однако, начала испаряться по мере того, как я знакомился ближе с их характером и поведением. Я прибыл в страну истинным сторонником и поклонником евреев, а покинул ее — я чуть было не сказал, убежденным антисемитом.

Апологеты евреев всегда старались представить их жертвами религиозного преследования. Это вполне естественно, ибо ничто не трогает так людские души, как печать жертвенности. Утверждение это, однако, совершенно несостоятельно и было полностью опровергнуто, среди прочих, профессором Голдуином Смитом на страницах *Nineteenth Century* (ноябрь 1882). Он убедительно показывает, что акты насилия порождены не фанатизмом, но "экономическими и социальными" причинами, "неблагоприятными взаимоотношениями между бродячей паразитической расой, цепляющейся за свою племенную исключительность, и расами, среди которых она обитает и плодами чьих трудов живет" (с. 137).

Х.Е. Статфилд (1886)

77. Влияние международного общественного мнения

За последнее десятилетие, благодаря, в основном, бдительности ряда европейских министров в Танжере и агентов Англо-Еврейской ассоциации во всей империи, евреи в Марокко гораздо реже подвергаются жестоким преследованиям. Зверские

акты насилия, из которых некоторые описаны мною на предыдущих страницах, доставили маврам множество неприятностей, и в официальных кругах все чаще приходят к выводу, что травля евреев не стоит хлопот и расходов, почти неизменно ее сопровождающих. Разумеется, следует заметить, что это улучшение положения евреев произошло отнюдь не вследствие стихийной вспышки человечности и братской любви со стороны мавров. Произошло оно только и исключительно благодаря дипломатическому давлению извне, которому мавры всегда поддаются с трудом и с величайшей неохотой (с. 323,324).

Царящее в стране беззаконие, преследования со стороны султана и тот факт, что Марокко можно назвать цивилизованным государством только из любезности, привели к системе покровительства, абсолютно необходимой в столь скверно управляемой стране. Эта система предотвратила немало жестокостей, оградила тысячи невинных людей от преследований и позволила поддерживать деловые связи с Марокко на протяжении последних ста лет. Разумеется, системой этой немало злоупотребляют. Я сам знаю тому несколько вопиющих примеров, и все же, обсудив предмет со всех сторон, рассмотрев все доводы за и против, я лично не желал бы устранения этой системы (сс. 334,335).

С. Бонсал (1891)

78. Султан Марокко покровительствует евреям

Указ, запрещающий преследование евреев Дамната (1884)

Да будет известно всем, что сим указом мы отменяем все притеснения, коим евреи Дамната подвергались от тамошнего губернатора, и запрещаем:

1. Вынуждать их работать в дни, когда их религия предписывает им отдых;
2. Заставлять их чистить отхожие места;
3. Принуждать их к ношению тяжестей;
4. Заставлять их работать бесплатно;
5. Заставлять их жен работать без согласия мужей;
6. Заставлять их продавать свои товары за полцены;
7. Вынуждать их покупать продукты, такие, как масло, когда цены на них низкие, а плату требовать, когда цены повышаются;
8. Использовать их вьючных животных против их воли и без вознаграждения;
9. Расплачиваться с ними фальшивыми деньгами вместо настоящих;
10. Требовать, чтобы они принимали по тринадцати дукатов за дирхем;
11. А выплачивали чтобы по пятнадцати;
12. Отбирать у них выдубленные кожи без оплаты;
13. Выменивать у них дубленые кожи на свежие;
14. Вымогать у них шерсть от их овец помимо их воли;
15. Заставлять их отдавать свои постели и мебель в распоряжение губернатора;
16. Навязывать евреям Тесмита чужих чиновников;

17. Нарушать их признанные права, налагая на них произвольные подати и налоги.

Настоящим повелеваем их губернатору, слуге нашему Хаджу ал-Джилани ал-Данати пресекать вышеупомянутые злоупотребления, оказывать евреям уважение, положить конец неправосудию и во всем обращаться с ними так же, как обращаются с евреями в других городах.

Мы повелеваем также евреям не выходить за предписанные им пределы и строго соблюдать свои обязанности.

Мир вам. Писано 25-го дня месяца ка'ада 1301 года (1884) (1:342,343).

Н.Левен

Письмо к каиду Маракеша (1892)

Как стало известно Нашему Величеству, ты дурно обращаешься с евреями, подлежащими твоему правлению, оскорбляешь их, избиваешь и заковываешь в цепи, не щадя ни детей, ни стариков.

Известия эти, всеми признаваемые за достоверные, весьма нас удивили; ты ведь отлично знаешь, какая кара ожидает в День Суда тех, кто неправедно обращается со слугами Господними. Сказал Пророк: "Творящий неправосудие над евреем будет врагом моим в Судный День".

А потому исправь свое упущение; будь евреям добрым правителем. Обращайся с ними так же, как обращаешься с подвластными тебе мусульманами; суди справедливо их гражданские дела, а религиозные оставь всецело на рассмотрение их раввинов.

Что же до евреев, покровительствуемых иностранными державами, веди себя с ними в соответ-

ствии с условиями существующих договоров и соглашений. Если же, однако, кто-либо из них не желает подчиняться справедливым установлениям, составь о том записку и отошли ее Нашему Величеству, дабы мы могли выяснить дело с иностранным правительством, покровительствующим ему.

Султан Мюлей Хассан (1873—1895) к каиду Увиде города Маракеша, на арабском языке (7-го джумада 1310 года — 27 дек. 1892), с французским переводом, в архивах *AIU* (Марокко IV, С. 11). Англ. перевод цит. по **181**, Wiener Library Bulletin: 74,75.

79. Уплата *джизьи* в Маракеше (1894)

Я хотел бы обратить ваше внимание на надругательство, которому подверг меня сегодня солдат, служащий под началом нашего городского кади, Моулея Мустафы.

Каид Увида и кади Мюлей Мустафа разбили сегодня свой шатер у ворот меллаха и стали созывать евреев, чтобы те платили подушную подать (*джизью*), причитающуюся от них султану.

Вызвали также и меня. Я спросил, обязаны ли платить эту подать те, кто находится под иностранным покровительством. Узнав, что многие из них уже уплатили, я пожелал поступить так же. Передав требуемую сумму двоим сановникам, я получил от охранника кади два удара по затылку. Обращаясь к каиду и к кади, я сказал: "Знайте, что я нахожусь под итальянским покровительством". На что кади сказал своему стражнику: "Сними у него с головы платок и ударь его как следует, пусть идет и жалуется, кому хочет".

Стражник поспешно повиновался и ударил меня

опять, с большой силой. Такое публичное надругательство над лицами, состоящими под европейским покровительством, показывает всем арабам, что их можно притеснять безнаказанно.

Письмо маракешского еврея, состоявшего под итальянским покровительством (датировано 25 февраля 1894 года). *BAIU* (ежемесячник) янв.-февр. 1894. См. также **182** (1976): 45.

80. Придворный *зимми* в Марокко (1906)

Рядом с замком каида расположен меллах Иманина (в Атласских горах). Здесь живет Хассан Моше эль Драи, интендант каида и шейх евреев. Он единственный из всех евреев владеет прекрасным домом с садом, ибо сад для евреев — запретная роскошь. Рав Моше представляет собой тот тип придворного еврея, каких Сэмюэл Романелли встречал в Марокко в восемнадцатом веке (см. его книгу *Масса ба'арав*). Начитанный талмудист, он обладает острым и изощренным умом. Он потакает каждому капризу каида и сумел сделаться необходимым для придворных. Он завоевал благосклонность черных евнухов, столь влиятельных при мусульманских дворах, и имеет доступ даже в гарем. Благодаря положению, которое он создал себе при дворе, он ухитрился захватить монополию на всю экспортную торговлю, доходами от которой делится с берберскими вождями, и часто приходит в столкновение с другими еврейскими купцами, которые боятся и ненавидят его. Между ним и его соперниками идет бесконечная междоусобица, и те только и поджидают, когда он утратит благо-

склонность двора, чтобы отомстить ему и занять его место. Рав Моше убедил меня пустить в ход мой ящичек с лекарствами, и я с немалым успехом разыгрывал роль придворного лекаря. Каид и многие из знати прибегали к моим скромным медицинским познаниям.

Однако, при всей своей влиятельности, рав Моше не огражден от зависти знатных берберов. Я спросил его: "Почему ваши дети так бедно одеты, тогда как вы сами носите такое прекрасное платье?" "Я не хочу давать моим соседям-берберам никаких поводов для зависти", — ответил он. "Они считают, что еврейские дети не должны хорошо одеваться" (сс. 464,465).

См. 271

81. Евреи, берберы и арабы (Ливия, 1906)

Отношения между евреем и бербером лучше, чем между евреем и арабом. Вплоть до середины прошлого века евреи находились, по сути дела, в крепостной зависимости от берберских вождей. Турки отменили эту унизительную систему, но не успели еще искоренить притеснения нравственного порядка, которым мусульмане подвергают своих соседей-евреев. Вот один пример из сотни подобных: здешний раввин [Джебел Нефусси] приехал в Налут, где на него напали местные жители и вынудили его спешиться с мула, поскольку еврею не дозволено ездить верхом в присутствии мусульманина. А если бы он осмелился жаловаться, он рисковал бы жизнью своей семьи.

Мусульмане оскверняют многие святые места евреев и древнейшие их кладбища; что касается зем-

леделия, арабы без зазрения совести присваивают плоды трудов своих соседей-евреев. Невзирая на добрую волю властей [турок], подобные дела нередко ускользают от их внимания.

Например, знают ли в Триполи, что еврейские обитатели селения ал-Каср неподалеку от столицы, владеющие примерно пятьюдесятью акрами пахотной земли и несколькими сотнями масличных деревьев, вынуждены были в прошлом году заплатить 1600 франков в счет своей десятины; что многие евреи, терпящие обиды и ущерб со стороны местных жителей, не смеют обращаться с жалобами к властям? (сс. 107,108).

См. 270

82. Экспроприация в Триполитании (Ливия, 1908)

Иехуд Бени-Аббес расположен на самом краю пустыни, простирающейся между оазисом и Триполи; деревня насчитывает двести сорок жителей. Некогда в этих краях обитало множество евреев, которые владели здесь большей частью земли и успешно защищали ее от всех посягательств. Нам показали плодородное ущелье, переходящее в отлично политую долину на подступах к Триполи. На склонах этого ущелья мы нашли пещеры и следы шахт, принадлежавших древней цивилизации.

Нас провели вдоль аккуратно размежеванных полей и рассказали, что вся эта великолепная земля принадлежала некогда евреям. Но около 1840 года на еврейское население напало моровое поветрие; в живых осталось лишь четыре семьи в Бени-Аббесе, а многие окрестные деревни вымерли начисто.

Арабы Улад Бени-Аббеса воспользовались бед-

ственным положением евреев и отняли у них их земли. Законные владельцы пытались бороться с захватчиками, но безуспешно; кроме того, арабы, со свойственной *феллахам* холопской низостью, захватили кладбище, место последнего успокоения множества поколений евреев, и распахали его. Большей подлости, которая острее бы ранила души "неверных", трудно себе вообразить; и вот теперь они, со слезами на глазах, вели нас по полю, в земле которого разбросаны были поруганные останки их предков и их раввинов.

Арабы, впрочем, не решились полностью лишить евреев сосбственности; вместо этого они ухитрились вынудить их к коллективному владению всей деревней. Таким образом, евреи, не имея ясно обозначенных собственных участков, обязаны, однако, обрабатывать поля и ухаживать за плодовыми деревьями, принадлежащими на деле мусульманам, да еще вдали от своих домов. И так получается, что еврей-земледелец смотрит, не смея протестовать, на то, как его сосед-араб забирает себе первые и лучшие плоды выращенного им урожая.

Но и этого мало притеснителям. В деревне имеется синагога, глубоко почитаемая евреями святыня. Она расположена во впадине, окруженной открытым двориком, и крыша ее окрашена в цвет земли, дабы не бросалась в глаза. Это — единственное место, где евреи дают выход своим чувствам, единственное место, где, собираясь вместе, они возносят к Богу свои молитвы и изливают душу в скорбных стенаниях.

Фанатические мусульмане, возревновав к этой святыне, намеревались после осквернения кладбища разрушить и синагогу на том основании, что, по магометанскому закону, близость ее к мечети оскверняет последнюю.

На счастье, в Триполи нашлись судьи, а у евреев — деньги. По счастливой случайности, у евреев имеется документ, доказывающий, что синагога стояла на своем месте еще за пятьсот лет до основания мечети, то есть семь или восемь веков назад.

Ссылаясь на право первенства, власти сумели решить дело в пользу синагоги, к безмерной радости евреев. В *генизе* этого святилища я нашел, между прочим, табличку, датированную 5359 годом, которой, следовательно, 348 лет. Нет сомнения, что евреи эти, заброшенные судьбой в пески Сахары, заслуживают лучшей участи (сс. 127—129).

См. 271

ПЕРСИЯ

83. Принудительное обращение в ислам греческих христиан и евреев (1843—1845)

В Трапезунде, помимо турок, обитают армянские и греческие, а также известное число европейских христиан. Вокруг же Трапезунда расположено множество деревень, заселенных греками, которые по видимости придерживаются магометанской религии, но втайне исповедуют христианство. Так они живут с тех пор, как ислам воцарился в Константинополе. У них есть свои пастыри, тайно посвящаемые в сан патриархом Константинополя и епископом греческой церкви в Трапезунде.

В Мерве всем евреям, которых вынудили к обращению в магометанство в иных частях Персии, позволено вернуться к древним своим обрядам и верованиям. Но вот что замечательно: в Мерве имеются евреи, которые приняли мусульманскую веру

и превратились в туркмен; а в Хиве, рассказывали мне, есть и такие, что оставаясь евреями, переженились с узбечками. И не поразительно ли, что самое надежное покровительство евреи находят у диких жителей пустыни? Итак, евреи, притесняемые в Бухаре и Персии, спасаются бегством в пустыню, в Мерв, Сарах, Ахаул и в Хазарах в Афганистане. Это происходит даже и в Марокко, где они нередко бегут от султанской тирании к пустынным жителям Тафилла-Лета. А в Месопотамии они убегают из Багдада и Мосула в Йесид, что в диких горах Санджара (сс. 120,121).

См. 305

84. Принудительное обращение в ислам и положение евреев (1850)

Всего лишь два десятка лет назад в этом некогда прекрасном и цветущем городе жило до 3 000 евреев. Притесняя, преследуя и всячески унижая их, мусульмане вынудили более чем 2 500 перейти в мусульманскую секту Али [шиитов]. По видимости отступники, большинство этих семей хранит в душах веру отцов и даже ухитряется тайно обрезать своих младенцев. Девять синагог города свидетельствуют о былом величии еврейской общины; теперь они, увы, почти все заброшены. Евреи Шираза говорят на иврите почти как *ашкеназим* [немецкие евреи].

По прибытии в город я застал в нем волнения и беспорядки по случаю перемены правительства в Тегеране. На улице шли яростные схватки, которые начали стихать лишь к вечеру. Вице-консул принял меня на ночлег у себя в доме и дал мне проводника

САМАРКАНДСКАЯ ЕВРЕЙКА, УЗБЕКИСТАН
(ок. 1900)

к *наси* [главе еврейской общины], он же Мулла Исраэль. Этот *наси*, чрезвычайно почтенный старец, принял меня с величайшей теплотой и, по восточному обычаю, предложил мне свое гостеприимство. Я остановился у его сына Исаака.

Весть о моем присутствии быстро разнеслась меж братьями по вере, и меня вскоре посетили виднейшие из них. С утра до вечера меня разрывали на части, прося моего совета и помощи во множестве дел, и слушали меня, словно оракула. В один прекрасный день комната моя наполнилась женщинами в белых покрывалах, которые одна за другой стали подходить ко мне. Поскольку еврейским женщинам дозволяется носить лишь черные покрывала, дабы отличить их от прочих, я обеспокоился этим визитом, воображая, что на дом напали бунтовщики. Но меня успокоили, сказав, что все эти женщины принадлежат к семьям, по принуждению принявшим ислам, но тайно придерживающимся веры отцов. Мои посетительницы приподняли свои покрывала и стали целовать меня в лоб и в руку. Я обратился к женщинам с несколькими словами об их вероотступничестве, в ответ на что они стали горько рыдать. Один из бывших здесь мужчин вышел вперед и сказал: "Мы знаем, в каких ужасных обстоятельствах мы были вынуждены изменить своей вере; мы сделали это, дабы избежать угнетения и смерти. И все же, несмотря на наше видимое отступничество, мы по-прежнему всей душой преданы вере наших отцов, чему свидетельством наше присутствие здесь сегодня. Если это станет известно, все мы наверняка погибли!" Слова эти сильно поразили меня; я старался их утешить... (сс. 184—186).

Положение персидских евреев

Среди персидских евреев некоторые весьма богаты, и это богатство служит источником стольких опасностей, что они вынуждены скрывать его, как преступление. Гонения, которым они подвергаются, состоят в следующем:

1. По всей Персии евреи обязаны жить в особом квартале, отделенном от прочих обитателей, ибо они почитаются за нечистые создания, распространяющие скверну одним своим присутствием.

2. Они не имеют права торговать текстильными товарами.

3. Даже в собственном своем квартале им запрещено держать лавки. Они могут продавать лишь специи и лекарства да заниматься ювелирным ремеслом, в котором они достигли большого совершенства.

4. Почитая их за нечистых, мусульмане обращаются с ними весьма жестоко, и если еврею случается показаться на мусульманской улице, мальчишки и чернь забрасывают их камнями и грязью.

5. Под этим же предлогом им запрещено выходить на улицу во время дождя, ибо, говорят мусульмане, дождь может смыть с них грязь, которая осквернит стопу мусульманина.

6. Если на улице в прохожем узнают еврея, его осыпают величайшими оскорблениями. Ему плюют в лицо и порой избивают столь немилосердно, что он не в силах сам добраться до дому.

7. Если персиянин убьет еврея, и семья убитого представит тому двух свидетелей-мусульман, убийцу накажут штрафом в 12 туманов (600 пиастров); если же двух таких свидетелей не найдется, преступление останется ненаказанным, хотя бы и совершилось принародно и было всем известно.

ЕВРЕЙСКИЙ ЖЕНИХ, ПЕРСИЯ
Бен Шломо, играющий на таре
Масло, полотно (ок. 1840)

8. Мясо животных, забитых по еврейскому обычаю, но объявленных трефными [запрещенными законом Моисея], нельзя продавать мусульманам. Резники вынуждены закапывать это мясо, ибо даже христиане не решаются покупать его, опасаясь насмешек и издевательств персиян.

9. Если еврей заходит в лавку, желая что-нибудь купить, ему запрещается рассматривать товары. Он должен остановиться на почтительном расстоянии и спросить цену. Если же рука его неосмотрительно коснется какого-либо товара, он обязан купить его за любую цену, названную продавцом.

10. Порой персияне вторгаются в жилища евреев и присваивают себе все, что им приглянется. При малейшем движении владельца в защиту своей собственности он рискует поплатиться жизнью.

11. При малейшей размолвке между евреем и персом первого немедленно тащат к судье и, если истец приводит с собой двоих свидетелей, еврея приговаривают к непосильному штрафу. Если же осужденный слишком беден и не может платить, его раздевают до пояса, привязывают к столбу и дают до сорока палочных ударов. Стоит ему хоть раз вскрикнуть от боли, прежние удары не засчитываются и наказание начинается сначала.

12. Точно так же и еврейских детей, если им случается поссориться с мусульманскими, тут же отводят к судье и наказывают палками.

13. Путешествуя по Персии, еврей платит пошлину на каждом постоялом дворе. Стоит ему даже слегка замешкаться с уплатой поборов, на него набрасываются и избивают.

14. Еврей, осмелившийся появиться на улице во время *катела* [трехдневный траур по персидскому основателю религии Али], наверняка будет убит.

15. Ежедневно и ежечасно изобретаются все но-

вые обвинения против евреев, дабы получить предлог к новым вымогательствам; корыстные цели всегда есть главный стимул фанатизма.

Вышесказанное дает ясное понятие о жалком положении евреев в стране, где не так уж давно одна из их женщин [Эстер] была женою царя, а один из их единоверцев [Мордехай] — первым министром (сс. 211—213).

И.И.Беньямин*

* Исраэль Иосеф Беньямин (1814—64), известный как "Беньямин 2-й" — родился в Румынии и умер в нищете в Лондоне, во время приготовлений ко второй поездке на Восток. Он опубликовал также (1862) описание своего трехлетнего путешествия по Соединенным Штатам.

85. Притеснения в Персии

В 1890 году в Хамадане шах Наср-эд-Дин (1848—1896) возобновил свой указ от 1880 года, налагающий на евреев следующие запреты и ограничения под страхом смерти или насильственного обращения в ислам:

1. Евреям запрещается выходить из своих жилищ во время дождя либо снегопада [дабы еврейская скверна не переносилась на мусульман-шиитов].

2. Еврейские женщины обязаны показываться на людях с открытым лицом [как проститутки].

3. Они должны носить двухцветный *изар* [просторное покрывало, которое восточные женщины надевают, выходя из дому].

4. Мужчины не смеют носить дорогого платья, а

лишь такое, которое сшито из синей хлопчатобумажной ткани.

5. Они должны обуваться в туфли разного цвета.

6. Каждый еврей обязан носить на груди нашивку из красной ткани.

7. Еврей не смеет обгонять мусульманина на улице.

8. И не может громко говорить с мусульманином.

9. Прося мусульманина вернуть ему долг, еврей-кредитор обязан обращаться к нему дрожащим и почтительным голосом.

10. Если мусульманин оскорбил еврея, последний должен опустить голову и хранить молчание.

11. Еврей, покупающий мясо, обязан тщательно заворачивать его и укрывать от взоров мусульман.

12. Им запрещается строить красивые здания.

13. Дом еврея не может быть выше дома его соседа-мусульманина.

14. И его запрещается штукатурить.

15. Вход в дом еврея должен быть низким.

16. Еврею не положено надевать плащ; достаточно, если он будет носить его в руках в скатанном виде.

17. Ему нельзя стричь бороду и даже слегка подравнивать ее ножницами.

18. Евреям запрещено покидать свой квартал либо выезжать на свежий воздух в сельскую местность.

19. Еврейским врачам запрещается ездить верхом [обычно это запрещалось всем немусульманам, кроме врачей].

20. Еврей, подозреваемый в употреблении хмельных напитков, не смеет выходить на улицу, а если выйдет, немедленно карать его смертью.

21. Свадьбы евреев должны совершаться в величайшей тайне.

22. Евреям не дозволено потреблять в пищу свежие, неиспорченные фрукты (1:377).

Н. Левен. Англ. перевод, цит. по 183, *WLB* 32 (1979): 7,8.

86. Официальные указы в защиту евреев (1875 и 1897)

В 1875 году в Хамадане еврей, обвиненный в святотатстве, был убит толпой, а тело его сожжено. Событие это положило начало антиеврейскому бунту, сопровождавшемуся грабежами. Великий визирь отправил губернатору следующее послание:

Великому князю Изз ад-Даула:

Получили телеграмму, извещающую о мятеже в Хамадане: что одного еврея сожгли, обмазав предварительно дегтем, многих других избили и разграбили их дома, а некоторые евреи осаждены в своих жилищах и не могут выйти наружу. Его Величество в высшей степени обеспокоен этим известием. Странно, что власти не приняли необходимых мер для пресечения мятежа за те три часа, что произошли от его начала и до убийства еврея. Даже если вы лично отсутствовали, другие правительственные чиновники находились в городе. Как они могли допустить, чтобы в их присутствии совершился столь бесчеловечный акт? По получении настоящего послания постарайтесь арестовать виновных. Из Тегерана выезжает специальная комиссия. В ожидании ее следует подвергнуть заключению

всех, чья вина известна, а также и тех, кому эти беспорядки были на руку (1:263).

Н.Левен

В мае 1897 года евреям Тегерана велено было носить специальную нашивку в знак их неравноправия и остричь волосы. Шах опубликовал следующий декрет:

Его Величество шах Ирана, коему все мы обязаны преданностью и чьим законам подчиняются губернаторы всех провинций, настоящим объявляет свою высочайшую волю:

Для того, чтобы различные народы, пребывающие под скипетром Е.В., жили в мире между собой, мусульмане должны прекратить свои гонения на евреев и не принуждать их к ношению отличительного знака. Те, кто по-прежнему будут притеснять наших немусульманских подданных либо попытаются ввести дискриминацию между ними и прочими [т.е. мусульманами], подлежат суровому наказанию.

Все губернаторы обязаны обнародовать этот приказ, исходящий от высшей власти, дабы люди знали пределы, налагаемые на них законом. Всякий да исполнит с радостью державную волю шаха.

Шах Музаффар ад-Дин (1896—1907), в Архивах *AIU* (Ирак, J.Á.2.), 9 июня 1897, и *BAIU* (1 сент. 1897): 78-79, англ. пер. Цит. по **183**, *WLB* 32 (1979): 11.

87. Потомки насильственно обращенных в ислам (1929)

Мы добрались до еврейского квартала, расположенного неподалеку от мечети Матша Джума, но ниже ее уровня. Небольшие, низенькие домики избегают таким образом внимания мусульман. Чтобы войти в синагогу, широкие арочные своды которой покоятся на толстых колоннах, нам пришлось спуститься по ступеням. Женщины, находившиеся здесь вместе с мужчинами, громко болтали между собой. Всех призвали к молчанию, и я обратился к ним на иврите через раввина, который переводил. Один из членов общины произнес ответное слово, прося, чтобы Alliance Israelite Universelle как можно скорее устроил здесь школу для девочек... Они были глубоко взволнованы; мы и они принадлежали к разным культурам, но нас объединяла общая приверженность к знанию и к памяти о прошлом.

В Йезде существовала своего рода интеллектуальная жизнь: их муллы [раввины] пользовались авторитетом по всей Персии; имя муллы Ага Бабы до сих пор произносится с благоговением, а к теперешнему мулле, Гиллелю, обращаются за советами по судебным делам. Поэтому Йезд получает помощь отовсюду, а в особенности от тайноиудействующих из Мешеда.

Эти последние напоминают мне марранов. Хотя они и перешли в ислам, но, говорят, они лучшие евреи Персии. В прошлом за ними следили и принуждали их практиковать ислам. Сегодня им достаточно просто говорить, что они мусульмане. Они открывают свои лавки по субботам, но посылают сидеть в них детей и не совершают никаких сделок. Они не ходят больше в мечеть и держат собственные тайные синагоги. Они женятся только между собой,

обрезают младенцев, празднуют Пасху и обучают детей ивриту. Когда они ездят в иные края, то среди евреев держатся как евреи.

По-видимому, фанатизм в Йезде был не так жесток, как в других местах: здесь нашли себе прибежище остатки огнепоклонников. Все знали, кто они такие, и однако терпели их присутствие; евреи тоже воспользовались этой терпимостью. Кроме того, в этом бедном городишке трудолюбивый еврей, отличный мастеровой, работал на мусульманских хозяев. До сих пор можно увидеть на улицах еврейских мужчин и женщин, разматывающих шелковую пряжу с веретен и натягивающих нитки на ткацкие станки; другие выделывают кушаки и ремни на столбах, вмазанных в стену (с. 25).

См. **261**

АРАВИЯ

88. Изгнание евреев из города Сан'а (Йемен, 1666)[1]

Даже считай мы, что такая договоренность была достигнута в прошлом, она была бы недействительна, ибо имам Йахья и многие законоведы провозгласили, что они [евреи] могут быть договаривающейся стороной только в том случае, если, обладая Святой Книгой, они не извратили и не исказили ее. Поскольку же соглашение заключено было после того, как они изменили и извратили [Святую Книгу], оно недействительно, ибо они не суть народ Священной и Вечной Книги, ведь Коран дает свидетельство изменению и извращению ими своего

[1] См. док. 99.

Писания. Далее, нам стало известно недавно, что они вообразили, будто время их порабощения пришло к концу[2], и они стараются покинуть Йемен ради иных краев, где хотят забрать власть над мусульманами, разрушить их мечети, царить над магометанским народом и обращать в рабство детей их, тем самым оказывая неверие в слова Аллаха, провозгласившего: "Ибо нет им царствия вплоть до дня Воскресения". А потому объявил имам ал-Мутаваккил [Исмаил ибн Касим], что не будет им более покровительства, и запретил им называться *зимми*, и начертал благородной своей рукой, что присутствие их в Йемене противозаконно... и это приложимо даже и к тем, кто остался бы верным условиям *зимма*. Ныне, однако, мы видим, что они [евреи] пренебрегают *зимма* и поносят ислам и его великих мужей. Они принародно рассуждают о своей собственной религии и о ее превосходстве и позволяют себе такое, чего не посмел бы даже мусульманин... Все это проистекает от злобы, питаемой ими к нам за то, что их главный раввин[3] казнен был ал-Мутаваккилом в Сан'е. Говорят, что их главари поклялись отобрать у мусульман деньги, конфискованные у них имамом... Надобно знать этих людей и их ненависть к нашему возлюбленному Пророку... ибо они проклинают его и насмехаются над ним, и не будь того, что Пророк вначале позволил им остаться здесь, верные не стерпели бы их присутствия на лице земли, тем более, что Коран учит: "Ты, конечно,

[2] Автор имеет в виду стремление евреев эмигрировать в Эрец-Исраэль, вызванное слухами о скором пришествии Мессии (1666).

[3] Главный раввин Сан'ы был казнен через отсечение головы по приказу имама ал-Мутаваккила Исмаила ибн Касима в 1666 году, после восстания евреев, связанного с мессианистическими верованиями.

увидишь, что сильнее всех людей ненавидят верных евреи..." (Коран 5:85). Если он [имам] разрешает им остаться, мы должны всячески унижать и умалять их, как предписывает указ Омара ибн Хаттаба, коему принадлежит последнее слово в этом деле. Но когда евреи пренебрегают этими условиями и устраивают свои похоронные процессии средь бела дня и украшают и отделывают свои синагоги, делая их похожими на свадебные балдахины, превосходящие пышностью наши мечети, меж тем как соглашение между нашими и их предками запрещало им наружную роскошь, — тогда их следует унизить, разрушив их синагоги. Разве наша религия не предписывает разрушить мечеть, пришедшую в упадок? Насколько же это справедливее, когда речь идет о синагоге, где осыпают проклятьями Царя всего живущего! Поистине, разрушение синагог есть священное правило, и пусть воспоминание о них останется лишь в их исторических книгах (с. 146).

Ибн ар-Риджал (ум. 1681)

89. Терпимость в Маскате (1828)

В Маскате обитает некоторое количество евреев, прибывших сюда по большей части в 1828 году, когда они, как мы уже говорили, вынуждены были покинуть Багдад, спасаясь от жестокости и вымогательств Дауда-паши. Почти всему их народу пришлось бежать. Некоторые нашли прибежище в Персии, другие же, достигнув Индии, остались здесь. На сынов Израиля распространяется здесь та же терпимость, что и на все другие вероисповедания, и от них не требуют ношения отличительных знаков, как в Египте или в Сирии. Их не

вынуждают, как в Йемене, жить в особом и отдаленном квартале города; не придерживаются здесь и правила, столь строго соблюдаемого в Персии, по которому еврей обязан обходить встреченного им на улице мусульманина с левой стороны. Занятия их в Маскате разнообразны: многие добывают пропитание выделкой серебряных украшений, другие — меняльным делом, а несколько человек торгуют горячительными напитками (1:21,22).

Дж. Р.Уэллстед

90. Эдикт, обнародованный йеменским имамом Йахья (1905)

Именем Аллаха, всемилостивого и милосердного.

Настоящее предписание обязательно для всех евреев, которые должны повиноваться моим законам и неуклонно платить подушную подать.

Я намерен напомнить всем древние слова и их истинный смысл; я намерен напомнить всем обязанности, забытые турками, которые соблюдались во времена благочестивых имамов, прежде чем восторжествовали люди, не знающие закона.

Евреи могут жить спокойно и не опасаться за свое благополучие, если они регулярно платят *джизью.* Все лица мужского пола, достигшие тринадцати лет, облагаются этой податью... и через то жизнь их будет сохранена под нашей властью.

Никто не может уклониться от уплаты этой подати в конце года... ибо так говорит Коран, книга, данная Аллахом.

Купцы и торговцы должны также уплачивать пять процентов от своих доходов, если они достигают известной суммы; в противном случае эта

плата с них не взимается, так же, как и с занятых в других ремеслах.

Евреи не должны:

1. Повышать голос в присутствии мусульман,
2. Строить дома выше, чем мусульманские дома,
3. Касаться мусульман, проходя мимо них по улице,
4. Заниматься теми же ремеслами, какими занимаются мусульмане,
5. Утверждать, что в мусульманском законе бывают изъяны,
6. Оскорблять пророков,
7. Рассуждать о религии с мусульманами,
8. Ездить верхом,
9. Строить гримасы при виде обнаженного мусульманина,
10. Совершать религиозные отправления за пределами своих молитвенных домов,
11. Повышать голос во время молитвы,
12. Громко трубить в *шофар* [бараний рог],
13. Давать деньги в долг под проценты, что может привести к погибели весь мир,
14. Они должны всегда вставать в присутствии мусульман и оказывать им почет и уважение при любых обстоятельствах (с. 38—40).

См. 260

91. Аномалии в поведении евреев как следствие их угнетенного положения (Йемен, 1910)

Передо мной стоит статный, недурной собой парень с выразительными чертами и тонким носом, явно неглупый — Ахарон Хаим Узаири из Мал-

ЕВРЕИ ЙЕМЕНА (ок. 1910)
Музей Израиля (Иерусалим)

хана... Я говорю ему, что намерен зайти к нему в мастерскую в Малхане. Какой ужас отражается на его лице при этих словах! "Не делайте этого, рабби, — умоляет он, дрожа, — они убьют вас"; он падает передо мной на колени и начинает целовать мою руку, так что я вынужден пообещать, что не пойду в Малхан. "Но ты, — спрашиваю я, — как ты живешь там?" — "Мы — в галуте [изгнании], мы привыкли к страданию, мы не люди, мы животные". Это было сказано тоном такого отчаяния, что я был глубоко взволнован. В этом человеческом существе, встреченном мною впервые, столь отличном от меня одеждой, мыслями, манерами, я почувствовал брата, такого же еврея, как я сам. Он склонял голову перед неодолимой судьбой, но в нем ощущалось великое мужество, подавленная энергия, упорная надежда на грядущее освобождение; и я подумал, что человек этот должен быть любой ценой избавлен от своих страданий и унижения, а вместе с ним и остальные несчастные его собратся (с. 13).

Все рады представителю *Альянса*, все от души приветствуют меня, выражая надежду, что я сумею улучшить их положение и что для них начнется новая эра. Они неустанно повторяют: "Мы невежественны и ничего не знаем, мы нецивилизованны и хотим стать людьми. Мы столько писали, столько молились, столько рыдали, но голос наш не был услышан. И вот, наконец, Господь сжалился над нами". В сущности же, несмотря на их жалкую внешность, я не нахожу их столь уж нецивилизованными; в беседе они производят прекрасное впечатление. Они невежественны во многих вещах, что не есть их вина, но в них заметен ясный ум. Чего им нехватает, это порядка, метода и манер. Они лишены веры в себя; под гнетом арабского

владычества они трепещут и валяются во прахе. Они презираемы и кажутся достойными презрения. И все же дух в них не уничтожен... Они находят время для умственных занятий. Значительная часть дня и вечера посвящена молитве и благочестивому чтению, и глаза их сияют светом мудрости. Беседуя с ними, я не замечаю их нелепого обличия; чаще я поражаюсь живости их ума, сохранившейся несмотря на десять веков невежества и упадка (сс. 31,32).

Еврею не позволяется носить белые либо цветные одежды за пределами своего квартала... он обязан носить до смешного короткое платье, не прикрывающее ног, ходить босиком и носить на голове маленькую черную шапочку... В городе еврей не может ездить на осле и вынужден утром и вечером проходить пешком расстояние в две мили, отделяющее его квартал от базарной площади. Недавно главный арабский шейх сказал главному раввину: "Ходят слухи, что ты желал бы ездить верхом на осле или даже на лошади. Берегись!" Раввин не забыл предостережения, и если я приглашаю его поехать куда-либо в моей карете, он всегда отказывается, добавляя печально: "Вы хотите, чтобы меня побили камнями? Не будь со мною вас, я никогда не решился бы выйти на главную улицу в пятницу". Так что мы отправляемся пешком; рабби едва волочит ноги, и с каждым его шагом вверх вздымаются тучи пыли, выбеливая его тощие икры. В прошлом году один еврей из Тверии, приехавший собирать деньги на благотворительность, был избит до полусмерти за то, что шел по городу в длинном плаще. Арабские дети плевали на него и швыряли в него отбросами, и его спасло лишь появление муллы, знакомого с ним по Палестине. Арабские подростки ежедневно развлекаются тем,

что бросают камни в проходящих мимо евреев, а те лишь ускоряют шаги, делая вид, что ничего не замечают. Если им плюют в лицо, они отворачивают голову в сторону. Один высокопоставленный турецкий офицер описал мне сцену, которой неоднократно был свидетелем: подростки изловили старика-еврея и забавлялись, дергая его за пейсы, меж тем как жертва лишь охала да натужно улыбалась. Вынужденный постоянно выносить такие оскорбления, еврей утратил чувство собственного достоинства и примирился со своей участью; вместо того, чтобы сопротивляться, он ухмыляется. А что еще может он сделать? Мятеж приведет лишь к новым страданиям. День за днем наши единоверцы терпят всяческие унижения и насилие. Они даже не жалуются: для них нет правосудия, и не может быть. Все йеменские суды — религиозные, и показания евреев в них не принимаются. Мусульманин может сбить еврея с ног в присутствии полусотни свидетелей, и однако, если он отрицает это, он будет оправдан. Ни один мусульманин не согласится свидетельствовать против собрата в пользу неверного (сс. 72,73).

См. **260**

92. Йемен (1914)

В городах центральной части Йемена встречается много евреев, они живут в собственных кварталах и известны как отличные ремесленники. Турецкое правительство позаботилось о терпимом отношении к ним, ибо они признаны за важный экономический фактор в развитии страны. В Менахе все наилучшие кузнецы и столяры — евреи, и им дозво-

ляется даже держать сады и огороды — редкостная милость в Аравии. Тем не менее, благополучие их здесь весьма неустойчивое, и теперь, когда законы ислама строжайше проводятся в жизнь и влияние имама возрастает, положение их в Йемене может стать даже рискованным.

Им не разрешается иметь школы и синагоги, но в частных домах они могут собираться для молитвы беспрепятственно. Я был глубоко тронут, когда, проезжая мимо дома еврея-сапожника в местечке подле Менахи, увидел, как он обучает своих детей Писанию на иврите. Насколько я понял, это распространенный обычай; он указывает на похвальный уровень культуры и на значительную нравственную твердость, проявляемую в тяжелых обстоятельствах (сс. 30,31).

С.Уаймен Бёри

93. На Аравийском побережье (1947)

В Лодаре имеется два каменных дома, две мечети и еврейский квартал. Большинство жилищ построено из сухих веток, связанных в пучки. Евреи, в общей сложности тринадцать семейств, живут все вместе, тесно окруженные со всех сторон арабами. Дома у них такие же, как у арабов, разве что немного почище внутри. Мы заглянули в мастерскую ювелира, где два еврея трудились над украшением женского кушака. Со смиренным добродушием, свойственным этому угнетенному народу, они предложили нам войти. Они не возражали против того, чтобы мы поднялись по наружной лестнице и взглянули на их гостиную. Попросили мы об этом для того, чтобы избавиться хоть ненадолго от

стаи крикливых мальчишек. Верхняя комната действительно была гораздо чище и лучше обставлена, чем в арабских домах того же типа. Женщины, которых мы увидели там, не занимаются тяжелыми полевыми работами и уходом за скотиной, которые выпадают на долю их арабских сестер. Они были одеты и причесаны точно так же, как одеваются и причесываются арабки, и даже щеки их подведены были желтой краской. Мужчин и мальчиков сразу можно отличить от арабов по локонам, свисающим возле ушей, по черным шапочкам, которые они носят вместо тюрбанов либо головных платков, и по отсутствию кушаков у их длинных халатов. По словам арабов, они слишком слабосильны для того, чтобы работать в поле либо носить оружие. Но не вернее ли будет предположить, что им не позволяют владеть землей, а потому они и не могут заниматься земледелием, и что ношение оружия было запрещено им с древнейших времен? Они обладают отличными умственными способностями, которые непрерывно развиваются благодаря их замечательной верности религии и традициям их предков. Они изучают иврит и читают книги Ветхого Завета; осмеянные и притесняемые, они черпают духовные силы в мысли о том, что Господь сделал их Своим избранным народом, в непоколебимой надежде на грядущее национальное возрождение и на свое примирение с Богом Израиля. Благодаря этому они сумели вынести двадцать веков гонений, и никакие унижения не смогли сломить их дух.

Тринадцать семейств в Лодаре, тесно окруженные преобладающим мусульманским населением, сохранили верность иудаизму. Они не вступали в браки с арабами и не приняли их религии. Крошечная группка, отрезанная от своих единоверцев и от родной земли, сохранила свою чистоту.

Они терпели молча, ибо только так им позволялось жить, но выжили они только благодаря неуклонной приверженности к своим великим традициям и вере, пронесенной сквозь столетия. Мусульманские правители навязывали им различные внешние отличительные знаки, дабы выделить и отделить их от других, но в этом, в сущности, не было настоятельной нужды. Отрезанный от основной части своей нации почти на двадцать веков, одинокий и угнетенный еврей Южной Аравии носит в самом себе свои отличительные знаки. Они сияют в его душе, сберегшей великую традицию и облагороженной обетом, который Иегова дал Своему народу (сс. 40,41).

Д. ван дер Мюлен

III
РАЗЛИЧНЫЕ СТОРОНЫ ЖИЗНИ ЗИММИ С ИХ СОБСТВЕННЫХ СЛОВ

94. Насильственное обращение в ислам и унижения (12-й век)

Под властью Альмохадов (Испания и Магриб)[1]

Сердца наши тревожны и души в смятении перед каждым грядущим часом, ибо мы не ведаем покоя и устойчивости в жизни. По многим грехам нашим сказано о нас: "И между этими народами не успокоишься, и не будет отдохновения для стопы твоей, и Господь даст тебе там трепещущее сердце, и несносное ожидание и терзание души. И жизнь твоя будет висеть перед тобой, и будешь в страхе день и ночь..." (Второзак., 28:65,66). И в непрестанном страхе и отчаянии нашем мы говорим: "Утром... дай Боже, чтоб пришел вечер!" (Второзак., 28:67).

[1] Гонения Альмохадов на евреев начались в 1140 г., тогда как Ибн Акнин писал во времена Абу Юсуфа ал-Мансура (1184—1190). К этому времени евреи, насильственно обращенные в ислам, были уже мусульманами в третьем поколении. Тем не менее, ал-Мансур наложил на них ряд ограничений, описываемых в тексте.

И прежние гонения, и недавние декреты — все они направлены на тех, что остались верны Закону Израиля и блюли их с такой твердостью, что готовы были даже умереть во имя Неба. Если же они поддавались требованиям врагов, те превозносили их и осыпали почестями... Теперь, однако, сколько бы мы ни показывали, что слушаемся предписания принять их религию и забыть нашу собственную, они лишь утяжеляют наше бремя и усугубляют наши мучения... Воззрите на терзания отступников в нашей земле, тех, что не вынеся гонений, оставили нашу веру совершенно и сменили внешнее убранство. Их обращение нисколько не послужило им на пользу, ибо они подвергаются тем же притеснениям, что и те, кто остался привержен своей вере. Поистине, даже обращение отцов их и дедов сто лет назад не дало им преимуществ, по слову: "...наказывающий вину отцов в детях, и в детях детей..." (Исход, 34:7). И не сказано ли: "Но в четвертом поколении возвратятся они сюда..." (Бытие, 15:16)? И впрямь, такое обращение с ними побудило многих отступников вернуться в прежнюю веру, ибо: "Вот, ты думаешь опереться... на эту трость надломленную, которая, если кто обопрется на нее, войдет тому в руку и проколет ее!" (Исайя, 36:6). Не позаботься Господь об исцелении прежде напасти, без сомнения, все бы мы погибли, и глаза наши помутились бы, пытаясь охватить всю огромность бедствия, постигшего нас. Поистине, все бы мы вскоре истаяли и исчезли, не думая о том, что станет с нашей жизнью и нашими потомками. Мы перестали бы производить потомство и оставались бы бездетны, подобно безумным и пьяницам, не сознающим своего положения. Господне исцеление не допустило, дабы мы вполне предались на волю нашего великого страха и тревоги.

СИНАГОГА В ФЕСЕ
Гравюра по рисунку Ч.Бизео

Обозревая все гонения, выпавшие на нашу долю за последние годы, мы видим, что они ужаснее всего того, что запечатлено в анналах наших предков. Нас сделали жертвами инквизиции, и стар и мал свидетельствуют против нас; произносятся приговоры, из которых наимягчайший узаконивает пролитие нашей крови, изъятие нашего имущества и поругание наших женщин. Но благодаря Господу, в милосердии Своем сжалившемуся над преданными остатками своего народа, свидетельства их оказались противоречивы, ибо знать заступалась за нас, тогда как простой люд показывал против, а обычай этой земли не позволяет предпочесть свидетельство черни свидетельству знатных особ. Эти меры пускались в ход снова и снова, и Господь оказывал жалость Свою и дважды, и трижды. Но тут объявили новый указ, ужаснейший, нежели прежний; он отменил наше право наследования и право попечения над нашими детьми, передавая их в руки мусульман, во исполнение слов: "Сыновья твои и дочери твои будут отданы другому народу..." (Второзак., 28:32). Так они хотели расточить наше имущество и заставить нас раствориться среди мусульман. Ибо мусульманские опекуны могут распоряжаться нашим имуществом и детьми, как пожелают. И если их отдадут богобоязненному мусульманину, он будет стараться воспитать детей в своей религии, следуя их разумению, что все дети рождаются мусульманами, и лишь родители затем делают из них евреев, христиан либо идолопоклонников[2]. Так что если этот человек воспитает их в "первоначальной" религии [т.е. исламе] и не оставит их в руках тех, кто отклоняет детей от истинной стези [т.е. евреев], то он заслужит немалую награду от Аллаха. Если же,

[2] См. док. 45.

однако, опекуном станет человек безнравственный, единственной заботой его будет вымогательство денег, и Господь окажет Свою милость [позволив выкупить детей].

...Затем новое бедствие и ужасное испытание постигло нас, "какого не бывало с тех пор, как существуют люди, и до сего времени..." (Даниил., 12:1). Нам запретили заниматься коммерцией, каковая есть наше средство к жизни, ибо нет жизни без пропитания для наших тел и без одежды для прикрытия их от жара и холода. Последнее же добывается только при посредстве торговли, которая ради этого и производится и без которой наше существование прекратится. Поступая так, они намерены были ослабить сильных среди нас и уничтожить слабых... Эти гонения на нас ужаснее, нежели те, что терпели мы во времена нашего рабства в Египте, ибо там мы могли сохранять нам принадлежащее, и никто этого у нас не отнимал... Далее, нас вынудили отпустить наших слуг и запретили нанимать других, как сказал Господь: "...в осаде и в стеснении, в котором стеснит тебя враг твой в жилищах твоих" (Второзак., 28:56), ибо тот, кто лишен помощи, обретается в жестоком стеснении.

Затем они повелели нам носить отличительную одежду, как предсказано в Священном Писании: "И будешь омерзением, притчею и посмешищем у всех народов, к которым отведет тебя Господь" (Второзак., 28:37). Слово "омерзение" говорит о том презрении, каковое питают к нам народы при виде нашего упадка, умаления и унижения. Ни один народ, самый теснимый и преследуемый, не может быть сравниваем с нами. Поистине, мы презираем сами себя еще более, чем презирают нас народы. Мы стали омерзением и примером для них, так что, желая преувеличить какое-либо унижение,

постигшее их, они говорят: "Я унижен подобно еврею". Так же, желая оскорбить и обидеть ближнего, либо разгневавшись на сына или раба, они, истощив все прочие ругательные слова, говорят: "О ты, еврей!" Если же они хотят проклясть кого-нибудь наихудшим проклятием, то говорят: "Да сделает тебя Аллах подобным еврею и почитает тебя из их числа". Описывая постыдное деяние или какую-нибудь скверность, они говорят: "Даже еврей, как он ни мерзок во всех своих помыслах, не примирился бы с этим". Так стали мы притчей во языцех, каковую они употребляют в поучение и в насмешку... "Посмешище" приложимо к нашему внешнему обличию, особливому от всех остальных людей, ибо нам навязаны одежды самые гнусные, самые позорные и унизительные... как предрекал пророк Иезекиил: "И будешь посмеянием и поруганием, примером и ужасом у народов, которые вокруг тебя, когда Я произведу над тобой суд во гневе и ярости и в яростных казнях" (Иезек., 5:15). Так предсказал он, что мы станем предметом омерзения для окружающих народов, до того даже, что если один из них возьмет еврейскую девушку и она родит от него, над ним станут насмехаться. И дети его будут презираемы, и трудно ему будет найти для них жен и мужей, ибо они отверженные, и никто, даже ничтожнейший, не захочет вступить с ними в родство, как сказано: "Близкие и далекие от тебя будут насмехаться над тобой, который осквернил имя твое и творил бесчинства" (Иезек., 22:5). Слова "...сними с себя диадему и сложи венец..." (Иезек., 21:26) относятся к указу против ношения нами тюрбанов... и вынуждающему нас носить черное платье, каковое есть цвет траура, ибо сказано: "...сделай вид, что ты в трауре, и надень скорбные одежды..." (Вторая кн. Царств, 14:2). Что же до ве-

ления нам носить длинные рукава, целью его было низвести нас до подчиненного состояния женщин, не имеющих силы[3]. Длина рукавов должна была сделать наш вид нелепым, а цвет их — отвратительным. Они напялили нам на головы уродливые шапки, в отрицание слов: "...и головные повязки сделай им, для славы и благолепия" (Исход, 28:40). Цель всех этих особливых одежд в том, чтобы выделить нас между ними и чтобы во всех делах нас легко было признать, дабы обращаться с нами поносно и уничижительно... Вдобавок, это позволяет им проливать безнаказанно нашу кровь. Когда бы мы ни странствовали из города в город, нас подстерегают грабители и разбойники и убивают нас под покровом ночи, а то и средь бела дня, ибо сказано: "...пусть не моя рука будет на нем, но рука филистимлян будет на нем" (Первая кн. Царств, 18:17). Из-за этих одежд мы вопием против самих себя и говорим: "Прокаженный, у коего язва на живой плоти... нечист, нечист" (Левит, 13:15) ... но ужаснее всякой проказы грехи, из-за коих постигли нас эти гонения... "Всякий день посрамление мое передо мною, и стыд покрывает лицо мое" (Пс., 44:15)... и мы слышим это, но молчим. Даже рабы их, нищие и прокаженные имеют власть над нами и уязвляют нас, как только могут, и гонят нас, как нечистых, ибо сказано: "Кричали им: сторонитесь, нечистый! сторонитесь, сторонитесь, не прикасайтесь!" (Плач Иеремии, 4:15).

Из сказанного мною ясно, что мы заслужили все претерпеваемые нами гонения, ибо они не воздают нам даже за малую долю грехов, совершенных нами против Бога, и суть лишь часть великой кары за

[3] Примечательно, что автор приравнивает здесь статус *зимми* к положению женщин при исламе, всегда находившихся в подчинении.

грех, намеренный или невольный, когда нас вынудили оставить нашу веру. Воистину, мы должны были идти на смертную муку, но не обращаться в чужую веру, ибо наш Закон гласит: если грех, к коему тебя побуждает враг, не есть ради корысти его, но лишь ради твоего обращения, тогда умри, но не преступай... Так вот, Исмаил подвергает нас преследованиям с одной лишь целью: уничтожить веру Израиля, а потому мы должны были скорее принять смерть, нежели совершить малейший грех... как приняли смерть мученики Феса, Сиджилмасы[4] и Дары. Поскольку же мы по-прежнему, жалея себя, пребываем в грехе и оскверняем Имя Господне, хотя и не злонамеренно... потому и постигли нас все эти ужасные бедствия.

Ибн Акнин* (ум. 1220)

В Йемене (ок. 1200)

Ты пишешь, что главарь мятежников в Йемене велел насильственно понуждать еврейских жителей всех захваченных им мест к отказу от еврейской

[4] Когда Сиджилмаса была захвачена Альмохадами в 1146 г., евреи города были поставлены перед выбором: обратиться в ислам или умереть. Около ста пятидесяти евреев предпочли смерть, а некоторые другие, предводимые *даяном* Иосефом бен Амрамом, позднее вернувшимся к иудаизму, приняли ислам. Дара разделила судьбу Сиджилмасы. Оба города упоминаются в горестной элегии Авраама ибн Эзры на истребление Альмохадами испанской и североафриканской еврейских общин, *Ахах ярад ал сфарад*.

* Ибн Акнин (1150—1220) — родом из Барселоны, выдающийся философ и комментатор. Вместе с семьей бежал от преследований Альмохадов в Фес, где жил, тайно исповедуя иудаизм. Здесь же он встретил Маймонида и написал печальный стих на его отъезд в Святую Землю.

религии, подобно тому, как сделали это берберы в Магрибе. Поверь, что известие это повергло нас в отчаяние, поразило и оглушило всю нашу общину. Ибо это горестная весть... Воистину, сердца наши слабеют, мысли мешаются и силы телесные истощаются из-за ужасных бедствий, постигающих нашу веру с обоих концов земли, с востока и с запада.

Помните, единоверцы мои, что за неисчислимые наши грехи Господь ввергнул нас в пучину этого народа, арабов, которые жестоко преследовали нас и провозгласили против нас губительные и неравноправные законы... Ни один народ так не мучил, не унижал, не презирал и не ненавидел нас, как они... И хотя поругание нашего достоинства превосходит всякую человеческую меру, однако мы ведем себя подобно тому, о ком вдохновенно сказано: "А я, как глухой, не слышу, и как немой, который не открывает уст своих" (Пс., 38:14). Ибо мудрецы наши наставляли нас, дабы переносить измышления и наглость Исмаила в молчании... Все мы, стар и млад, согласились приучить себя к унижению, как Исайя наставлял нас: "Я предал хребет мой бьющим и ланиты мои тем, кто рвал мою бороду" (50:6). Но невзирая на все это, мы не можем избежать постоянных преследований, почти уже сломивших нас. Сколько ни терпи мы, как ни старайся жить с ними в мире, они разжигают раздор и ненависть, как предрекал Давид: "Я мирен, но только заговорю, они — к войне" (Пс., 120:7).

Дай нам Боже, сотворивший мир на столпах милосердия, великое счастье узреть возвращение изгнанников к завещанному нам Его наследию, созерцать милость Божию и посетить наискорее Его Храм. Да выведет Он нас из сей юдоли смертных теней, куда Он нас низринул. Да свершит Он еще

при нашей и вашей жизни пророчество, заключающееся в словах: "Народ, живущий во тьме, увидит свет великий" (Исайя, 9:1). Мир, мир, и свет воссиявший, мир многажды, пока луна не исчезнет совсем. Аминь.

Моше бен Маймон (Маймонид)*

* Маймонид (1135—1204) — родился в Кордове, в Испании. В 1160 году бежал вместе с семьей в Фес, оттуда — в Эрец-Исраэль, и в конце концов поселился в Египте, где стал придворным врачом султанского визиря. Знаменитый философ, один из самых блестящих деятелей в истории иудаизма.

95. Палестинский еврей ищет прибежища в христианской Испании (1291)

...Воистину, по грехам нашим, они бьют по голове сынов израилевых, живущих в их землях, и так вымогают у них деньги силой. Ибо они говорят на своем языке: *мал ал-йахуди мубах*, т.е. "закон позволяет забирать деньги у евреев"[1]. Ибо в глазах мусульман сыны израилевы подобны незащищенному полю, где можно делать что угодно. Даже в законах их и установлениях указано, чтобы всегда скорее верить свидетельству мусульманина, нежели свидетельству еврея. Потому-то наши учителя, да святится их память, говорили: "Лучше под игом Эдома [христианства], нежели под игом Исмаила". Они молили Всевышнего о милосердии, говоря: "Царь вселенной, позволь нам жить либо

[1] Автор ссылается на традиционный удар, получаемый евреем от мусульманского чиновника по уплате подушной подати. См также док. 3, 4, 5, 11, 13, 18, 19, 50, 79.

ПРОРОЧЕСТВО СВЕРШИЛОСЬ
Йеменский еврей в Иерусалиме (ок. 1910)
Музей Израиля (Иерусалим)

под Твоей сенью, либо уж под сенью сынов Эдома" (Талмуд, трактат Гиттин 17а).

Ицхак бен Шмуэль*

* Ицхак бен Шмуэль из Акко (ок. 1270—1350) был одним из выдающихся каббалистов своего времени. Хотя он был хорошо знаком с арабской теологией и часто употреблял арабский язык в своих толкованиях, он считал, что предпочтительнее жить под игом христианства, а не ислама. Поэтому, когда мамелюки отбили Акко у крестоносцев в 1291 году, он, невзирая на заповедь обитания в Святой Земле, бежал в Италию, а оттуда в христианскую Испанию.

96. Хлеб, политый слезами (ок. 1600)

В своем комментарии к Плачу Иеремии *ученый каббалист из Цфата, Шмуэль бен Ицхак Уседа, проводит параллель с положением евреев на земле Израиля в конце шестнадцатого столетия.*

"Князь над областями сделался данником!" (Плач Иеремии, 1:1).

Может быть, здесь имеется в виду нынешнее наше положение, ибо нигде, ни в одном городе Османской империи евреи не облагаются столь тяжкими данями и поборами, как в земле Израиля, и особенно в Иерусалиме. Не будь у нас средств, присылаемых общинами из стран изгнания, ни один еврей не смог бы выжить здесь из-за бесконечных податей, как пророк сказал в связи с "князьями областей": "Они подстерегали шаги наши, чтобы мы не могли ходить по собственным улицам нашим" (Плач Иеремии, 4:18).

Народы уничижают нас до такой степени, что нам нельзя ходить по улицам. Еврей обязан отсту-

пить в сторону, дабы пропустить вперед мусульманина. И если еврей не отступит в сторону по своей собственной воле, его заставят силой. Закон этот особенно внедрен в Иерусалиме, более чем в иных местах. Потому-то текст и подчеркивает: "...по собственным улицам нашим", т.е. по улицам Иерусалима.

Шмуэль бен Ицхак Уседа

97. Жизнь в Меллахе близ Феса (1610—1613)

...В святой день субботы в году 5371 глаза наши наполнились слезами. Горе мне, горе! Мюлей Заидан[1], под десницей коего, полагали мы, придется нам жить, обрушил на нас весь свой гнев. 8-го дня месяца тишрей (15—25 сент. 1610[2]) явился министр, гонитель Барихан, да сотрется имя его из памяти людей, и сказал, что евреи должны уплатить 10000 окий по приказу монарха, ибо он спас их от мусульман, пришедших на разбой в еврейский Меллах. Он сказал, что если они не заплатят до наступления ночи, то на следующий день заплатят вдвое. Евреи начали собирать деньги, но одного для им не достало. Назавтра Барихан пришел и сказал, что они должны ему 20000 окий. Тогда поднялся великий вопль, и весь город был в смятении в канун Судного дня и в самый этот день, и, за многие грехи наши, святой День Суда был осквернен, ибо весь день и всю ночь шло собирание подати. Раввины плакали и рыдали, стенали и вопили в полдень, и глас радости и ликования пресекся в них, и к тому прибавилась жесто-

[1] Заидан ибн Мухаммад, владыка Маракеша (1603—28)
[2] По Юлианскому календарю.

кая, неизлечимая болезнь. Горе нам ныне, ибо мы согрешили.

Одиннадцатого дня месяца тишрей два владыки, Мюлей Заидан и Мюлей Абдалла ибн Мюлей ал-Шейх[3], вступили меж собой в сражение подле города. И Мюлей Заидан был поражен, и большинство его воинов погибло, также и вышеназванный враг и гонитель Бахиран, да исчезнет имя его и память о нем. И Мюлей Абдалла вошел в город, и Иаков Рут[4], вместе с другими старейшинами, вышел встречать султана, но тот не принял его. Он сказал им: вы почитали Заидана, а он уязвил вас. И на следующий день он прислал своих злобных гонцов, повелевая, чтобы евреи заплатили ему 20000 окий, столько же, сколько Заидану. Горе очам, узревшим сие. И многие евреи и раввины наложили на себя суровое покаяние, также и я, Шауль, ничтожнейший из них. И всем нам было тяжко изыскать эти деньги, и, за великие грехи наши, Суккот также был осквернен. И вот я тоскую и стенаю, ибо невиданное и ужасное дело свершилось на этой земле. Нет у меня сил передать даже тысячную долю, ибо многие евреи были схвачены и утратили все свое достояние, и многие караваны были разграблены. (А к тому же Господь наслал на нас моровое поветрие, от которого погибло четыреста невинных детей.) Горе нам, горе отовсюду и со всех сторон. Господи, благословенно имя Твое, выведи нас к свету. Аминь, да будет так...

И вышеназванный Мюлей ал-Шейх пошел в Тетуан, о том ведает Всевышний, аминь — и наложил пеню: с мусульманских жителей 100000 окий, с испанцев 150000 окий и с евреев 10000 окий; даже

[3] Абдалла ибн Мухаммад, брат Заидана, владыка Феса (1603—13).

[4] Представитель аристократического рода *негидим* в Фесе (17-й век).

со свитков Торы сняли серебряные украшения.

А в первый день месяца тевет того же года [через неделю после предыдущей даты] Мюлей Абдалла потребовал пеню в 10000 окий вдобавок к установленной подати. И в первый день месяца адар [два месяца спустя] он обременил нас еще восемью тысячами окий.

Третьего адара сего года горестная весть пришла из города Талда, куда вошли арабы-мусульмане, разрушили синагогу и сожгли пятьдесят свитков Торы, две тысячи Пятикнижий и множество книг. Мы объявили пост как на Девятое ава [дата разрушения Храма римлянами в 70 году].

Услышь, Иудея, что в канун Шавуот Мюлей ал-Шейх прислал каида Гарни к *нагиду*, нашему почитаемому учителю рабби Иакову Руту, и потребовал от него 25000 окий, но тот не смог заплатить. А у *нагида* имелось письменное обязательство от старейшин, Господь защити их и продли их лета, что они возместят ему всяческий ущерб, каковой он может потерпеть, отправляя должность *нагида*. И старейшины заплатили 25000 окий за него. Обратись все небеса в пергамент, все моря в чернила, а весь тростник в письменные палочки, их не достало бы, дабы описать все наши бедствия. С нас взяли еще 5000 окий, в общей сложности 87000 меж месяцами тишрей и сиван, помимо установленной подати. И еще 4000 в пятый день месяца ав. А сколько битв было за это время, всех не перечесть.

Тринадцатого дня месяца тишрей 5372 года [11/20 сентября 1611] на нас наложили новый штраф, в 6000 окий, и то был для нас тяжкий удар, так как все очень обеднели; пшеница стоила по 40 окий за меру[5], а город был в жестокой осаде.

[5] Мера — 60 бушелей.

В понедельник, 23-го дня месяца хешван того же года [20/30 октября 1611], во время поста, мы услышали, что султан собирает войска для битвы с жителями Феса ал-Бали. Сражение длилось до 4-го кислева. Мы жили в осаде и бедствовали непомерно. Каждый день шло сражение, и евреи платили по сто окий стражникам у стен, ибо так велел султан.

В ночь на воскресенье, 7-го кислева [3/13 ноября] того же года было великое стенание и ужас в Меллахе, ибо войска Шарага[6] ушли и султан ушел вместе с ними, и жители ал-Бали [Старого Феса] подошли к воротам города и хотели ворваться внутрь. Мы читали покаянные молитвы и собрали вместе всех учеников *талмуд-торы*, маленьких и постарше, и вынесли свитки Торы на улицу, и все раввины встали вокруг детей. Мы стенали, горько рыдая, и говорили: о братия, народ Израиля, знайте, что нет у нас ни права, ни основания молить Бога, будь Он благословен, о спасении от этого бедствия, кроме как ради малых сих. И те, кто помоложе, читали *Ва-я'авор* ("И прошел", Исход, 34:6,7)[7] вслух, и все, стар и мал, горько рыдали. И старики восьмидесятилетние, бывшие там, свидетельствовали, что никогда не слышали стольких рыданий и покаянных молитв, подобных тем, что раздались при звуках читанных детскими устами слов: "Нет у нас ни отца, ни матери, кроме Торы Моисея, учителя нашего, мир ему, да услышит он наши рыдания и да заступится за нас перед Создателем". И когда собрание услышало их голоса и их стоны, все возопили и громко зарыдали, и прочитали *Ва-я'авор* тринадцать раз. И вскорости Господь, да святится Имя Его, услышал наши молитвы, и люди Феса ал-Бали

6 Арабское племя.
7 Молитва о прощении.

усмирились и открыли ворота. Это сделалось волею Всевышнего.

Вплоть до 1-го кислева того года евреи не заходили в Фес ал-Бали, ибо он был в руках Шарага, наших врагов. Враждебность к евреям все возрастала, и мы назначили трехдневный пост. И вот на третий день — слава и хвала Господу, избавляющему нас от всех бед и несчастий — пришли гонцы и рассказали, что важные особы собрались на совет и постановили, что евреи чисты от всех обвинений, и они говорили много хорошего о евреях, особенно кади. И евреи стали ходить в Фес ал-Бали, и никто не смел их трогать.

Кто может описать все наши бедствия? Каждый день новые поборы. Ибо султан издает указы только для евреев.

В ночь на первое число месяца шват того же 5372 года [26 декабря 1611/ 5 января 1612] в синагогу рабби Иосефа ал-Муснино[8] забрались воры и украли все, что в ней было. Они унесли два свитка Торы и выбросили их на улицы города. И сидели мы там, и читали траурные молитвы, и раздирали на себе одежды; на следующий же день постились. А воры, хотя и были хорошо известны, не предстали перед судом, ибо в этом деле была рука властителей. Да отомстит за нас Господь.

А 24-го швата того же года султан взял с нас еще 3000 окий. Цена пшеницы была тогда 60 окий за меру...

...Первого элула [19/29 августа 1612] того же года *нагида* схватили по навету доносчика, его и еще одиннадцать человек. И они лишились шестисот шекелей, а на следующий день мы все собрались

[8] Иосеф бен Аврахам ал-Муснино (ок. 1530—1600) — знаменитый раввин и врач, был *нагидом* (главой) Фесской общины.

ЕВРЕЙСКИЕ ДЕТИ В ФЕСЕ ИЗУЧАЮТ ИВРИТ
(нач. 20-го века)

между синагогами, и читали *Ва-я'авор*, и изгнали из общины того, кто донес, хотя он и был видное лицо. Недели не проходило без того, чтобы мы не платили по 400 окий, все это сверх определенной нам подати... (2:197-200).

Из хроники Шауля бен Давида Сереро*, *Диврей ха-ямин шел Фес (Хроника Феса)*. Цит. по **134**.

* Шауль бен Давид Сереро (1575—1655) — один из известнейших раввинов Феса.

98. Элегия персидского еврейского поэта (17-й век)

Эпоха насильственного обращения в ислам при Аббасе (1641—1666)

О ты, Господь наш, единый и несравненный,
положи конец нашей смятенной вере.
О Господь всеукрепляющий, создатель всего
сущего,
не дай продлиться этой смятенной вере!
О Господь всемилостивый, повелитель небесных
сфер,
исцели нас от нашей смятенной веры!
О Муса [Моисей], ты Его посланник, чей прах
могущественнее огня,
О спаси нас от этой смятенной веры!
Мы все изнемогли, ожидая снисхождения от
Ааронова брата,
О спаси нас от этой смятенной веры!
Мы — народ Мусы, обезумевший и потерявший
рассудок из-за нашей смятенной веры!

Мы утратили честь и Тору;
Мы лишились праздников и льем слезы, как
плакучая ива;
Нет у нас ни покоя, ни имени, мы опустошены и
низко пали;
Нет у нас молитвенных домов и нет раввинов;
Воистину мы недостойны нашего Господа;
Мы стали нечестивцами из-за нашей смятенной
веры.
Нет у нас ни заветов, ни зароков, мы впали в
немилость и стали себялюбивы;
Нас зовут новообращенцами в нашей смятенной
вере;
Нет у нас ни Дня поста, ни Нового Года,
день и ночь мы предаемся сожалениям;
Известно, что мусульманской веры мы не знаем,
Нет у нас ни поводыря, ни хозяина, ни достоинства,
ни поучения.
Мы безрадостные нечестивцы в нашей смятенной
вере;
Мы словно язычники без веры, без силы и упорства,
Мы истекаем слезами, как дождевые тучи, от ярости
ислама.
Мы лишены защиты и пристойности, словно роза,
лишенная аромата;
Мы рыдаем без устали в нашей смятенной вере.
Нет у нас ни примет, ни корней, мы пусты, как
ветер;
Мы носим на голове нашей тюрбан ислама;
Нет у нас ни сердца, ни души, мы лишены нашего
Закона;
На что нам наша жизнь в этой смятенной вере?
Мы словно зайцы, безглазые и безухие;
Мы страдаем от жал, но не пробуем меда от нашей
смятенной веры.
Нет у нас ни водителя, ни Закона;

Мы все лишились надежды;
Мы разбиты сердцем и духом из-за нашей
смятенной веры.
Хотя с виду мы мусульмане, в душе мы евреи.
Воистину никоим образом мы не напоминаем
мусульман;
Внешне мы исповедуем ислам, но не трепещем во
время поста [во время рамадана].
Мы лишь притворяемся, что верим, когда
изображаем собою мусульман.
Мы лишь формы без души; мы подобны
беспомощным муравьям,
Мы стенаем все и каждый из-за нашей смятенной
веры;
Мы обессилели и ослабели, нас постигло несчастье;
Только лишь из-за гонений предали мы наши души
мусульманской вере;
Тела наши окованы цепями, мы сражены горем;
Мы сошли со стези Господней;
Нет у нас ни Торы, ни света из-за нашей смятенной
веры;
О Всемогущий, сжалься над нами!
Настало время избавить нас от мусульманства.
Мы полны невоздержности и беспокойства и готовы
сжечь себя;
Мы готовы броситься в пропасть из-за нашей
смятенной веры.
Мы сидим по уши в долгах и не имеем ни копейки.
Мы уподобились охотничьей собаке, бегающей
туда-сюда, из-за нашей смятенной веры;
Мы словно дерево без листьев, без защиты,
погруженное во мрак;
Мы ищем смерти из-за нашей смятенной веры...
Тысячу раз, каждую минуту мы проклинаем ислам.
Сердце наше и душа нерадостны, когда мы
притворяемся мусульманами...

Они изгнали нас из города [по-видимому, из Исфагана] и обрекли нас на насилие;
Насилием они сделали из нас мусульман...
Мы стали темны и невежественны;
Среди нас не осталось ни одного разумного человека.
Мы говорим: наверняка это стало из-за мусульманского Корана...
Имя мое Хизкия, раб, а ныне — шейх идолопоклонников;
Я живу в отчаянии из-за моей смятенной веры.
Чашу за чашей я пью отраву из рук ислама;
Ах, если бы я мог пить чашу за чашей вино из рук иудаизма!

(сс. 94—101)

Рабби Хизкия

99. Гонения и муки в Йемене (1666)[1]; две версии одного события

Версия жертв

Посланцы прибыли в Сану из Иерусалима, возвещая, что Мессия Израиля близок... Люди плакали от радости и в великом своем ожидании верили от всей души... и восклицали: в такой-то и такой-то день придет избавление, и тогда мы унесемся прочь и в одно мгновение окажемся на своей земле...

А власть в те времена находилась в руках шейха Исмаэля [ибн Касима, имама ал-Мутаваккила]. Сей последний, услышав об этом от своих министров и знати и от своих мусульманских подданных, призвал к себе предводителей и старейшин еврейских

[1] См. док. 88.

общин Саны и Хемды[2] и спросил их: "Что это у вас там такое?" Они не могли скрыть от него, что знали, ибо тому были многие свидетели, и тогда шейх заключил их всех в свою крепость в городе, называемом ас-Сауда[3], пока положение не прояснится. Он воспылал гневом против них и против всех евреев и отдал распоряжение людям своей религии, пусть назначают в каждом городе и в каждой провинции и в каждом месте, где живут евреи, особых чиновников, дабы карали их и делали с ними, что захотят. И солдаты и всадники во множестве нападали на евреев и причиняли им многие муки. И вышел указ, по которому дома их, и поля, и все достояние переходили обратно к шейху и его преемникам до скончания времен, и евреи не могли более ни владеть своей долей земли, ни наследовать ее. Затем повелели евреям снять свои головные уборы и не позволяли им долее носить тюрбаны. Узнав об этом, мусульмане устроили себе забаву, сбивая тюрбаны с еврейских голов. Для евреев сие было несносное унижение, и видя приближающегося мусульманина, они с позором покрывали головы свои одеждами. Мусульманин же срывал покров с головы еврея, восклицая: "Сними его и ходи с непокрытой головой". И мусульмане похвалялись друг перед другом: "Сегодня я обошелся с этаким-разэтаким евреем как мне заблагорассудилось, я избил его и изругал и скинул наземь тюрбан с его головы". И так они измывались над кем хотели, над малым и старым.

А предводители общины заключены были в крепость, после чего их отвели в камеру пыток, где их выставили на жгучее солнце. Вслед за тем их раздели догола и подвесили под открытым небом у входа

2 Город в семидесяти милях к северу от Саны.
3 Крупный город к северо-западу от Саны.

во дворец, на поругание всем проходящим мимо мусульманам. Сии восклицали: "Оставьте вашу веру, что вам толку в ней!" Евреи страдали молча, ибо не могли говорить, и лишь обращали сердца свои к Отцу Небесному, моля об избавлении. Остальным евреям, схваченным вместе со старейшинами, надели на шею железные цепи и нагими отвели в подземные застенки, где они пребывали во мраке и в смертной тени. Главу же общины отвели нагого и закованного в цепи в место, называемое Камран[4], куда его заключили и где не бывал еще ни один еврей. Он страдал от всяческих мучений и пыток, ниспосланных Богом на него и его народ, и он сидел и рыдал от горя, но избавления было ждать не от кого, кроме как от Господа Всемогущего.

Следует знать, что в Сане был еще один раввин, по имени Сулейман ал-Акта, славный своими познаниями в Торе, в Законе, а превыше всего в каббале. И вот, получив знамение свыше, он решил пойти к шейху в промежуточные дни праздника Песах. Никто не знает, что произошло меж ним и шейхом, известно лишь со слов последнего, будто раввин уверял, что Господь хочет испытать его. По сей день никто не знает, каковы были его намерения, слышали лишь, как он воскликнул в синагоге: "Блажен ты, о Израиль, в грядущей твоей судьбе!", а затем отправился в замок. После свидания с шейхом его схватили, пытали и заключили в подземную темницу. Вслед за тем его привели пред лицо одного из сановников, ответственных за сбор *джизьи*, и тот бросил его в яму, полную змей и скорпионов. От имени Исмаила, великого владыки, вышло постановление — обезглавить его

[4] Остров в Красном море, используемый и в наши дни в качестве тюрьмы.

на торговой площади посреди города в следующую пятницу по окончании мусульманских молебствий. Его провели по улицам города и обезглавили там, как и было постановлено. Затем тело его распяли и велели евреям оттащить его к городским воротам, где и подвесили его, нагого, на крепостном валу для всеобщего обозрения на три дня, и разрешили похоронить его лишь после того, как евреи заплатили большой выкуп за тело. Тут Господь усмирил сердце шейха и тот согласился отпустить других еврейских предводителей, после того как подверг их пыткам и получил за них от евреев много денег.

...В те дни почти пятьсот евреев, не вынеся великих гонений, отступили от своей веры (сс. 51—52).

Са'адия ха-Леви (1667). Цит. по **286**.

Версия гонителей

В месяце раджаб 1077 года (1666) евреи перешли всякую меру развращенности, ибо начали готовиться покинуть Йемен и присоединиться к своим собратьям в Святой Земле и в Иерусалиме. Они уверяли, что царь их, Мессия, сын Давидов, пришел в мир и восстановил их царство[5]. Они распродавали свое имущество за смехотворную цену и изго-

[5] В мае 1665 года Саббатай (Шабтай) Цви, еврей из Смирны, страдавший маниакальной депрессией, объявил себя в Газе Мессией, посланным, чтобы вывести евреев из изгнания. Хотя многие раввины первоначально отвергали его мессианские претензии, он пользовался поддержкой многих преданных учеников и последователей. Легендарные слухи о нем пробудили мечту о Мессии в евреях Османской империи, Европы, Йемена и Персии. Эти мессианские надежды, возникшие на фоне нищеты и угнетения, приобрели большой размах, тревоживший мусульманские власти. В 1666 году великий визирь заключил Саббатая Цви в тюрьму в Константинополе, где тот, ради спасения своей жизни, обратился в ислам.

товлялись вступить на стезю дьявола. Они уверяли, что перенесутся туда чудесным образом, без всякого усилия... Они говорили, что явился их Мессия, но на самом деле это антихрист [*аддаджал*]... и Аллах осудил их дерзость и пресек их упавания...

И вот *кади* Шихаб эд-Дин Ахмад ибн Саад эд-Дин [ум. 1669] вопросил [по этому поводу] имама, который в ответе своем постановил, что неподчинение евреев условиям *зимма* равносильно ее отмене. Когда постановление достигло горы Каукабан и Шибаира[6], жители приступили к местным евреям, напали на их женщин, отобрали у них все их имущество, драгоценности и деньги. Как скоро стало известно, что произошедшее в Шибаире совершилось с благословения имама, обитатели Хазы и Гарзы, не мешкая, стали грабить своих еврейских соседей.

Безумие евреев тем временем возрастало, и безответственность их достигла предела, и тогда они взяли одного из своих, убрали его в роскошные одежды и изобильно напоили вином. Возвеселившись от вина, он пришел во дворец и пожелал воссесть на троне, требуя, чтобы его веление было исполнено. Он обратился к принцу Джамалу эд-Дину на языке евреев, говоря, что царствие его пришло к концу, что дом его проклят и он должен отречься от престола и покинуть дворец. Придворные, бывшие там, поспешили сбить его с ног и осыпали его пинками за его позорный поступок.

Затем его отвели в тюрьму Бустана и всячески измывались над ним, сорвав с него шелковые одежды и обратив его якобы царский убор в орудие пытки, подобно тому, как собратья его обращены были в обезьян и свиней [см. док. 9]. Затем они

[6] Горное селение на расстоянии дневного перехода от Саны.

вопросили имама, как следует поступить с ним, и ответ гласил, что он должен понести наказание и жестоко поплатиться за свою предерзость. И тогда он был отведен на рыночную площадь и обезглавлен, а потом подвешен в распятом виде на городских воротах и висел там несколько дней, а тем временем имам строго покарал всех евреев. У них сбивали с головы тюрбаны, а предводителей их заточили в тюрьму.

Ибн ал-Вазир, *Табак ал-Халуа* (Брит. Музей, Лондон, арабские рукописи), 1115 Н. (1703).

100. Положение немусульман в Палестине (1700)

Мы [евреи] вынуждены были заплатить крупную сумму денег мусульманским властям Иерусалима за разрешение выстроить новую синагогу. Хотя старая синагога была очень мала, и мы хотели лишь слегка расширить ее, исламский закон запрещал изменять малейшую хотя бы часть... Вдобавок к расходам на подкуп, имеющий целью завоевать расположение мусульман, все еврейские мужчины обязаны были платить подушную подать султану, по два золотых с каждого. Богатого не вынуждали платить больше, но бедный не мог платить меньше. Ежегодно, чаще всего во время праздника Песах, в Иерусалим приезжал чиновник из Константинополя. Кто не имел средств заплатить подать, того бросали в тюрьму, и община должны была выкупить его. Чиновник оставался в Иерусалиме месяца на два, и все это время бедняки прятались от него, кто как мог, а если их ловили, то приходилось

выкупать их деньгами из общинной кассы[1]. Тем, кто уже уплатил, давали о том справку, и чиновник посылал своих солдат на улицу проверять бумаги у прохожих (т. 2а,б).

Христиан тоже вынуждали платить подушную подать... Мусульманам, однако, запрещалось собирать подать по субботам и по праздникам, так что в такие дни мы могли ходить по улицам без опаски. В будние же дни бедняки не смели носа высунуть наружу. Солдатам запрещено было также ходить для сбора подати по домам, а заходить в синагогу и подавно. Но в нечестии своем солдаты приходили к синагоге и ждали у дверей, требуя у всех, кто выходил, справки об уплате...

Ни евреям, ни христианам не позволено ездить верхом на лошадях, на ослах же можно, ибо [в глазах мусульман] христиане и евреи суть низшие существа (т. 7б).

Мусульмане не позволяют людям любого иного вероисповедания входить на то место, где стоял Храм, уверяя, что иная религия недостаточно чиста для этой святыни. Они без устали повторяют, что хотя Господь вначале избрал народ Израиля, но Он давно покинул их за неправедность и предпочел им мусульман (тт. 8б,9а).

В Земле Израиля люди иных религий не смеют носить одежду зеленого цвета, даже ни единой нитки, подобной той, какими мы украшаем наши молитвенные покрывала. Беда, если мусульманин ее

[1] Такова концепция выкупа, уплачиваемого за жизнь *зимми*. Существует любопытная параллель между положением *зимми* и современных заложников, чья жизнь зависит от требований их похитителей. В обоих случаях жизнь и свободу рассматривают не как естественное и неотъемлемое человеческое право, но как некое ценное достояние, которое можно эксплуатировать и выменивать.

заметит. Также нельзя носить зеленый либо белый тюрбан. В субботу, однако, мы надеваем белый тюрбан, макушку которого обматываем куском ткани иного цвета, в знак нашего отличия (т. 13а,б).

Христианам не разрешается носить тюрбаны, вместо этого они носят шляпы, такие, как приняты в Польше. Более того, мусульманский закон требует, чтобы каждое вероисповедание носило свою особую одежду, так, чтобы можно было отличить один народ от другого. Это относится также и к обуви. Так, евреи носят обувь темно-синего цвета, а христиане — красного. Никто не может надевать ничего зеленого, ибо этот цвет носят только мусульмане. Последние весьма враждебны к евреям и подвергают их оскорблениям на улицах города. Весьма редко, впрочем, случается, чтобы знатный турок или даже араб обидел еврея-прохожего, но простой народ преследует евреев, ибо нам запрещено защищаться от турок и арабов. Если араб ударит еврея, тот попытается умилостивить его, но не посмеет упрекнуть, из опасения получить еще сильнейший удар, что арабы делают без малейших угрызений совести. Так ведут себя восточные евреи, ибо они приучены к такому обращению, тогда как европейские евреи, непривычные к оскорблениям арабов, отвечают ударом на удар[2].

Даже христиане подвержены этим притеснениям. Если еврей оскорбит мусульманина, тот со всей силы пинает его ногой и всячески унижает его, и никто его не остановит. Точно так же обращаются и с христианами, которые страдают не менее евреев, только что первые весьма богаты благодаря

[2] Здесь отлично описана разница между ментальностью европейского еврея и ментальностью *зимми*, задавленного непрерывным гнетом.

денежной поддержке из-за границы и употребляют эти деньги для подкупа арабов. Евреи же, не обладая достаточными средствами для давания взяток, страдают вследствие этого несравненно больше.

Гедалия из Семятиц*

* Гедалия (ум. 1716), преодолев множество опасностей, прибыл в Иерусалим в 1700 г. Ужасающие условия, описанные им в его книге, вынудили его, однако, вернуться в Европу для сбора средств в помощь евреям Иерусалима, изнывающим под бременем непосильных поборов.

101. Царство террора в Фесе (1790—1792)

Вслед за тем Преисполненный Злобы [Мюлей Язид] вошел в Фес, и вся община вышла из ал-Харумата[1] навстречу ему с приношениями в руках. Но он не взглянул на них и не принял от них приношений, и они вернулись ни с чем. А Преисполненный Злобы спросил начальника, заплатили ли евреи подать, и тот отвечал, что они заплатили всего двенадцать талантов. И вот, рано утром в воскресенье, 24-го сивана того года [26 мая/ 6 июня 1790] Преисполненный Злобы прислал человека, и тот собрал всех евреев и сказал им: "Дайте мне расписку на тысячу миткалей, ибо Преисполненный Злобы простил вас". И они дали ему свое письменное обязательство, и он тут же сказал им: "Прощение, пожалованное вам, относится к вашим жизням и к деньгам, которых никто не тронет, но он повелел вам покинуть город [Меллах] и обитать отныне в ал-Касба де-Зирара [Шрарда][2]. И услышав это, мы содрогнулись от ужаса и боли, подобно родильнице в муках, ибо при-

[1] Видимо, название городского квартала.

[2] Укрепленная часть города в северной его части, между Фас Джадидом и Мединой.

каз султана повелевал торопиться, глася: встаньте и уйдите с этого места; и тут же явились начальники и рабы, понуждая нас к уходу, и мы ушли. Мне недостало бы времени описать все, что с нами случилось в этот день; мы изнывали от жары, ибо солнце вышло из-за своего покрова в месяце таммуз, а мы шагали босиком к той ал-Касбе вместе с ослами и носильщиками, которые несли наши пожитки и складывали их там на улице. И путь был долог; и в тот же день рабы, обитавшие среди нас, ушли жить в Мекнес вместе с женами и детьми, а удайя[3], жившие в Мекнесе, до 3000 человек, пришли жить в Фес: мы ушли, и те ушли, а эти пришли сюда. И давка была ужасающая, и пыль, и страшная жара, так что мы истекали потом; мы целовали стены синагог, ведь сказано: "Ибо рабы Твои возлюбили и камни его" (Пс., 102:15), и рыдали, за себя и за других, от всех бедствий, выпавших на нашу долю. А он объявил, что буде кто останется до вечера, кровь его падет на его же голову. А по пути было множество воров и грабителей, и они обирали нас, пока у нас ничего не осталось; многие из нас, бедняки, раввины и немощные, в страхе побросали в городе все свое достояние. И так исполнилось речение: "Пошлю в сердца их робость..." (Левит, 26:36).

...И чужие вошли в дома наши и сняли все замки и двери в домах и дворах. И они вошли во все синагоги и молитвенные дома и забрали оттуда все скамьи, и ковчеги, и помосты, и украли несколько свитков Торы, и это подобно было разрушению Храма; и дом собраний превратили в место идолопоклонства и блуда. Они осквернили эти здания и стали гнать в них крепкие напитки, и все величие общины Феса рассеялось в прах.

...Лица наши уподобились закопченным гор-

[3] Арабское племя, исполнявшее в Фесе роль полиции.

шкам, ибо нас палило солнце; мы обитали в шатрах, подобно сынам Кедара и Аравии, и не стало у нас ни понятия, ни поучения, не стало благочестия, молитвы и Торы, ибо разум наш помутился от тоски и печали. Все кругом покрыто было скверной, так что некуда было даже поместить свиток Торы; люди испражнялись на улицах ал-Касбы, и ужасная вонь пропитала всю окрестность. И когда подходил час святить субботу и молиться, мы были в великом затруднении, ибо все было покрыто испражнениями и не было чистого места. Женщины нежного воспитания носили воду из колодцев, и мы покупали питьевую воду за деньги, беднякам приходилось платить за воду по полторы окии в неделю. В то лето было множество мух, и блох, и скорпионов, мышей и змей, и мы не могли спать, так что жизнь нам стала не мила; и много младенцев поумирало от жары. И каждый день поднимался сильный ветер, круша горы, ломая скалы и срывая наши палатки; он засыпал нам глаза и уши пылью и песком и гасил по ночам наши свечи, так что мы сидели во тьме подобно давно умершим (Плач Иеремии, 3:6). И по субботам мы ели субботнюю трапезу в темноте. А Преисполненный Злобы приказал раскопать наше кладбище, и взять прах наших покойников и камни с их надгробий, и выстроить большую мечеть с минаретом в Меллахе из этого праха и камней, а также здания в Фес ал-Бали, и в Бута'а[4], и в Бузлуде[5], и мечеть в месте, называемом Асриф[6], ибо кладбище было очень велико. И чужие наемники раскопали его во всех направлениях, и множество мулов и ослов волокли прах и камни на постройку новой стены в

[4] Вероятно, искаженное "Тала", центральная улица Старого Феса.

[5] Бу Джалуд, пространство между Мединой и Фас Джадидом.

[6] Мостовая в квартале Кайруван.

Аслукие[7]. Они раскопали древние могилы, нижний слой, средний слой и верхний слой, и нашли дворы, и колодцы, и стены — целый мир ушедших поколений. И работники снимали с покойных саваны, в коих было золото и серебро, и многие так обогатились. И еще они раскопали пещеру кастильских раввинов, да святится память их в вышних, да воссияет свет их по воле Господней, и могилы нескольких праведников, и бессчетные могилы благочестивых; глаза наши видели это и мутились от горя, но мы были бессильны, ибо слишком велики были прегрешения наши. Каждый месяц, раз в две недели, мы ходили на кладбище в присутствии начальника ал-Касбы, сидевшего у ворот, и собирали кости, черепа, руки и ноги покойников, разбросанные там, и мы выкопали глубокую яму подле места, называемого ал-Гиза[8], и схоронили там эти кости; они же бросали в нас камни и палки и говорили нам: "Убирайтесь из нашего города! Преисполненный Злобы отобрал его у вас и отдал нам!" — и скрежетали на нас зубами. И мы признали справедливость осуждения, постигшего нас...

И Преисполненный Злобы повелел, дабы ни евреи, ни еврейки не смели носить никаких одежд зеленого цвета, и начальник пришел в ал-Касбу и провозгласил этот указ именем Преисполненного Злобы. И тот же указ провозглашен был во всех городах Магриба, и евреи потеряли много денег и все свои одежды. Большинство опустило свои одежды в красильный чан, дабы окрасить в иной цвет, и одежда расползлась на куски. И год спустя у них не осталось никаких праздничных одежд,

7 Название неизвестно.

8 Баб Гиза, вход в Медину, который вел к городскому кладбищу.

и пришлось покупать новые... И султан порешил, что никогда не примет еврея и не станет говорить с ним, и всякий, называвшийся евреем, пребывал в великом презрении. Те же евреи, которые служили на высоких постах у его отца — помилуй душу его, Господи, — подверглись казни мечом либо через повешенье. А учителя нашего, достославного рабби Мас'уда бен Зикри и других подвесили за ноги у ворот города Мекнеса, и там они висели живые пятнадцать дней, пока не умерли.

И так стало, что мы пробыли в изгнании в ал-Касбе двадцать два месяца — по числу букв в Торе* — во искупление наших грехов (2:296—299).

Иехуда бен Обед ибн Аттар**, *Зикарон ле-бней Исраэль (В память сынов Израиля)*. Цит. по **134**.

* Ивритская письменность имеет 22 буквы (прим. ред.).

** Ибн Аттар (1725—1812) был *даяном* (религиозным судьей) в Фесе. Вместе с несколькими другими учеными евреями был на длительный срок заключен Мюлей Язидом в подземную тюрьму.

102. Евреи Афганистана и принудительное обращение в ислам в Мешеде (1839)

В 1839 году, вследствие ложного навета, мусульмане поднялись на наших предков, а было это в четверг, 13-го нисана, и они угрожали убить и уничтожить всех евреев Мешеда и разграбить их имущество, если те не обратятся в ислам. Тридцать один еврей был убит, и не смилуйся над нами Небо, мы все бы погибли... Некоторое время спустя те, кто желал остаться верным слову Господню, покинули Мешед и отправились в Герат и, начиная

с 1840 года, прожили там в мире и спокойствии пятнадцать лет... В 1856 году, однако, по множеству грехов наших, армия Наср эд-Дина, шаха Каджара, напала на город Херат и осаждала его девять месяцев подряд. В конце месяца тишрей 1857 года город был взят хитростью, без сражения. Вслед за тем захватчики начали унижать нас всякими обвинениями и грозить нам, говоря: вы сделали то-то и то-то, теперь мы покараем вас так-то и так-то. Они клеветали на нас перед шахом и принцами и убедили его выселить нас из города и изгнать в Мешед. И вот 15-го дня месяца шват, 1857 года разбойники набросились на нас, осыпая смертельными побоями и крича: "Убирайтесь из домов своих по приказу шаха". Они вышвыривали наружу всех подряд, мужчин, женщин и детей, не щадя младенцев и старцев, без жалости и снисхождения. Город переполнился воплями бедняков и сирот. Мы не успели даже собрать свои пожитки и приготовить съестные припасы, ибо в три дня все евреи были изгнаны из города и собраны в месте, называемом Мусалла. 19-го числа месяца шват они погнали нас прочь, и тридцать дней подряд мы брели по обочинам дорог, окруженные мусульманскими солдатами. Пора была холодная; небеса осыпали нас снегом и градом, и несколько человек умерло по дороге от нестерпимого холода, недостатка пищи и других бессчетных невзгод. Мы добрались до Мешеда в месяце адар. Нас не впустили в город, но загнали в хлев для скота в крепости Баб Кудрат, которая есть не что иное, как тюрьма. Не вынеся мучений, некоторые наши собратья приняли ислам. К нам приложимы были слова: "Извне меч, и ужас в домах..." (Второзак., 32:25), но наши тюремщики жестоко избивали нас каждый день, вымогая плату за верблюдов, привезших нас сюда... и к тому же

нас изводили болезни, и многие умерли. Многие иные бедствия постигли нас, коих сил не хватит перечислять, ибо сказано: "Неволя ужаснее, нежели смертный меч" (Вавилонский талмуд, *Бава Батра*, 8б). Мы пробыли там целых два года, пока небо не простило нам наши прегрешения и шах позволил нам вернуться домой. В месяце кислев 1859 года мы оставили Мешед и достигли Херата в понедельник, 13-го дня месяца тевет, и каждый из нас вернулся в свое жилище (сс. 12,13).

Рабби М.Горджи* (род. 1845)

* Горджи (1845—1918) — уроженец Херата, ученый и предводитель общины. В 1908 году поселился в Палестине.

103. Евреи Палестины до 1847 года

О сыны Израиля, какими словами передать вам, сколь жестоко страдали от ига изгнания собратья наши в Палестине до 1847 года![1] Да и расскажи я все, поверят ли мне? Истинно говорили наставники наши: "Пресвятой Отец, да святится Имя его, даровал Израилю, после многих страданий, три вещи: Тору, землю Израиля и Мир грядущий" (Вавилонский Талмуд, *Брахот*, 5а)... Я опишу страдания наших собратьев в Хевроне, Иерусалиме, Цфате и Тверии, о которых рассказывали мне мои предки, а также и те, которые я видел собственными глазами, и они сохранились в моей памяти по сей день...

Евреям крайне опасно было выходить хотя бы на шаг за городские ворота Иерусалима из-за араб-

[1] Год, когда османские реформы (так называемый *Танзимат*) были введены в действие великим визирем Мустафой Рашидом-пашой.

ских разбойников. Увы, горе тому, кто попадал к ним в руки, ибо это было не лучше самой смерти. Они говорили обычно: *ашлах йахуди*, т.е. "еврей, раздевайся!"; видя их злобу и их ножи, еврей снимал одежду, и они делили ее между собой, оставляя его нагим и босым. Такую добычу они называют *касб Аллах*, т.е. награда от Аллаха. Семичасовый переход из Иерусалима в Хеврон полон был опасностей даже для большого каравана, а путешествие в малые города и подавно. До сего дня там принято по благополучном прибытии из одного города в другой возносить благодарственную молитву. Если еврей встречает мусульманина в узком переулке, мусульманин говорит ему: *ишмал*, т.е. "проходи слева от меня". Если же еврей дотронется до него или ненароком толкнет, или, того хуже, запятнает его одежду либо обувь, тогда мусульманин набрасывается на него с побоями и зовет свидетелей, что де еврей оскорбил его, его веру и его пророка Мухаммада, и дело кончается тем, что еврея избивают до полусмерти. После этого его тащат в тюрьму, где подвергают всяческим наказаниям. Когда еврей проходит по базару, в него бросают камни, дергают его за бороду и пейсы, плюют на него и сбивают с него шапку. Несчастный еврей так запуган, что на все это не смеет и слова сказать, боясь за свою жизнь, он лишь бежит от них со всех ног, как от диких зверей, и благодарит Господа, что ему удалось вырваться из их лап. Если еврей, покупая что-нибудь у мусульманина, спрашивает цену и пытается торговаться, как это принято при купле-продаже, они накидываются на него и плюют ему в лицо и пинают его жестоко, пока не вынуждают его купить вещь за первоначальную цену. В Иерусалиме есть знатная мусульманская семья, некие Абу Ша'ати, злобные ненавистники евреев.

Когда им нужно отнести что-либо с базара домой, они поджидают там, пока не увидят еврея, хотя бы и старика, или почтенного богача, или ученого мужа. Им это все равно — они избивают его в свое удовольствие, пока он не согласится отнести груз к ним домой. Раз это приключилось с пресвятым рабби Исайей Бардаки[2], благочестивейшим евреем, дни которого с юности протекали в изучении Торы и в благих делах. Увидев его, они пинками заставили его тащить на спине тяжелый груз к ним в дом. Если же они увидят еврея в платье зеленого цвета, то в ярости хватают его, срывают с него одежду и бросают его в тюрьму, заявляя, что он оскорбил их религию, ибо только их религиозным лицам дозволено носить зеленый цвет. Также и еврейские женщины не отваживаются выходить на улицу, боясь мусульманского непотребства.

И множество иных мучений переносят евреи, которые перо устает описывать. Особенно тяжко нам приходится, когда мы посещаем кладбище [на Масличной горе] и молимся у Стены плача, а они бросают в нас камни и измываются над нами (гл. 4).

М.Райшер*

[2] Исайя Бардаки (1790—1862) — главный раввин ашкеназской общины в Иерусалиме и вице-консул России и Австрии в сороковых годах 19 в.

* Моше бен Менахем Мендел Райшер — польский путешественник (19-й век).

104. Евреи Багдада (1877)

...Душевная мука заставляет нас поведать нашему народу о том, как мы страдаем. Собратья наши в Багдаде и по сей день живут в уничижении

и подставляют лицо руке, бьющей их. Они изнывают от притеснений и гонений от мусульман этого города, которые по-прежнему кричат нам: "Отойди в сторону, нечистый!", и встречают нас бранью и плюют нам в лицо. Стоит еврею пройти по улице, как эти волки собираются вокруг него и закидывают его отбросами и грязью. Если еврей — важная особа и носит нарядный тюрбан, они завидуют ему и сшибают его головной убор в грязь. Однажды это случилось с одним из наших самых видных негоциантов, когда он сидел вместе с другими купцами, мусульманами. Его тюрбан сбросили наземь. Он, однако, хранил молчание, дабы не привлекать внимания окружающих и не подвергнуться издевкам. Мне не хватило бы бумаги, чтобы перечислить все бесконечные мучительные невзгоды, ежедневно выпадающие на нашу долю. Я расскажу лишь один случай, который покажет вам, что нам приходится терпеть от жителей этой страны.

Однажды еврей дал взаймы денег мусульманину. В условленный срок он пришел требовать деньги обратно. Мусульманин нагло ответил, что он не может в настоящее время вернуть долг, и что еврей — не ангел смерти, который имеет право требовать немедленной уплаты. Разочарованный еврей ругнул ангела смерти, чему мусульманин чрезвычайно обрадовался, увидев в этом повод избежать уплаты. Он начал кричать прохожим-мусульманам: "Слышали, как еврей обругал нашу веру? Теперь по закону ислама он заслуживает смерти!" Прохожие окружили еврея и принялись избивать его, пока не потекла кровь. Каждый проходивший мимо считал своим долгом ударить несчастного еврея. Они не успокоились, пока не сволокли его в тюрьму, где он и остался, ожидая, пока будет решено, как поступить с ним по закону ислама. Так вот, мы

умоляем наших братьев, особенно представителей Alliance Israelite: не оставьте ваших багдадских собратьев и сообщите своим уважаемым правительствам об ужасных страданиях, выпавших на нашу долю. Походатайствуйте за нас, пусть они взглянут на нас благосклонно и положат конец избиениям и преследованиям, которые мы терпим от этим дикарей, ибо мы слышали, что ваше правительство защищает всех тех, кто ищет прибежища под его эгидой. Господь воздаст вам за вашу доброту.

С.Бехор*

* Рабби Соломон Бехор-Хусейн (1842—1892) — знаменитый багдадский книгопечатник, руководитель общины и журналист.

105. Евреи Марокко (1888)

Увы, мне пришлось испытать не только радость во время моего пребывания в этом городе [Фесе], ибо солнце моего блаженства затмилось мрачной тучей, и покой мой был смущен. Мне пришлось быть там свидетелем необычайного зрелища и постигнуть вещи, о некоторых я не имел понятия. Перо дрожит в моей руке и бумага увлажняется моими слезами, когда я вспоминаю ужасную картину, представшую перед моими глазами в первый день месяца нисан [апрель] 1888 года — в первый день весны, когда живые молятся за мир покоящихся во прахе, да почиют они в мире во веки веков. Но здесь, в этом городе, все было иначе, ибо здесь мертвых терзают и над останками их жестоко измываются. Мертвым, страдавшим от преследований при жизни, грозили теперь пресле-

дования и после смерти. Первого нисана я, выходя из синагоги, обратил внимание на моих собратьев-евреев, обитающих в Меллахе. В городе внезапно повеяло какой-то жутью; мужчины, женщины и дети пустились бежать в сторону кладбища. Я подумал, что здесь это, может быть, такой обычай — молиться в этот день за покойных, как мы то делаем в Иерусалиме накануне нового месяца. Я последовал за ними, желая помолиться и припасть к могилам святых. Но когда я достиг кладбища, сердце мое перестало биться, кровь застыла в моих жилах, и я остановился как вкопанный при виде ужасной картины, которая навеки останется в моей памяти. Вся окрестность оглашалась жалобными стенаниями. Со всех сторон неслись рыдания и плач. Одни кричали, другие проливали слезы, иные же в неописуемой спешке мастерили мешочки из холста или небольшие ящички. Руки их дрожали, глаза переполнялись слезами; тем временем всюду поднимались клубы пыли, застилавшие солнечный свет. Что же означала эта горестная картина? На рассвете, вооружившись кирками, султанские стражники заполонили еврейское кладбище и поразбивали все надгробия. Султан[1] желал расширить свой дворец, а для этого решил увеличить свои владения за счет кладбищенской земли, примыкавшей ко дворцу. Ему теперь не довольно показалось земли старого кладбища, очищенного по его приказу за три года перед тем. Кто не содрогнулся бы и не зарыдал при виде надругательства над святыми могилами, при виде людей, собирающих в мешочки кости своих родных и близких, дабы захоронить их в ином месте? Под новое кладбище власти назначили заболоченный пустырь. Целый день над осквернен-

[1] Мюлей Хасан (1873—1895).

ной святыней разносились стоны и плач. Я сам стоял там до самой ночи, словно опавшее дерево, и слезы струились из моих глаз. С этого дня вся красота этого города уподобилась для меня змеиному яду. Мне казалось, что я нахожусь в долине зла, откуда изгнано всякое милосердие. Исполненный горечи, я оплакивал судьбу моих собратьев, терпевших столькие бедствия в этой несчастной стране. Ибо еврей почитается существом омерзительным. Его дозволено мучить, вырывать его волосы и бить до смерти, и, хотя он якобы находится под покровительством властей, насильников накажут не более, чем если бы они убили бессловесное животное. И долго после этого я пребывал в унынии, и воспоминание об этой ужасной картине не выходило у меня из головы даже ночью, когда я лежал в постели. Душа моя поражена была более, нежели их души, ибо они примирились со своей судьбой... Такова горестная участь моих братьев в этой варварской стране. Я могу лишь молить Господа, дабы Он освободил их из этих оков, дабы Он вывел их из тьмы и привел в Сион, где их увенчает наконец свет и ликование (сс. XI,XII).

А.Бен-Шимон*

* Рабби Рафаэль Ахарон Бен-Шимон (1848—1928) родился в Рабате, в Марокко, и с ранней молодости жил в Палестине. В 1887 году был послан в Фес, чтобы ознакомиться с положением тамошних евреев. Он написал много книг, редактировал старинные рукописи. По его настоянию Соломон Шехтер перевез *Каирскую генизу* в Кембридж. Под конец жизни Бен-Шимон вернулся в Палестину и поселился в Тель-Авиве.

106. Евреи Туниса (1888)

Целая книга понадобилась бы, чтобы описать жизнь здешних евреев и их отношения с [мусульманскими] соседями, и у меня не достанет времени, чтобы сделать это удовлетворительно. Но я все же должен упомянуть об этом предмете, чтобы он не остался за пределами моего отчета. В прошлом[1] были мусульмане, которые почитали евреев за добропорядочных соседей, другие видели в них не более чем рабов, тогда как третьи обращались с ними самым возмутительным образом. Религиозный фанатизм побуждает мусульман к скверному обращению с немусульманами, ибо, согласно их представлениям, последние считаются неверными. А потому наши братья подвергались бесконечным бедствиям, которыми осыпали их мусульмане, так что многих вынудили обратиться в ислам или довели до безумия. Были и такие, что покидали город или уходили в дикую пустыню и там пропадали, а других убивали средь бела дня. Некоторых казнили власти вследствие ложных наветов. Одного убили недавно за безнравственный поступок, а другого казнили за оскорбление ислама (европейцы приложили немало усилий к тому, чтобы добиться большей свободы и более цивилизованных условий жизни в этом смысле, и почти преуспели). Еврею в этой стране запрещается носить такую же одежду, какую носят мусульмане, и красную феску. Его можно увидеть на улице, склоняющимся в глубоком поклоне перед мальчишкой-мусульманином, позволяющим тому бить себя по лицу — традиционная мусульманская привилегия, которая может привести к самым серьезным последствиям. Даже и пишущий эти

[1] Перед началом французского протектората в 1881 г.

строки сам подвергался подобным побоям. Обидчик в таком случае действует с полной безнаказанностью, ибо таков обычай с незапамятных времен. И много других подобных мучений терпят наши единоверцы: "Я предал хребет мой бьющим и ланиты мои поражающим; лица моего не закрывал от поруганий и оплевания" (Исайя, 50:6). Потому еврей есть жертва всяческих оскорблений, ибо таков удел Вечного Жида в странах изгнания.

Феллах

107. Изгнанники возвращаются в Сион

Зимми из Йемена (1881—1910)

И они справляли праздник [Кущей] с великой радостью. И во все время празднества, днем и ночью, мужчины и женщины говорили только об Эрец-Исраэль [Земле Израиля]. И все евреи, бывшие в Сане, и все евреи Йемена сговорились между собой продать все свои дома и все свое добро, чтобы на эти деньги отправиться в свою страну. И почти никто из них не спал и не дремал по ночам от жгучего стремления и желания и страстного порыва любви к Эрец-Исраэль. И так сильно эта любовь разгорелась в их сердцах, что они побросали все свои деньги, продавая дома свои и имущество за восьмую часть их цены, лишь бы добыть денег на оплату проезда по суше и по морю.

Исход из Йемена, Тель-Авив (без даты)

Первый караван [йеменских] евреев успешно добрался [до Иерусалима]... Этот, второй караван,

ЕВРЕИ ИЗ ХАРРАНА (ЮЖНАЯ ТУРЦИЯ)

а также и третий, недавно прибывший из Саны и окрестных гор, застряли в Худайде. Турецкие власти запретили им выехать в Иерусалим. Приказ этот в высшей степени беззаконен, ибо генерал-губернатор Йемена решил воспрепятствовать их отъезду только после того, как эти несчастные распродали мусульманам все свое небогатое достояние. К сожалению, я ничего не могу сделать для них без распоряжения из Константинополя. Необходимо также, чтобы эти несчастные люди как можно скорее покинули Худайду, где им нечем заработать себе на жизнь. Один из этих бедняков, стремясь избежать голодной смерти, вынужден был недавно обратиться в ислам. К несчастью, меня известили о его отступничестве лишь после того, как он стал мусульманином; я еще надеюсь спасти его, отослав его в Иерусалим, как только окончится карантин и пароходы начнут принимать пассажиров...

В настоящее время в Худайде находятся сто семей этих несчастных, всего 300 мужчин, женщин и детей (с. 21).

Письмо (29 ноября 1881) от Александра Луччана, французского вице-консула в Худайде, Йемен, к президенту *AIU* в Париже. Архивы *AIU* (Франция VIII D49). См. также **300**.

Следуя на запад, йеменские евреи достигали Красного моря, оттуда они на *самбуках* добирались до Джедды, до Худайды и до Адена, где садились на пароходы, идущие в Египет, в Палестину и в европейскую часть Турции. Последнему каравану, покинувшему Хайдан, который находится на расстоянии одного дня пути от Са'ады, понадобилось три года, чтобы добраться до Яффы. Очутившись, наконец, на побережье, эти несчастные оказались

без копейки денег и отправились на север пешком через весь Ассир; по дороге они работали на арабов — женщины шили, а мужчины делали ювелирную работу. Таким образом, прибыв в Джедду, они набрали себе денег на проезд морем в Яффу (с. 109).

См. 260

Прибытие евреев из Урфы, (Юго-Восточная Турция) (1896)

К середине октября в наш город [Иерусалим] прибыло десять халдейских семей из Урфы — на иврите *Ур Касдим* — родины Авраама[1].

Мы привыкли к тому, что на Святую Землю кучками стекаются евреи, всегда нищие, из России, Румынии, из Алеппо, из Багдада, Йемена и т.д. В то время как эти последние обычно малы ростом, слабосильны и тщедушны, пришельцы из Урфы поразили нас красотой своего обличия. Мужчины их высокого роста, крепкие и благородной осанки; женщины белокожи, с тонкими чертами лица, некоторые замечательно хороши собой. Со всех сторон ко мне обращались с вопросами о них, и наконец пришли они сами. Я не смог удержаться от искушения и сделал с них фотографический снимок.

Я спросил их, почему они покинули свою страну.

"Нам жилось там очень хорошо, — ответили они. — Мы обрабатывали поля мусульман, весьма плодородные. Одну восьмую часть мы отдавали владельцу, а одну восьмую платили в виде податей. Но мы потеряли всякий покой со времени беспорядков

[1] *Ур Касдим* ("Ур Халдейский", расположенный в южной Месопотамии — современном Ираке) спутан здесь с Урфой (древней Эдессой), находящейся в Турции, в семидесяти пяти милях к северо-западу от Алеппо (Сирия).

в Армении[2], так как мусульмане стали очень враждебны и во время резни нередко принимали нас за армян. В одной семье погибла дочь, которой перерезали горло, в другой точно так же погибла сестра или сын, так что нам пришлось уйти и искать себе прибежища здесь. Мы хотим работать; в нашей стране нету бедных и все работают".

Пока что я обратился к благотворительной организации молодежи "Бней-Исраэль" с просьбой устроить сбор средств в пользу этих людей, чтобы заплатить за их жилье и купить для них муки, риса, немного масла и т.д.

Поскольку работы для них сейчас нет, я купил им бурдюки, и они начали продавать воду. Я нанимал их к нам на всякого рода работы, даже на очистку выгребных ям. Но теперь работы снова нет, и приходится давать им некоторое вспомоществование.

Вследствие реформ, провоглашенных Его Величеством султаном, местные власти решили набрать в полицию десяток евреев. Начальник полиции попробовал зачислить их, но они отказались из-за субботы, а также потому, что предпочитают земледельческую работу.

Эти халдеи, разумеется, не совершенны. Как и у всех наших единоверцев — как у всех людей, — у них есть свои недостатки. Однако, помимо великолепных физических качеств, которыми они обладают (судите по фотографии), они понятия не имеют о таких словах как "Америка" или "Трансвааль", а главное, почти примитивный образ жизни делает их особенно пригодными для развития страны и привязывает их к земле, которую они возделывают. Они также более послушны и легче

[2] Первая резня армян в Урфе произошла 28 окт. 1895 г., вторая — 28-29 дек. 1895 г. (см. выше, гл. 3, прим. 9).

ЗИММИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ В СИОН
Йеменские евреи на пути в Израиль через Аден (1948)

в обращении, нежели наши европейские братья по вере. Прилагаю список этих семей (список содержит имена членов десяти семей, в общей сложности сорок два человека в возрасте от двух до пятидесяти лет).

N.B. Что касается простоты их нравов, выходцев из Урфы можно сравнить с нашими единоверцами из Персии и Йемена — все они подданные Османской империи, все удовлетворяются весьма немногим и не стремятся ни к чему иному, как только зарабатывать себе на хлеб и исповедовать без помех религию наших предков. Судя по всему, евреи Курдистана похожи на них [евреев из Урфы]. Люди этого рода могут стать основой для устойчивого, многообещающего экономического развития Хаурана [северо-восточная Трансиордания, сегодня часть Сирии].

Письмо от 13 декабря 1896 г. от [Ниссима Бехара (?), директора] *AIU*, Иерусалим, к главному раввину [Парижа и Франции Цадоку Кану]. Архивы *AIU* (Израиль, I. C. 5)[3].

Повседневный быт в Йемене (ок. 1945)

До нашего отъезда из Йемена в 1949 году еврею запрещалось писать по-арабски, владеть оружием, а также ездить верхом на лошади или верблюде. Евреи могли ездить только на ослах, да и то боком, свесив ноги на одну сторону, и обязаны были при встрече с мусульманином соскакивать наземь и обходить его. Пешеход обходил мусульманина слева. Евреям запрещалось заходить в мечети, но и мусульманам нельзя было заходить в синагоги.

[3] Автор благодарит Давида Литтмана за это письмо и фотографию евреев из Хаурана.

Арабы запрещали нам носить башмаки, так что в детстве, когда мы ходили собирать хворост для варки пищи, мы их обычно прятали. Отойдя подальше, мы обувались, а на обратном пути снова разувались и прятали башмаки в хворосте. Арабы часто нас обыскивали, и если находили башмаки, то наказывали нас и запрещали собирать хворост. А мы должны были стоять, опустив голову, и глотать обиды и оскорбления. Арабы называли нас "вонючими собаками".

Еврейские дети, осиротевшие до пятнадцати лет, насильно обращались в ислам. Родные пытались спасти их и прятали их в стогах сена. Затем детей переправляли в другие села, где они укрывались в других семьях и получали другие имена. Иногда детей клали в гробы и говорили арабам, что они умерли вместе с родителями. А затем им помогали скрыться.

Один из моих братьев [рассказывает Ханна] ходил, как это было принято, работать в арабский дом, к знакомым нашей матери. Как-то раз мы слышим, оттуда доносится громкий шум. Моего брата нарядили в красивую одежду и посадили на лошадь. Он был в восторге... ему было пять лет. Одна арабка пришла к нам тайком и сообщила, что его хотят сделать мусульманином. Мать моя работала далеко от дома, отца уже не было в живых. Туда пошел мой дядя, забрал брата, запер его и строго наказал.

Один из моих дядей работал у арабов. Он был еще очень молод, но уже имел жену и четверых детей. Как-то раз арабы решили обратить его в мусульманство. Они заперли его в комнате, связали его и пробовали насильно накормить его похлебкой с мясом, запрещенным нашей религией [вероятно, верблюжьим]. Они сильно избили его, а затем легли спать. Моему дяде удалось освободиться от пут и

бежать. Он вернулся домой и все время плакал, и ничего не говорил. Его расспрашивали, но он не отвечал, а все плакал и плакал. Он не хотел ни есть, ни пить. Два дня спустя он умер. Когда стали обмывать его тело, то увидели, что оно сплошь покрыто ранами. Позже мы узнали, что произошло, потому что арабы тайком все нам рассказали.

Несколько моих двоюродных братьев осиротели. Один из наших дядей взял их и бежал из деревни. Он укрывал их пять лет. Арабы разыскивали его повсюду и, наконец, нашли. Сельский староста сказал ему: "Если бы я тебя так хорошо не знал, я бы тебя убил за то, что ты сделал".

Евреи работали на всех работах, кроме земледельческих. Они шили арабам обувь, а сами не имели права ее носить. Мы любили имама Йахью [убитого 17 февраля 1948 г.], нам было при нем хорошо. Он защищал нас и был справедлив... [Автор часто слышал такого рода заявления от многих йеменских евреев. Преемником Йахьи был его сын Ахмад, позволивший 44000 евреев эмигрировать в Израиль в 1949—50 гг.].

Из интервью автора (8 октября 1982) с Ханной [Лолу] и Са'адией бен Шломо Акива [Аква]; первая родилась в Дамаре, второй — в Менахе (Йемен). С 1949 года оба граждане Израиля, живут в Нес-Ционе.

108. Изгнание евреев из Святой Земли (1892—1896)

Иерусалим

В прошлый вторник, в три часа пополудни, множество евреев и другого люда столпилось около

новых складов или лавок на улице Яффо, напротив гостиницы Филя. Подойдя поближе, я услышал доносящиеся из одного из них жалобные женские вопли. Те, кто был внутри, изо всех сил пытались открыть двери, а полиция и кучка мусульманских молодчиков заваливали эти двери булыжниками, причем полиция била по рукам и головам тех, кому удавалось высунуться наружу. Я сразу понял, что означает эта ужасная сцена.

Как вы знаете, несколько групп персидских евреев, которые покинули свою страну, стремясь, как они уверяют, спастись от преследований [см. док. 85], прибыли за последние два месяца через Яффу в Иерусалим. Называют цифры в 50, 80 и 100 семей, но по моим сведениям их, самое большее, от 50 до 60 семейств, т.е. около 150 человек, включая детей.

Еврейская община выделила им для поселения участок земли около Силоама, но они, недовольные этим участком, вступили в перепалку с одним из раввинов-устроителей, а тот имел неосторожность вызвать для наведения порядка полицию. Это дошло до сведения паши [губернатора], который тут же телеграфировал в Порту [турецкое правительство в Константинополе] и получил приказ изгнать их из страны.

И вот теперь с самого утра полиция всюду и везде выискивает персидских евреев и с побоями загоняет их в импровизированную тюрьму на складе, где их собираются держать в неволе, словно диких зверей, до тех пор, пока не соберут всех и не отправят обратно в Яффу для посадки на корабль.

Мне рассказывали о женщине, которую схватили на улице и насильно потащили с собой, меж тем как она жалобно вопила, ибо в ее жалкой хижине остался ее младенец. Другую, как меня заверили, — беременную, ударами погнали в тюрьму в самый

момент родовых схваток. Картина была душераздирающая и возмутительная для всех человеческих чувств.

Я обратился к полицейским, протестуя против их бесчеловечного, жестокого обращения с несчастными изгнанниками, в особенности с женщинами и девушками, но они были слишком возбуждены и озлоблены и грубо ответили мне, что действуют по приказу сверху. На вопрос: "Разве они совершили какое-либо преступление?" — единственным ответом мне было, что это не мое дело.

Будучи уверен, что Вы великодушно не пожалеете усилий, чтобы облегчить их страдания, я решил немедленно обратиться к Вам; но по пути я узнал, что Вы уже просили аудиенции у паши, но тот отделался уверением, что это дело внутренней администрации; я узнал также, что Вас нет дома.

Тогда я обратился к г-ну Ниссиму Бахару [Бехару], управляющему школ и мануфактурных предприятий Alliance Israelite, человеку весьма влиятельному и здравомыслящему. Там я нашел троих виднейших раввинов, которые хотели видеть его по тому же печальному поводу. Он вскоре пришел, и мы провели целый час в обсуждении этого предмета. Было решено добиваться отсрочки, с тем, чтобы мужчины, женщины и дети не должны были отправляться в путь пешком, в холодную ночь, подгоняемые конными солдатами; доставить им кров и пищу и устроить так, чтобы их отправляли группами и в повозках. На склад, как нам стало известно, согнали уже более 80 человек. Я предложил приютить их у меня в доме[1], хотя бы на эту ночь, пока им не найдется какое-нибудь другое

[1] Автор, преподобный А.Бен Олиэль, крещеный еврей, был протестантским миссионером.

прибежище, а также снабдить их всем самым необходимым, но было решено, что лучше всего устроить их в помещениях главной синагоги. Зная, что пашу раздражают ходатайства в пользу преследуемых изгнанников, мы попытались связаться с начальником полиции, но он, как выяснилось, уехал в Яффу. По моему совету на склад послали двух раввинов, чтобы успокоить вопящих и горько рыдающих женщин. Раввины уверили их, что прилагаются все усилия для облегчения их страданий, и это произвело желаемое действие.

Наступила ночь, но ничего не удалось сделать. Тогда г-н Ниссим и несколько раввинов собрались с духом и пошли к паше, и на счастье им удалось добиться просимой отсрочки, предложив себя гарантами в исполнение приказов Порты и обязавшись лично выслать изгнанников из страны. Вчера выехало в повозках около тридцати человек, а остальные будут отправлены в воскресенье или в понедельник. Они едут под присмотром раввина и в сопровождении переводчика.

Дело осложняется тем, что эти евреи говорят по-персидски, а не по-арабски; вдобавок люди они, по большей части, неимущие, так как все их скромное достояние ушло на оплату долгого странствия по суше и по морю. Народ они сильный и выносливый, эти персидские евреи, и даже их женщины обладают замечательно крепким сложением. Для этой страны бездельников и лентяев они были бы настоящей находкой.

Г-н Р.Скотт-Манкрифф[2], филантроп и покровитель еврейских беженцев из России и вообще всех

[2] Иерусалимский агент основанного г-жой Элизабет Финн общества помощи местным евреям, "Виноградник Авраама", впоследствии известного как "Общество для облегчения участи преследуемых евреев".

бедняков в Яффе, здесь и в других местах, великодушно позаботился о дневном пропитании для этих несчастных (2:478—480).

Письмо от 11 февраля 1980 года от преподобного А. Бен Олиэля из "Миссии Пресвитерианского союза" к Джону Диксону, британскому консулу в Иерусалиме. Цит. по **136**.

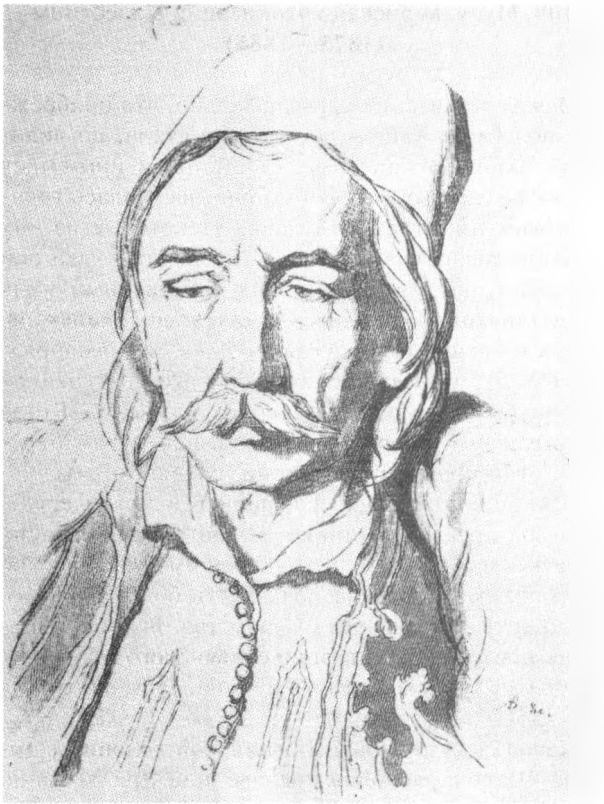
Хауран

Вам, без сомнения, известно, что местные власти грозят выселением евреям небольшого сефардского поселка "Артуи" (?), так же, как и жителям другого поселения в Хауране[3]. Если их выселят, это будет для наших палестинских общин настоящей катастрофой. Уже сейчас положение евреев на Святой Земле самое бедственное. Видя, как обращаются с нами власть имущие, арабское население тоже приучается обращаться с нашими единоверцами самым унизительным образом. У еврея здесь нет никаких прав; ничтожнейший из мусульман оскорбляет и притесняет его, а он не смеет и рта раскрыть, ибо за малейшее слово его обвинят в оскорблении мусульманской религии, а это ведет к опасным последствиям.

Письмо от М. Энджела, директора *AIU* (Яффа) к президенту *AIU* (Париж), датированное 15 сент. 1896 г. Архивы *AIU* (Израиль, I.C. 5)[4].

[3] Об османской политике исламизации на Ближнем Востоке (в том числе в Хауране) см.: Плэнхол, сс. 259,260, и Карпат. См. также выше, гл. 4, прим. 5.

[4] Автор благодарит Давида Литтмана за предоставление этого письма.



МУСУЛЬМАНСКИЙ САНОВНИК ИЗ БОСНИИ
Гравюра А.Б. по рисунку Т.Валерио (1851—1852)

109. Мусульманская колонизация Палестины (1875—1885)

Между тем весьма примечательно, что прибрежная полоса от Хайфы до Кесарии стала, по-видимому, центром наплыва колонистов и иноземцев самых различных рас. В Кесарии поселилась группа новых иммигрантов-славян. Некоторые из них немного говорят по-турецки. Арабского языка они не знают, но учатся ему. Их собственный язык представляет собой один из славянских диалектов. Когда в Боснии и Герцеговине начались беспорядки (1875), приведшие затем к русско-турецкой войне, филантропы возмущенно зашумели... Когда он [аграрный вопрос] был разрешен путем передачи этих провинций Австрии, славянско-мусульманская аристократия, оказавшись, в свою очередь, жертвой преследований со стороны своих бывших крестьян и покровительствующей им христианской державы, мигрировала под власть более близкого ей по духу султанского государства. Возникло любопытное явление миграции славянского населения из-под австрийской власти в Азию, дабы очутиться под властью мусульман.

Неподалеку от новой Боснийской колонии в долине Шарон расположены две или три колонии черкесов. Это те самые люди, которые участвовали в болгарских зверствах. По иронии судьбы, они очутились теперь в трех-четырех милях от колонистов той расы, которую они там избивали. Также и они, спасаясь от христианского правления [в Австрии], нашли прибежище под покровительственным крылом султана, где, к сожалению, как я уже писал в предыдущем письме, они по-прежнему предаются своим хищническим наклонностям. В непосредственной близости к ним разбиты черные

КРЕСТЬЯНИН-ХРИСТИАНИН ИЗ БОСНИИ
Гравюра А.Б. по рисунку Т.Валерио (1851—1852)

шатры туркменского племени. Они принадлежат к старинной ветви сельджуков, и из той же колыбели вышли теперешние правители Турецкой империи. Они обитают здесь уже около трехсот лет и забыли турецкий язык, но несколько месяцев назад с гор Месопотамии прибыла новая волна мигрантов. Эти кочевники говорят только по-турецки, они надеялись на теплый прием у своих давних соплеменников в долине Шарон. В этом их постигло разочарование, и теперь они, к моему величайшему недовольству, разбили свои палатки на отрогах Кармеля, где их огромные длинношерстные верблюды и собственные их необъятные шаровары составляют любопытный контраст с верблюдами и одеждами бедуинов, вид которых нам знаком (сс. 238,239).

См. **218**

IV
НОВЕЙШИЙ ПЕРИОД

110. Муфтий Иерусалима и нацисты (1943—1944)

Диктор немецкого радио описывает митинг в Берлине 2 ноября 1943 года:

Мы находимся в здании военно-воздушных сил в Берлине, где собрались арабские лидеры на митинг протеста против Декларации Бальфура. Зал украшен арабскими флагами и портретами арабских патриотов. Помещение наполняется арабами и мусульманами из всех мусульманских стран. Среди них марокканцы, палестинцы, ливанцы, йеменцы, люди из Хеджаза, индийцы, иранцы и представители мусульман со всей Европы. Среди последних множество дружественных к арабам немцев, высокие правительственные сановники, как гражданские, так и военные, один из начальников СС, представители иностранных посольств во главе с дипломатами из посольства Японии. В зале сотни людей, а сейчас я вижу, как сюда входит муфтий Иерусалима. Он пожимает руки нескольким высокопоставленным лицам и поднимается на сцену для произнесения речи (с. 49).

После нескольких антиеврейских цитат из Корана, Хадж Амин эль-Хуссейни, глава Верховного арабского комитета (Палестинское арабское национальное движение), заявляет:

Мусульмане всех арабских стран едины в своем противостоянии врагу, грозящему им сегодня в Палестине и иных местах, — а именно, англичанам.

Версальский договор был величайшим бедствием как для немцев, так и для арабов. Но немцы знают, как избавляться от евреев. Арабов сближает с немцами и приводит нас в их лагерь тот факт, что вплоть до сегодняшнего дня немцы не причинили вреда ни одному мусульманину, и что сегодня они снова сражаются с нашим общим врагом (аплодисменты), притеснявшим арабов и мусульман. Но, превыше всего, они окончательно разрешили еврейский вопрос. Все эти узы, и в особенности последняя, делают нашу дружбу с Германией не временным явлением, зависящим от обстоятельств, но прочной, длительной дружбой, основанной на общих интересах (с. 49).

Поздравительная телеграмма
от Генриха Гиммлера, главы СС

Великий муфтий! Национал-социалистическая партия начертала на своем знамени лозунг: "Уничтожение мирового еврейства". Наша партия поддерживает борьбу арабов, в особенности арабов Палестины, против чужака-еврея. Сегодня, в день годовщины Декларации Бальфура, шлю вам мои приветствия и пожелания успеха в вашей борьбе (с. 50).

1 марта 1944 года в 12 часов 30 минут пополудни муфтий выступил по берлинскому радио. Заклеймив евреев, Великобританию и Америку, он закончил призывом к арабам "восстать на битву".

Арабы, восстаньте как один человек и сражайтесь за свои священные права. Убивайте евреев всюду, где найдете их. Это угодно Богу, истории и религии. Так вы охраните свою честь. Господь с вами (с. 51).

См. **226**

111. Палестинская *зимма*

"...Наша революция, веруя в свободу и достоинство человека, ставит на первое место укрепление основ, посредством которых она сможет выкорчевать расизм и покончить со всеми формами оккупации сионистских поселенцев. В то же время она разрабатывает гуманную программу, которая позволит евреям жить достойно, как они жили и в прошлом, под эгидой арабского государства и в рамках арабского общества" (с. 454).

Декларация ООП от 19 октября 1968 года (см. арабский текст в Ежегоднике ООП за 1968 год). Официальный английский перевод в Зухейр Диаб, ред. *Интернациональные документы по Палестине (1968)* (Институт изучения Палестины, Бейрут, 1971).

112. *Джихад* в наше время (1968)[1]

Определение джихада

Слово *"джихад"* означает напряжение всех сил. Оно означает также упорную борьбу до полного изнеможения.

Бороться с врагом — значит сражаться с ним.

С точки зрения религии *джихад* означает напряжение всех сил для того, чтобы отразить врагов и побороть их.

Джихад есть исламское слово, которое другие народы понимают как "война" (с. 182).

Ради чего провозглашается джихад

Ученые мужи вели споры о том, ради каких целей следует объявлять *джихад* в законодательном порядке.

Некоторые говорили: *джихад* провозглашается для того, чтобы служить орудием распространения ислама. Это значит, что немусульмане должны принять ислам либо по собственной воле, следуя призыву разума и доброму совету, либо против воли, посредством борьбы и *джихада*. Исходя из вышеназванных соображений, эти ученые мужи основывают иностранную политику исламского государства на следующих принципах:

I. Отказ от *джихада* и предпочтение ему мира и слабости противозаконны, кроме тех случаев, когда преследуется цель выиграть время, поскольку в му-

[1] Тексты приводятся по Каирской публикации 1970 г. Переводчик пытался отчасти сохранить стиль оригинала (речи произносились по-английски).

сульманах заметно ослабление, противник же, наоборот, силен.

Если кто-либо нападает на мусульман, *джихад* становится личной обязанностью каждого мусульманина, пригодного к нему.

В прочих же случаях обязанность эта выполняется доверенными лицами, то есть некоторая часть мусульман ведет *джихад*, тогда как на остальных эта обязанность не распространяется.

Если же из целой нации ни одна часть ее не ведет *джихад*, вся нация погрязает в грехе.

II. Война — основа взаимоотношений между мусульманами и их противниками, разве что существуют разумные причины, оправдывающией мир, например, они принимают ислам, либо с ними заключается мирное соглашение.

III. Территория ислама (*дар ал-ислам*) есть земля, управляемая законом ислама и обеспечивающая безопасность всех своих обитателей, равно мусульман и народов Писания.

Территория войны (*дар ал-харб*) есть земля, находящаяся вне власти ислама, и жизнь ее обитателей не столь безопасна, как у мусульман (с. 184).

Ислам выработал идеальную манеру поведения и гуманные принципы, которым должны следовать мусульмане, не забывая о них и во время войны. Ислам есть религия Всевышнего на земле вплоть до Последнего Дня.

Эти законы, которые установил ислам и которыми мусульмане должны руководствоваться перед битвой и во время ее, суть самые милосердные и гуманные законы, известные людям...

Первый из этих законов запрещает внезапное нападение на противника. Этот закон требует сперва призвать неверных к обращению в ислам. Если они отвергают это условие, тогда пусть сохранят

свою религию, но платят *джизью* за защиту и покровительство. Все эти шаги следует предпринять, прежде чем вступать с ними в сражение (с. 231).

Кроме того, мусульмане вправе нарушить свое соглашение с врагами, если подозревают, что те могут предать их...

Измена была делом евреев всегда и во все времена; при всякой возможности предать других первым их побуждением было нарушить соглашение с ними, прибегнув к вероломству. Аллах Всемогущий обязал мусульман соблюдать свои соглашения с врагами и вести свои дела с ними справедливо и открыто. Обязательство это возложено на мусульман не из слабости и немощности, но в ознаменование силы и поддержки свыше. Аллах помог мусульманам одержать победу во всех их боях и сражениях с вероломными, лицемерными евреями (сс. 239,240).

Ал-Табарани в своей книге *(Ал-Аусат)* приводит такие слова: "Ложь есть грех во всех случаях, кроме тех, когда к ней прибегают ради благополучия мусульманина или ради спасения его от беды" (с. 247).

Шейх Абдалла Гоша, Верховный судья Хашемитского Королевства Иордания

Вступительная речь

Опыт показывает, что отнятое силой может быть возвращено только силой, что шеи, искривленные высокомерием, выпрямятся только от ударов, наносимых нами, арабами и мусульманами. С дозволения и с помощью Аллаха, мы можем добиться победы благодаря тем возможностям, какие дает нам наше богатство и наши люди, наши обширные и плодородные земли, наша история, блистающая

славой и боевыми подвигами, наша религия, терпимая, но суровая и благородная, содержащая в себе все устои совершенства...

Ваша достопочтенная конференция вызвана арабской, исламской и патриотической необходимостью ввиду нынешнего положения, при котором арабы и мусульмане стоят перед лицом самых серьезных трудностей. Все мусульмане ожидают от вас, что вы разъясните смысл повеления Аллаха касательно палестинской проблемы, что вы провозгласите это недвусмысленно и ясно по всему арабскому и мусульманскому миру. Мы считаем, что ни один араб, ни один мусульманин не освобожден от *джихада* (священной войны), ставшего теперь обязанностью всех арабов и мусульман — обязанностью освободить землю, оградить честь, отомстить за [утраченное] достоинство, восстановить мечеть ал-Акса и церковь Воскресения Господня и очистить лоно пророчества, родину откровения, место, где встречались пророки, откуда свершилась Исра[2] и где царил дух святой, от скверны сионизма — врага человека, истины, справедливости, врага Аллаха.

Уравновешенное суждение, выраженное искренне и с твердой убежденностью, есть первый шаг на пути к победе. Мы надеемся на суждение мусульманских ученых, черпающих свои заключения из Книги Аллаха и из Сунны его Пророка. Пусть Аллах охраняет вашу встречу и направляет ваши шаги! Да окажется ваше решающее слово достойным наших ожиданий и да прольет оно свет на весь арабский и мусульманский мир, дабы прев-

[2] Ночное восхождение Пророка в небо, после того, как он был перенесен ночью, во сне, "в мечеть отдаленнейшую" (Коран, 17:1), предположительно в Иерусалим.

ратиться в боевой клич, зовущий миллионы мусульман и арабов на поле *джихада*, который вернет нам место, некогда бывшее нашим (с. 20).

Если мы желаем добра нашему народу (*умма*) и если благочестивые его члены намерены извлечь его из бездны, в которую он пал, то достичь этого можно только и прежде всего умелым руководством, воспитанием и обучением.

Путь этот, однако, не подходит народу, превратившемуся в легкую добычу для псов человечества, ставшему жертвой отбросов общества, вдобавок к собственной развращенности. Кроме обучения, руководства и воспитания, необходимо пробудить в нем его мужское начало и устремить вперед всю мощь действенного *джихада* и терпеливой борьбы...

Ислам есть религия, ниспосланная Аллахом к благополучию всех народов, дабы служить основой их жизни на земле и руководством во всех их делах на протяжении веков и событий. Аллах сделал исламскую нацию наилучшими людьми, разрешая им то, что хорошо, и запрещая то, что дурно. Поэтому Аллах доверил ей предводительство и руководство всем родом людским, дабы она вела все народы на пути добра и покорности (Аллаху) в соответствии с этим правилом и с этим законом, заключающим в себе исчерпывающее определение целей всей вселенной вообще и человеческого существования в частности (с. 132).

А потому все народы земли, в ближних и дальних ее пределах, имеют право узнать об этом призыве свыше, и никто не смеет отклонять их от него и лишать их его преимуществ.

Когда призыв этот коснется их сердец и озарит их, все народы будут вправе свободно решить, что им нужно, и выбрать, чего они желают, по собственной непререкаемой воле, не ограничива-

емой никакой властью, никакой силой и не сдерживаемой никакими привилегиями.

Тот, кто примет его, не должен подвергаться ничьим преследованиям, и его не должно понуждать к отречению от него никакими средствами силы и власти. Принявший этот призыв не должен препятствовать его возобладанию. Эта цель может быть достигнута только тогда, когда мусульмане исполняют свой долг... Они обязаны способствовать продолжению и преобладанию истинной веры. Неусыпный надзор за этим невозможен без *джихада*, и потому Аллах Всемогущий предписал его мусульманам (с. 133).

Итак, *джихад* укрепил религию и умножил число верующих в Аллаха, поэтому *джихад* считается одним из столпов ислама, и верные всячески стараются постигнуть его и придерживаться его как можно тверже. Когда враги захватывают исламскую землю, внезапно подвергают опасности мусульман, стремятся завладеть их достоянием и надругаться над скромностью мусульманских женщин, тогда *джихад* становится личной обязанностью. Каждый, кто только в силах, обязан сражаться всеми способами, дабы спасти свою страну. Он должен защищать свою религию, свою честь и свою родину.

Для тех, кто живет далеко, *джихад* есть долг по доверенности, то есть он может быть выполнен или взят на себя одними людьми взамен других, не обязанных принимать участие в войне.

Различные средства помощи и поддержки воинам *джихада*, такие, как снабжение их деньгами, использование устного и печатного слова, применение политических приемов и привлечение других людей к участию в войне суть неотъемлемая часть

джихада как личной обязанности. Такова моя точка зрения по этому вопросу...

Джихад имеет также другое значение, и в этом случае обязанность распространяется на всех мусульман (каждый человек должен взять ее на себя сам). Этот род *джихада* заключается в стараниях накопить как можно больше денег, которые предназначены для ведения войны между мусульманами и их врагами.

Имея деньги, мы можем снабдить мусульманских воинов оружием, боеприпасами, провиантом и лекарствами.

Этот род *джихада* может означать также борьбу с помощью печати и всех прочих средств информации. Следует мобилизовать на борьбу все интеллектуальные силы, имеющиеся в распоряжении мусульман, индивидуально и коллективно, даже если они находятся далеко от поля боя.

Некоторые ученые считают, что мусульмане, находящиеся вдали от поля битвы в Палестине, такие, как алжирцы, марокканцы, мусульмане Африки, Саудовской Аравии, Йемена, Индии, Ирака, России и Европы, поистине впадают в грех, если не спешат обеспечить все возможные средства для достижения успеха и для победы ислама в борьбе с их врагами, врагами их религии. Ведь эта битва есть не просто сражение двух воюющих сторон, но битва двух религий (то есть религиозная война). Сионизм есть не что иное, как опаснейшая раковая опухоль, цель которой — подчинить себе арабские страны и весь мир ислама (сс. 136,137).

Шейх Хассан Халид, муфтий Ливанской республики

Наше мусульманское сообщество твердо придерживается веры и системы, не являющихся изобретением человеческого ума, а потому неуязвимых для ошибок и лжетолкований. Оно преклоняется перед своим славным прошлым и неразрывно связано со своим великим Пророком. Его нынешний враг (все тот же старый враг) тождествен тому, с кем его Пророку приходилось иметь дело в ранние времена ислама. А потому оно обязано противостоять этому врагу до тех пор, пока Всемогущий не унаследует землю и все, что на ней (с. 508).

На протяжении долгих веков мусульманской истории евреи под властью ислама были бессильны. Но в наши дни колониальные державы сумели претворить их планы в жизнь. Как только мусульмане отбросили Закон ислама как руководство к жизни, евреи смогли основать свое собственное государство в самом сердце мусульманского мира, бросить вызов мусульманам и одержать над арабами три победы одну за другой (сс. 523,524).

А потому нынешние мусульмане никогда не должны вступать с ними в мирные переговоры, ибо доказано вне всякого сомнения, что они [евреи] суть не что иное, как банда грабителей и преступников, которым недоступны понятия доверия, веры и совести.

Наш возврат к исламу (истинному учению) восстановит в мусульманской общине ее жизненные устои, сила которых возродит в нас выдержку и непоколебимость, уверенность в себе и волю, отвагу и веру. Так станет возможным установление справедливой власти, способствующей миру и процветанию во всем мире.

Мы выстроим тогда внутри исламского мира предприятия по производству вооружения, так, чтобы мусульманам не приходилось ввозить его из

вражеских стран, которые, без сомнения, наложат запрет на такого рода экспорт из страха, что это оружие будет использовано против них (с. 526).

Шейх Абдул-Хамид Аттия Ал-Дибани, ректор Исламского университета Ливии

Различные степени джихада

Джихад, как уже говорилось, был провозглашен для того, чтобы отражать нападения и устранять препятствия, стоящие на пути распространения ислама в немусульманских странах (с. 61).

Завершение войны

Джихад не закончится никогда, ибо он будет длиться вплоть до Дня Воскресения. Но по отношению к тем или иным группам людей война может завершиться. Она заканчивается, когда цели войны достигнуты, нападение агрессора отражено и с ним заключается соглашение, либо постоянный мирный договор, либо перемирие и т.д.; этот вопрос мы уже подробно рассмотрели в отдельной работе, написанной мною с Божьей помощью (с. 88).

Джихад не ограничивается мобилизацией войск и созданием мощных вооруженных сил. Кроме регулярной армии, он принимает также различные другие формы. Со всех земель ислама пусть соберется воедино группа людей, твердых в вере, снабженных средствами и хорошо обученных, и пусть они изводят захватчика, не давая ему покоя непрерывными нападениями, пока захваченная им земля, которую он надеялся видеть текущей молоком и медом, не превратится для него в место вечной муки.

Враги наши творят бесчинство на одной из на-

ших мусульманских земель — давайте же и мы (в отмщение) сотрем их колонии с лица земли. Не будем отчаиваться, Господь нам поможет. Нет иного пути вернуть утраченную землю, кроме как жертвуя жизнью в борьбе. Принесем же эту жертву. Вот программа действий для всех неутомимых в борьбе, и пусть на поле чести и *джихада* мусульмане соревнуются друг с другом. "О вы, которые уверовали! Если поможете Аллаху, поможет Он вам и укрепит ваши стопы". (Коран, 47:7) (с. 103).

Шейх Мухаммад Абу Зара, египетский член Академии исламских исследований

113. Хомейни о правительственной власти, джихаде и о том, что почитается нечистым

Исламская форма правления есть правление волей Божьей, и законы его никто не может ни заменить, ни изменить, ни оспорить (с. 19).

Законодательная власть принадлежит всецело одному лишь Святому Пророку ислама, и никто кроме него не может вводить законы; любой закон, исходящий не от него, должен быть отвергнут (с. 20).

Священная война (*джихад*) означает захват немусульманских территорий. Она может быть объявлена после образования мусульманского правительства, достойного этого имени, и ведется под началом имама или по его приказу. Тогда долг каждого взрослого, физически пригодного человека — добровольно отдать все свои силы этой завоевательной войне, конечная цель которой есть владычество закона Корана по всей земле от края и до края. Мир, однако, должен понять, что всемирное верхо-

венство ислама существенно отличается от гегемонии других завоевателей. Для этого прежде всего следует установить исламскую форму правления, основанную на власти имама, чтобы он смог предпринять такое завоевание, которое будет отличаться от иных завоевательных войн несправедливого и тиранического характера, не знавших высоконравственных и цивилизованных принципов ислама (сс. 22,23).

Нечистота неверных

Одиннадцать вещей являются нечистыми: моча, испражнения, сперма, кровь, кости, немусульманин, как мужчина, так и женщина, вино, пиво, пот верблюда, питающегося отбросами (с. 59).

Все тело немусульманина нечисто, даже его волосы, его ногти и все выделения его тела (с. 62).

Ребенок, не достигший половой зрелости, чьи родители и родители родителей немусульмане, нечист; если же у него есть мусульманский предок, тогда он чист (с. 63).

Тело, слюна, выделения из носа и пот немусульманина, мужчины или женщины, принимающего ислам, автоматически становятся чистыми. Что до их одежды, то если она соприкасалась с потом их тела до обращения, она остается нечистой.

Нет строгого запрета мусульманину работать на возглавляемом мусульманином предприятии, где работают также евреи, если только продукция этого предприятия не идет каким-либо образом на пользу Израиля. Но позорно [мусульманину] слушаться приказов начальника-еврея (с. 160).

Аятолла Сеид Рухолла Хомейни

114. Арафат о религиозном братстве и *джихаде*

Палестинская проблема занимает центральное место в справедливой борьбе, которую неутомимо ведут трудящиеся массы под игом империализма и притеснений. Я сознаю, что такая же возможность обратиться с речью к Генеральной Ассамблее, которая предоставлена мне, должна быть предоставлена всем иным освободительным движениям, борющимся против империализма и расизма (с. 183).

Еврейское вторжение в Палестину началось в 1881 году. До прибытия первой крупной волны поселенцев Палестина насчитывала полмиллиона жителей, по большей части мусульман и христиан, и около 20000 евреев. Каждая группа населения пользовалась религиозной терпимостью, свойственной нашей цивилизации.

Палестина была тогда зеленой страной, населенной арабским народом, который строил свою жизнь и развивал свою богатую национальную культуру (с. 185).

Нашему народу невыносимо больше видеть распространение мифа о том, что его родина была якобы пустыней, пока труд чужеземных поселенцев не превратил ее в цветущий сад, что это была страна без народа и что община поселенцев не причинила никому ни малейшего зла. Нет, подобная ложь должна быть разоблачена с этой трибуны, человечество должно знать, что Палестина

была колыбелью древнейших культур и цивилизаций. Ее арабские обитатели обрабатывали землю и строили, распространяя культуру по всей стране на протяжении тысячелетий, показывая пример веротерпимости и свободы вероисповедания, ревностно охраняя святыни всех религий. В сокровищнице памяти моего народа и моей собственной, как сына Иерусалима, хранятся прекрасные воспоминания и живые картины религиозного братства, отличавшего наш Святой Город до того, как он пал жертвой катастрофы. Наш народ продолжал вести эту просвещенную политику, пока не было создано государство Израиль и мы не оказались в рассеянии. Но и это не остановило наш народ в исполнении его гуманной роли на земле Палестины. Не допустит он также, чтобы их земля превратилась в стартовую площадку агрессии, в расистский лагерь сил, разрушающих цивилизацию, культуру, прогресс и мир. Наш народ может сберечь наследие предков лишь сопротивляясь захватчикам, беря на себя почетную обязанность защищать свою родину, свою арабскую национальную принадлежность, свою культуру и цивилизацию, и охраняя неприкосновенность колыбели монотеистических религий (с. 186).

В то время как мы во весь голос осуждали уничтожение евреев при нацистском режиме, сионистское руководство явно было гораздо больше заинтересовано в том, чтобы наилучшим образом использовать его для своей цели — иммиграции в Палестину (с. 187).

Мы делаем различие между сионизмом и иудаизмом. В то время как мы неуклонно противостоим колониалистскому сионистскому движению, мы питаем уважение к еврейской вере [ибо эта религия

составляет часть нашего наследия][1] (с. 187).

Выдержки из речи Ясера Арафата на заседании Генеральной Ассамблеи ООН (Нью-Йорк), 13 ноября 1974 года. В *JPS* 4 (1975): 181—194. См. также *Международные документы по Палестине* (1974) (Институт изучения Палестины, Бейрут, 1977), сс. 134-44.

Телеграмма, направленная Арафатом Хомейни

Молю Аллаха, дабы Он направлял шаги ваши по стезе веры и священной войны в Иране в продолжение нашей борьбы, пока мы не достигнем стен Иерусалима, где поднимем знамена обеих наших революций.

Франс-Суар (Париж), 13 фев. 1979

[1] Эта фраза приводится во французском переводе речи Арафата в ООН, опубликованном в Швейцарии (Лозанна, 1975) *Комитетами поддержки палестинского народа* (Comites de Soutien au Peuple Palestinien).

115. Египетские копты обращаются к президенту Садату (1972)[1]

Национальная Ассамблея глав коптско-православной, коптско-католической и коптско-евангелической церквей состоялась в коптско-православном Патриархате в Александрии. Делегаты возмущены недавними провокациями и теми притеснительными мерами, которые, как оно объявило во всеуслышание, планирует министерство Вакфов [мусульманское министерство религии] и его различные отделы. Эти планы рассчитаны на то, чтобы возбудить ненависть населения и породить дискриминацию, которая неизбежно приведет к нашему уничтожению. Тем не менее, ни один ответственный правительственный орган не предпринял никаких мер к тому, чтобы пресечь этот вероломный заговор против национального единства...

Мы, делегаты этой Ассамблеи, испытывая на себе всю тяжесть этих беззаконий, совершающихся по всей стране, а также отдавая себе отчет в том, что Конституция гарантирует свободу всем гражданам, просим вас о следующем:

1. Положить конец сектантским, злокозненным

[1] После антикоптских волнений (1980—1981), в которых погибли и пострадали сотни человек, а несколько церквей были сожжены и разграблены, президент Садат арестовал 5 сентября 1981 года 1500 мусульман-фундаменталистов и 150 коптов, в том числе священников и епископов. Папа Шенуда III был выслан в пустынный монастырь, откуда вернулся в 1985 году. Рост фундаментализма в Египте привел к усилению антихристианских настроений и ухудшил положение коптов, по традиции награждаемых уничижительными кличками "примазавшихся" и "назареян" (европейцам присвоен термин "крестоносцев"). Мусульманские религиозные и политические вожди требуют, чтобы Коран стал единственной основой правления, что для христиан означало бы возрождение традиционных законоположений *зимма*.

КОРОНАЦИЯ КОПТСКОГО ПАТРИАРХА
ШЕНУДЫ III (1971)

замыслам министерства Вакфов и всех его филиалов.

2. Способствовать отмене ограничений, наложенных правительственными чиновниками на постройку новых церквей. Ссылка на то, что этот запрет вытекает из старого Оманского декрета, недействительна, ибо новая Конституция отменила прежний закон.

3. При приеме в университеты единственным критерием должны быть результаты выпускных экзаменов в средних школах, а не личное собеседование. Кроме того, чтение университетских лекций в мечетях и мусульманских учреждениях должно быть запрещено.

4. Научные работы, рассматривающие нашу религию с негативной точки зрения, такие, как "Израиль и мировой сионизм" или "Конференция по христианству", не должны выходить в свет.

5. Не должно быть дискриминации в отношении найма на работу на известные факультеты университетов и в другие высшие учебные заведения, а также следует отменить систему квот, применяемую к христианским студентам в специальных школах и тому подобных заведениях.

6. Не должны разрешаться к печати книги и статьи, направленные против нашей веры и нашего Священного Писания, в особенности против Ветхого Завета.

7. Жизненно необходимо проводить в жизнь [национальное] Соглашение и предохранять христианскую семью от опасностей, грозящих ей под предлогом предоставления ей легальной защиты. Следует затруднить бракоразводный процесс в той части закона, которая относится к личному статусу немусульман.

8. Планы, направленные на то, чтобы не допу-

скать христиан к замещению высоких [правительственных] должностей, должны быть отменены.

Г-н Президент, мы ожидаем от вас скорейшего ответа на наши просьбы. Мы не желаем подвергаться унижениям в нашей собственной стране. По решению делегатов, следующая Ассамблея состоится в Каире во вторник, 29 августа 1972 года. Таким образом, имеется достаточно времени для того, чтобы принять наши справедливые требования. В противном случае мы предпочтем мученическую смерть жизни в рабстве.

Мы полагаемся на вашу мудрость и уверены, что вы сумеете найти выход из этого опасного положения. Да хранит вас Бог и да дарует Он вашими усилиями победу нашей нации.

(подписано)

От коптско-православного Патриархата: преподобный Мина, патриарший викарий

От коптско-католической Церкви: преподобный Джибраел Гаттаас, патриарший викарий

От коптско-евангелической Церкви: пастор Лабиб Калдас (сс. 91,92).

Телеграмма (июль, 1972), посланная президенту Садату Ассамблеей Христианских Церквей в Египте. Англ. текст. в **197**, сс. 91,92.

116. Ливан: заявления архиепископа Игнация Мубарака (1947) и Башира Джемайля (1982)

...Если здесь, на Ближнем Востоке, на земле по большей части мусульманской, за нынешним ливанским правительством признается официальное право говорить от имени ливанской нации, мы хо-

тели бы ответить и доказать, что нынешние правители представляют лишь самих себя и что их так называемые официальные заявления диктуются лишь сиюминутными потребностями и вынужденной солидарностью, связывающей эту преимущественно христианскую страну с другими мусульманскими странами, которые окружают ее со всех сторон и включают ее, volens nolens, в свою политико-экономическую орбиту.

В силу своего географического положения, истории, культуры и традиций, в силу природы его обитателей и их привязанности к своей вере и идеалам, Ливан всегда, даже под оманским ярмом, хранил свою свободу от посягательств окружающих его наций и сумел уберечь неприкосновенность своей традиции.

С другой же стороны, Палестина, идеологический центр проповеди Ветхого и Нового Заветов, всегда была жертвой всяческих притеснений и беспорядков. Там с незапамятных времен все, что имело какое-либо историческое значение, подвергалось грабежу, разорению и разрушению. Храмы и церкви превращались в мечети, и роль этой восточной части Средиземноморья сошла, не без оснований, на нет.

Невозможно оспаривать тот исторический факт, что Палестина была родиной евреев и первых христиан. Все это были люди неарабского происхождения. Захватчики грубой силой вынуждали их к обращению в мусульманскую религию. Таково происхождение арабов в этой стране. Допустимо ли делать из этого вывод, что Палестина — арабская земля или была когда-либо таковой?

Исторические руины, памятники и священные воспоминания по-прежнему живы здесь, свидетельствуя о том, что страна эта никогда не была при-

частна к междоусобным войнам между князьями и монархами Ирака и Аравии. Святые места, храмы, Стена Плача, церкви и могилы пророков и святых — короче, все реликвии двух вер, — являют собой живые символы, самим своим существованием перечеркивающие нынешние заявления всех, кто из тех или иных побуждений желает превратить Палестину в арабскую страну. Включить Палестину и Ливан в группу арабских стран означало бы отрицать историю и нарушить социальное равновесие на Ближнем Востоке.

Эти две страны, эти две родины доказали сегодня, что им полезно и необходимо существовать в качестве отдельных и независимых государственных единиц.

Ливан всегда был и будет прежде всего прибежищем для всех преследуемых христиан Ближнего Востока. Именно здесь нашли себе приют армяне, спасшиеся от резни в Турции. Именно здесь нашли себе надежное пристанище халдеи, когда их изгнали из Ирака. Сюда бежали поляки из объятой огнем Европы. Здесь нашли себе дом и защиту семьи англичан из Палестины, спасавшиеся от терроризма.

Ливан и Палестина должны навсегда остаться постоянным прибежищем меньшинств.

...Важнейшие соображения социального, гуманного и религиозного характера требуют, чтобы в этих двух странах были созданы два отечества для меньшинств: страна христиан в Ливане, где она всегда и была; страна евреев в Палестине. Эти два центра, объединенные географическим положением и поддерживающие друг друга экономически, представят собой необходимый с точки зрения

культуры и цивилизации мост между Западом и Востоком. Добрососедские отношения между этими двумя нациями будут способствовать укреплению мира на Ближнем Востоке, постоянно раздираемом соперничающими силами, и уменьшит притеснение меньшинств, которые всегда найдут прибежище в этих двух странах.

Таково мнение ливанцев, которых я представляю; таково мнение этого народа, которое не дошло до слуха вашего Комитета по расследованию.

За закрытыми дверьми гостиницы "Софар" мы могли услышать лишь слова, продиктованные нашим так называемым законным представителям хозяевами и владыками соседних арабских стран. Подлинный голос ливанцев был задушен группой людей, которые фальсифицировали выборы 25 мая.

ЛИВАН ТРЕБУЕТ СВОБОДЫ ДЛЯ ЕВРЕЯ В ПАЛЕСТИНЕ — ТАК ЖЕ, КАК ОН ЖАЖДЕТ СОБСТВЕННОЙ СВОБОДЫ И НЕЗАВИСИМОСТИ.

Архиепископ Игнаций Мубарак

Выдержки из письма Игнация Мубарака, маронитского архиепископа Бейрута (5 августа 1947 года) к судье Сандстрому, Председателю комиссии по расследованию, *UNSCOP*, Женева, Швейцария. См. *Официальные протоколы Второй Сессии Генеральной Ассамблеи Объединенных Наций. Специальный комитет по палестинскому вопросу*; краткие протоколы заседаний 25 сентября — 25 ноября 1947 года (Нью-Йорк), сс. 57—59.

...От имени всех христиан Ближнего Востока мы, ливанские христиане, провозглашаем, что Ливан,

даже если ему не суждено стать национальной христианской страной, останется, тем не менее, родиной для христиан. Родиной для христиан прежде всего, хотя и для других также, если таков будет их выбор; родиной охраняемой и оберегаемой, где мы сможем отстроить наши церкви тогда и таким образом, как мы того захотим.

Ясер Арафат превратил церковь в Дамуре в гараж. Мы прощаем ему, и хотя они осквернили, испоганили и разорили церковь в Дамуре, мы отстроим ее заново. Происходи дело в Египте или в Сирии, у нас, вероятно, не было бы даже права восстановить разрушенную церковь.

Мы хотим по-прежнему жить на Ближнем Востоке и чтобы колокола наших церквей звонили в ознаменование наших радостей и печалей, когда мы того пожелаем!

Мы хотим по-прежнему крестить детей, соблюдать наши обряды и традиции, нашу веру и наше учение, когда только пожелаем!

Мы хотим открыто и беспрепятственно заявлять нашу принадлежность к христианству на Ближнем Востоке!

И какие бы трудности ни стояли на нашем пути, мы никогда не откажемся от провозглашения нашей веры. Мы будем провозглашать наше христианство в Ливане! Мы будем провозглашать наше христианство на Ближнем Востоке!...

Дабы Ливан поистине был тем Ливаном, какого мы желаем, он силой вещей должен оставаться страной свободы, родиной цивилизации. Иначе он уподобится Йемену или другим странам, где не осталось ни малейших следов нашего существования, никакой возможности для него. Как христианская часть Ближнего Востока, мы хотим отличаться от прочих и обладать страной, которая, даже и не

будучи — повторим еще раз — христианской национальной родиной, станет страной для христиан, страной, где мы можем жить достойно, не вынуждаемые никем к отрицанию нашей веры, как это было во время турок, когда нас, христиан, заставляли обходить их слева. Мы не желаем, чтобы нас заставляли носить какие бы то ни было отличительные знаки на теле либо на одежде, дискриминирующие нас как христиан, и не желаем жить на положении чьих-либо *зимми*!

Отныне мы отказываемся от любого рода *зимма*!

Мы не желаем больше ничьего покровительства!

Наши мученики защитили нас!

Наши мученики защитили наше дело!

Восемь лет подряд наши мученики защищали нашу свободу и наше присутствие на Ближнем Востоке, в то время как весь мир отрекся от нас, весь мир лишил нас права на наше наследие, весь мир игнорировал нас; когда же мы одержали победу, все превратились в наших друзей, все стали искать нашей дружбы.

В будущем мы считаем своим долгом вести себя по отношению ко всему миру, не стесняясь никакими комплексами.

Никому не удастся обвести нас вокруг пальца!

Никому не удастся превзойти нас в храбрости!

И никто так не защищал свою страну, как мы защищали нашу!

Нам не навяжут никакой иной, якобы превосходящей нашу, цивилизации, под предлогом, что она ближе к истине, чем мы.

Мы — не отсталый народ.

Мы не бедуины; верблюдов у нас нет.

Разве не стоит за нами шеститысячелетняя история, которой можно гордиться, разве не знаем мы, что делать для сохранения этого наследия?

...и я хочу, чтобы отныне и впредь мы, ливанцы, не страдали более никакими комплексами по отношению к кому бы то ни было и не боялись говорить правду невзирая на лица.

Только правда принесет нам теперь избавление.

Только правда позволит нам жить достойно.

Поскольку мы сорок лет обманывали мир, мир, в свою очередь, обманул нас.

Поскольку мы считали себя полными ничтожествами, мир презрел нас.

...И точно так же, как мы победили путем сопротивления, точно так же сегодня мы должны овладеть всем Ливаном, всеми его 10452 квадратными километрами! Мы должны овладеть всей страной, и земля эта должна стать землей свободы для всех ее сыновей, без различия религий, вер и убеждений. Превыше всего, страна эта должна оставаться надежным и мирным прибежищем для христианской общины Ближнего Востока, ибо мы не желаем долее пребывать в изгнании в Соединенных Штатах или в Европе; мы не желаем долее обходить их слева, не желаем становиться на колени, не желаем терпеть поражение!

Мы хотим жить здесь достойно!

Мы не желаем долее, чтобы нам проповедовали нравственность либо философию, чтобы нам давали деньги и поучали нас, как себя вести.

Только мы сами знали, что от нас требовалось, ибо не сделай мы того, что сделали, мы не находились бы здесь сегодня, и здесь не осталось бы ни единой монахини, ни единого священника и ни единого креста!..

См. 104

Запись речи (выдержки), произнесенной Баширом Джемайлем в Дейр-Салибе 14 сентября 1982 года. В тот же день в Восточном Бейруте он был убит — три недели спустя после избрания его президентом Ливана.

הספרייה של הפורום
הציוני • חיפה •
БИБЛИОТЕКА СИОНИСТСКОГО
ФОРУМА • ХАЙФА •
2836

ספריית חיפה
799

БИБЛИОГРАФИЯ

Книги и статьи, упомянутые в тексте, примечаниях или документах*

1. Abd al-Qadir as-Sufi. *Jihad: A. Groundplan*. London, 1978.
2. Abel, A. "Dar al-Harb". *EI*^{2} 2.
3. Abitbol, M. "Zionist activity in the Maghreb". *JQ*21 (1981).
4. Abraham, S. "The Jew and the Israeli in Modern Arabic Literature". JQ2 (1977).
5. Abu Yusuf, Ya'qub. *Kitab al-Kharadj* (Le Livre de l'impôt). Translated by E. Fagnan, Paris, 1921.
6. al-Adawi, Ahmad ad-Dardir (al-Maliki). *Fatwa*. Translated by Belin. JA 19 (1852).
7. Aldeeb Abu Sahlieh, S.A. *Non-Musulmans en pays d'Islam: cas de l'Egypte*. Fribourg, 1979.
8. Ali Bey (Badia y Leblich, D.). *Travels of Ali Bey in Morocco, Tripoli, Cyprus, Egypt, Syria and Turkey*, between the years 1803 and 1807, written by himself. 2 vols. London, 1816.
9. Anon. *The Exodus from Yemen*. Tel Aviv, n.d.
10. Anon. "Voyage en Palestine. II: Excursion en Terre Sainte" (1859). In *Le Tour du Monde* (Paris, 1st sem. 1860).

* Библиография дана на языках оригиналов источников.

11. Anon. *Het Ellendigh Leven der Turcken*, 1663.
12. Arberry, A.J. *The Koran Interpreted*. Oxford, 1964.
13. Ashtor, E. "Levantine Jewries in the Fifteenth Century". BIJS 3 (1975).
14. Ashtor, E. *A Social and Economic History of the Near East in the* Middle Ages. London, 1976.
15. Ashtor, E. (Strauss, E.) "The Social Isolation of Ahl adh-Dhimma". In *P. Hirschler Memorial Book*. Budapest, 1949.
16. al-Asnawi. *Al-kalimât al-Muhimma fi mubâsharat ahl adh-dhimma (An earnest appeal on the employment of the Dhimmis.)* See Perlmann. *BSOAS* 10 (1939—1942) and "Asnawi's tract..."
17. Attal, R. "Le Juif dans le proverbe arabe du Maghreb", *REJ* 122 (1963).
18. Attal, R. *Les Juifs d'Afrique du Nord: Bibliographie*. Jerusalem, 1973.
19. Attal, R. "Croyances et préjugés; image du Juif dans l'expression populaire arabe du Marghreb". In *Les Relations entre Juifs et Musulmans en Afrique du Nord* (Actes du Colloque International de l'Institut d'Histoire des pays d'Outre Mer). Paris, 1980.
20. Attal, R., and Tobi, Y. *Oriental and North African Jewry: An Annotated Bibiography (1974—1976)*. Jerusalem, 1980.
21. al-Azhar (Academy of Islamic Research), ed. *Kitab al-Mu'tamar al-Rabi'li-Majma'al-Buhuth al-Islamiyya*. 2 vols. Cairo, 1968.
22. al-Azhar. (Ibid., English ed.) *The Fourth Conference of the Academy of Islamic Research*. 1 vol. Cairo, 1970.
23. Baer, G. "The Development of Private Ownership of Land". In *Studies in the Social History of Modern Egypt*. Chicago, 1969.
24. al-Baladhuri. *Kitab Futuh al-Buldan (The Origins*

of the Islamic State). Translated by P.K. Hitti. New York, 1916.
25. Baron, S.W. *A Social and Religious History of the Jews*. 2d ed. 15 vols. New York, 1952—1973.
26. Barton Lord, P.*Algiers, with Notices of the Neighbouring State of Barbary*. 2 vols. London, 1835.
27. Bashan, E. *Shivyah u-fedut ba-Hevra ha-Yehudit be-Arzot ha-Yam ha-Tikhon (1391—1830) (Captivity and Ransom in the Mediterranean Jewish Society)* (Hebrew). Jerusalem, 1980.
28. Bat Ye'or. "Aspect of the Arab-Israeli Conflict". *WLB* 32, n.s. 49/50 (1979).
29. Bat Ye'or. *Yehudei Mizrayim (Jews in Egypt)* (Hebrew). Tel Aviv, 1974. See Masriya.
30. Bat Ye'or. "Zionism in Islamic Lands: The Case of Egypt". *WLB* 30, n.s. 43/44 (1977).
31. Bat Ye'or. "Terres Arabes: Terres de'Dhimmitude'". In *La Cultura Sefardita* (vol. 1). *RMI* 49, nos. 1—4 (1983).
32. Bazin, R. *Charles de Foucauld: Explorateur du Maroc, Ermite au Sahara*. Paris, 1921.
33. al-Bazzaz, A.R. *This is Our Nationality* (Arabic). Cairo, 1974.
34. Becker, J. *The PLO: The Rise and Fall of the Palestine Liberation Organisation*. London, 1984.
35. Bekhor-Husayn, S. (Letter on Jews of Baghdad). *ha-Zefirah* (Hebrew) (Warsaw, 1877). 3d year, no. 9, 22d Adar.
36. Ben Bella, A. "Tour contre Israël". *PI* 16 (Paris, 1982).
37. Benjamin, I.J. *Eight Years in Asia and Africa (1846—1855)*. Hanover, 1859.
38. Bensimon-Donath, D. *Immigrants d'Afrique du Nord en Israël*. Paris, 1970.
39. Ben Shimon, R.A. Ahabat ha-Qadmonim *(Love of our Ancestors)* (Hebrew). Jerusalem, 1889.

40. Ben Zvi, I. *The Exiled and the Redeemed*. London, 1958.
41. Bible. *King James Authorized Version* (1611).
42. Binswanger, K. *Untersuchungen zum Status der Nichtmuslime im Osmanischen Reich des 16. Jahrhunderts: mit einer Neudefinition des Begriffes "Dimma"*. Munich, 1977.
43. Bonar, A.A., and M'Cheyne, R.M, *Narrative of a Mission of Inquiry to the Jews from the Church of Scotland in 1839*. Edinburgh, 1842.
44. Bonsal, S. *Morocco as It Is*. London, 1891.
45. Boody. *To Kairwan the Holy*. London, 1885.
46. Bowring, J. *Report on the Commercial Statistics of Syria*. London, 1840, reprint, New-York, 1973.
47. Brawer, A.J. "Damascus Affair". *EJ* 5.
48. Brooke, A. de C. *Sketches in Spain and Morocco*. 2 vols. London, 1831.
49. Broughton, E. *Six Years Residence in Algiers*. London, 1839.
50. Bruun, D. *The Cave Dwellers*. London, 1898.
51. Bryant, W.C. *Letters from the East*. New York, 1869.
52. Bryce, J., ed. *The Treatment of the Armenians in the Ottoman Empire (1915—1916)*. London, 1916.
53. Buckingham, J.S. *Travels in Palestine*. London, 1821.
54. al-Bukhari. *Al-Sahih (Les Traditions islamiques)*. Translated by O. Houdas and W. Marçais. 4 vols. Paris, 1903—1914.
55. Cahen, C. "Histoire économico-sociale et islamologie: le problème préjudiciel de l'adaptation entre les autochtones et l'Islam". In *Les* Peuples musulmans dans l'histoire médiévale. Damascus, 1977.
56. Cahen, C. "Dhimma". *EI*^{2} 2.
57. Cahen, C. "Djizya". *EI*^{2} 2.
58. Cahen, C. "Kharadj". *EI*^{2} 4.
59. Campbell, P. *Report*. (1839). See Bowring.

60. Campbell, T. *Letters from the South*. 2 vols. London, 1821.
61. Canard, M. "Arminiya". *EI*[2] 1.
62. Carré, O. "Juifs et Chrétiens dans la Société islamique idéale d'après Sayyid Qutb" (d. 1966), *RSPT* 68 (1984).
63. Carrouges, *M. Foucauld: Devant l'Afrique du Nord*. Paris, 1961.
64. du Caurroy. "Législation musulmane sunnite, rite Hanéfi", *JA* 17, 18 (1851) and 19 (1852).
65. Cazès, D. *Essai sur l'Histoire des Israélites de Tunisie*. Paris, 1888.
66. Charles-Roux, F. *Les Echelles de Syrie et de Palestine au XVIIIe siècle*. Paris, 1928.
67. Chouraqui, A.N. *La Condition juridique de l'Israelite Marocain*.Paris, 1950.
68. Chouraqui, A.N. *Between East and West: A History of the Jews of North Africa*. Philadelphia, 1968.
69. Cohen, A. *Palestine in the Eighteenth Century: Patterns of Government and Administration*. Jerusalem, 1973.
70. de Contenson, L. *Chrétiens et Musulmans*. Paris, 1901.
71. *Corpus Scriptorum Historiae Byzantinaea*. (Bonn, 1892).
72. Crawford, J.V. *Marocco at a glance*. London, 1889.
73. al-Damanhuri. *Iqamat al Hujja al-bahira ala hadm kana'is Misr wa-l-Qahira (Presentation of the clear proof for the obligatory destruction of the churches of Old and New Cairo)*. See Perlmann.
74. Dandini, J. *Voyage du Mont Liban*. Paris, 1685.
75. De Amicis, E. *Le Maroc*. Paris, 1882.
76. Dennet, D.C. *Conversion and the Poll-Tax in Early Islam*. Cambridge (Mass), 1950.
77. al-Dibani, A-H.A. "The Jewish Attitude towards

Islam and Muslim in Early Islam" (1968). See al-Azhar.
78. Djaït, H. *La Personnalité et le Devenir Arabo-Islamiques*. Paris, 1974.
79. Doutté, E. *Missions au Maroc: En Tribu*. Paris, 1914.
80. Dulles, J. W. *The Ride through Palestine*. Philadelphia, 1881.
81. Fagnan, E. "Arabo-Judaïca". In *Mélanges Hartwig Derenbourg (1844—1908)*. Paris, 1909.
82. Fagnan, E. "Le Signe distinctif des juifs au Maghreb". *REJ* 28 (1894).
83. Fattal, A. *Le Statut légal des non-Musulmans en pays d'Islam*. Beirut, 1958.
84. Fellah. "The Situation of the Jews of Tunis, September 1888". *Ha-Asif (The Harvest)* (Hebrew) 6 (Warsaw, 1889).
85. Fenton, P.B. "Jewish Attitudes to Islam: Israel Heeds Ishmael". *JQ* 29 (1983).
86. Feriol, A. *Explication des Cent Estampes qui représentent Différentes Nations du Levant avec de Nouvelles Estampes de Cérémonies Turques qui ont aussi leurs explications*. Paris, n.d. [ca. 1714—15].
87. Février, L. "A French Family en Yemen". *AS* 3 (1976).
88. Finn, J. *Stirring Times, or Records from the Jerusalem Concular Chronicles (1853—1856)*. 2 vols. London, 1878.
89. Fischel, W.J. *Jews in the Economic and Political Life of Mediaeval Islam*. London, 1937; reprint, 1968.
90. Fischel, W.J. "The Jews in Medieval Iran from the 16th to the 18th Centuries: Political, Economic and Communal Aspects". Paper, International Conference on Jewish Communities in Muslim Lands (Institute of Asian and African Studies. Ben Zvi Institute, Hebrew University). Jerusalem, 1974.
91. Fischel, W.J., *ed. Unknown Jews in Unknown Lands:*

The Travels of Rabbi David d'Beth Hillel. New York, 1973.

92. Fontanier, V.X. *Voyage dans l'Inde, dans le Golfe Persique par l'Egypte et la Mer Rouge*. 2 vols. Paris, 1844/1846.
93. de Foucauld, C. *Reconnaissance au Maroc (1883—1884)*. Paris, 1888.
94. Franco, M. *Essai sur l'Histoire des Israélites de l'Empire Ottoman depuis les origines jusqu'á nos jours*. Paris, 1897.
95. Frank, L. "Tunis, Description de cette Regence". In *L'Univers. Histoire et description de tous des peuples. (Algérie, Etats Tripolitains, Tunis)*. Edited by J.J. Marcel. Paris, 1862.
96. Fuller, J. *Narrative of a Tour through Some Parts of the Turkish Empire*. London, 1829.
97. Fumey, E. *Choix de correspondances marocaines (50 lettres officielles de la Cour chérifienne)*. Paris, 1903.
98. Galanté, A. *Le Juif dans le proverbe, le conte et la chanson orientaux*. Istanbul, 1935.
99. Ganiage, J. *Les Origines du Protectorat Français en Tunisie (1861—1881)*. Paris, 1959.
100. Gaudefroy-Demombynes, M. *Mahomet*. Paris, 1969.
101. Gedaliah of Siemiatyce. *Sha'alu Shelom Yerushalayim (Pray for the peace of Jerusalem)* (Hebrew). Berlin, 1716.
102. Gemayel, B. "Libérer le Liban". *PI* 16 (Paris, 1982).
103. Gemayel, B. "Liban: il y a un peuple de trop..." *Le Nouvel Observateur*, Paris, 19 June 1982.
104. Gemayel, B. "Notre Droit à la différence" (Le discours-testament de Bachir Gemayel). *Bulletin d'information* (Union libanaise—Suisse) no. 1 (Dec. 1982).

105. Ghazi b. al-Wasiti. "An answer to the Dhimmis and to those who follow them". See Gottheil.
106. Ghoshah, A. "The Jihad is the Way to Gain Victory" (1968). See al-Azhar.
107. Gidney, W.T. *History of the London Society for Promoting Christianity amongst the Jews from 1809 to 1908*. London, 1908.
108. Gil, M. "The Constitution of Medina: A Reconsideration". *IOS* 4 (1974).
109. Givet, J. *The Anti-Zionist Complex* (with an introduction by D.P. Moynihan). New Jersey, 1982.
110. Godard, L. *Le Maroc, notes d'un voyageur, 1858—1859*. Algiers, 1859.
111. Goitein, S. D. "Evidence on the Muslim Poll Tax from non-Muslim Sources: A Geniza Study". *JESHO* 6 (1963).
112. Goitein, S.D. *Jews and Arabs: Their Contact through the Ages*. 3d ed. New York, 1974.
113. Goitein, S.D. A Mediterranean Society: *The Jewish Communities of the Arab World as Portrayed in the Documents of the Cairo Geniza*. 4 vols. Berkeley and Los Angeles, 1967/1971/1978/1984.
114. Goldberg, H.E. *The Book of Mordechai: A Study of the Jews of Libya*. Philadelphia, 1980.
115. Goldberg, H.E. "The Tripolitain Pogrom of 1945". *PS* 8 (The Hague, 1977).
116. Goldziher, I. *Le Dogme et la Loi de l'Islam: Histoire du dévelopement dogmatique et juridique de la religion musulmane*. Transslated by F.Arin. Paris, 1921; reprint, 1973.
117. Gorgi, M. *Qorot ha-Zemanim (Chronicle of Afghan Jewry)* (Hebrew). Jerusalem, 1970.
118. Gottheil, R.J.H. "Dhimmis and Moslems in Egypt". *In Old Testament and Semitic Studies in Memory of W.R. Harper*. 2 vols. Chicago, 1908.

119. Gottheil, R.J.H. "An Answer to the Dhimmis". *JAOS* 41 (1921).
120. Goulven, J. *Les Mellah de Rabat-Salé*. Paris, 1927.
121. Green, D.F. ed. *Arab Theologians on Jews and Israel: Extracts from the Proceedings of the Fourth Conference of the Academy of Islamic Recearch 1968*. 3d ed. Geneva, 1976.
122. Guérin, M.V. *Description de la Palestine*. 7 vols. Paris 1868.
123. Guillaume, A. *The Life of Muhammad (Ibn Ishaq's Sirat Rasul Allah)* Translated, with introduction and notes. Oxford, 1955.
124. Haim, S.G. ed. *Arab Nationalism: An Anthology*. Berkeley: Univercity of California, 1976.
125. Hakohen, M. *Highid Mordekhai (Mordechai Narrated)* (Hebrew). Jerusalem, 1968.
126. Halévy, J. "Mission au Maroc" (1876). Archives *AIU* (France IX A73). Also in *BAIU* (1st sem. 1877).
127. ha-Levi, Se'adyah. (A Hebrew Chronicle). See Tobi.
128. Halpern, M. *The Politics of Social Change in the Middle East and North Africa*. Princeton, N.J., 1963.
129. Harkabi, Y. *Arab Attitudes towards Israel*. New York, 1972.
130. Harkabi, Y. *Palestinians and Israel*. Jerusalem, 1974.
131. Harkabi, Y. *The Palestinian Covenant and Its Meanings*. London, 1979. von Hess-Wartegg, E. *Tunis, the Land and the People*. London, 1882.
132. Hill, D.R. *The Termination of Hostilities in the Early Arab Conquest (A.D. 634—656)*. London, 1971.
133. Hillel, David d'Beth. *The Travels of Rabbi David d'Beth Hillel from Jerusalem through Arabia, Ko-*

ordistan, Part of Persia and India to Madras. Madras, 1832.
134. Hirschberg, H.Z. *A History of the Jews in North Africa*. 2 vols. Leiden, 1974/1981.
135. Hizkiya, *Arnes mi-Hizkiya (Hizkiya's elegy)*. Ms. 341, Collection Elkan Adler. Translated by W.Bacher. *REJ* 48 (1904).
136. Hyamson, A.M. *The British Consulate in Jerusalem in Relation to the Jews of Palestine (1838—1914)*. 2 vols. London, 1939.
137. Hyamson, A.M. "The Damascus Affair — 1840" Transactions, *JHSE* 16 (1945—51).
138. Ibn Abdun. (*Traité sur la vie urbaine et les corps de métiers)*. See Lévi-Provençal.
139. Ibn Abi Zayd al-Qayrawani. *La Risala (Epître sur les éléments du dogme et de la loi de l'Islam selon le rite mâlikite)*. Edited and translated by L.Bercher. 5th ed. Algiers, 1960.
140. Ibn Aqnin. *Tibb an-nufus (Therapy of the Soul)* (Judeo-Arabic). Bodl Ms. Neubauer 1273 (Oxford).
141. Ibn Askar. *Dawhat al-nasir (The Dawn of Victory)*. See Vajda, "Un Traité..."
142. Ibn Attar, H. *Zikkaron li-benei Yisrael (In Memory of the Sons of Israel)*. See Hirschberg.
143. Ibn Battuta. *Rihla (Voyages)*. Edited and translated into French by C.Defremery and B.R.Sanguinetti. 4 vols . Paris, 1854; reprint, Paris, 1979.
144. Ibn Ezra, Abraham. *Ahah yarad al sefarad* (Poem: "O, there descended..."). See Hirschberg.
145. Ibn al-Fuwati. *Al-hawadit al-jami'a (Comprehensive History of Baghdad)* (Arabic). Baghdad, 1932.
146. Ibn Khaldun. *Al Muqaddima (An Introduction to History)*. Translated by F.Rosenthal. 3 vols. New York, 1958.
147. Ibn an-Naqqash. "Fetoua relatif à la condition

des zimmis et particulièrement des Chrétiens en pays musulmans, depuis l'établissement de l'Islam. jusqu'au milieu du 8e siècle de l'Hégire". Translated by Belin. *JA* 18 (1851), 19 (1852).
148. Ibn Qayyim al-Jawziyya. *Sharh ash-shurut al-Umriyya (Commentary on the Covenant of 'Umar)* (Arabic). Edited by S.Salih. Damascus, 1961.
149. Ibn Abd ar-Rabbih. *Al-Iqd al-Farid* (Arabic). Cairo, 1884.
150. Ibn ar-Rijal, *An-Nusus az-zahira fi ijla al-yahud al-fajira (The Plain Explanation of the Expulsion of the Wretched Jews)* (Arabic). Edited by A.al-Hadi al-Tazi. JYCSR 4 (1980).
151. Ibn Taghribirdi. *An-Nujum az-Zahira fi-Muluk Misr wa'l-Qahira (The Brilliant Stars in the Kings of Misr and Cairo)*. See Fagnan, Arabo-Judaïca.
152. Ibn Taymiyya. See Laoust, Shreiner.
153. Ibn al-Wazir. Tabaq al-Halwa *(The Pleasant Plate)* (Arabic). Ms. Br. Museum, entry for 1115 H. (1703).
154. Idris, H.R. "Contributions à l'histoire de l'Ifriqiya" *(Riyad an-Nufus d'Al-Maliki). REI* (1935).
155. Isaac b. Samuel of Acre. *Osar Hayyim (Treasure-Store of Life)* (Hebrew). Ms.Ginzburg 775 fol. 27b. Lenin State Library, Moscow.
156. al-Jili. *Al-insan al-kamil (The Perfect Man)* (Arabic). Cairo, 1970.
157. Karpat, K.H. "The Ctatus of the Muslim under European rule: The eviction and settlement of the Cerkes". *JIMMA* 1, no. 2, 2, no. 1 (1979—1980).
158. Kattan, N. *Adieu Babylone*. Montreal, 1975.
159. Kedourie, E. *Arab Political Memoirs and Other Studies*. London, 1974.
160. Kepel, G. *Le Prophet et Pharaon: Les mouvements islamistes dans l'Egypte contemporaine*. Paris, 1984.

161. Kerr, R. *Pioneering in Morocco*. London, 1894.
162. Khadduri, M. *War and Peace in the Law of Islam*. Baltimore, 1955.
163. Khalid, H. "Jihad in the Cause of Allah" (1968). See al-Azhar
164. Khomeini, S.R. *Principes politiques, philosophiques, sociaux et religieux*. Translated and edited by J.-M. Xavière. Paris, 1979.
165. Koran. See Arberry.
166. Laffin, J. *The PLO Connections*. London, 1982.
167. Landau, J.M. *Jews in Nineteenth-Century Egypt*. London, 1969.
168. Landau, J.M. "Ritual Murder Accusations and Persecutions of Jews in Nineteenth-Century Egypt". *Sefunot* 5 (1961).
169. Landau, J.M. "Ritual Murder Accusations in Nineteenth-Century Egypt". In *Middle Eastern Themes: Papers in History and Politics*. London, 1973.
170. Landshut, S. *Jewish Communities in the Muslim Countries of the Middle East*. London, 1950.
171. Lane, E. *The Manners and Customs of the Modern Egyptians*. 2 vols. London, 1836 (1 vol. London, 1963).
172. Laoust, H. *Le Traité de droit public d'Ibn Taymiyya*, Beirut, 1948.
173. Leared, A. *Morocco and the Moors*. 2d ed. London, 1891.
174. Lebel, R. *Les Voyageurs Français du Maroc*. Paris, 1936.
175. Lemprière, W. *Tours from Gibraltar to Tangier, Salle, Mogodore, etc*. London, 1793.
176. Leven, N. *Cinquante Ans d'histoire: l'Alliance Israélite Universelle (1860—1910)*. 2 vols. Paris, 1911/1920.
177. Levi-Provençal, E. "Séville musulmane au début

du 12e siècle" (Traité sur la vie urbaine et les corps de métiers d'Ibn Abdun). In *Islam d'hier et d'aujourd'hui*. Vol. 2. Paris, 1947.
178. Levtzion, N., ed. *Conversions to Islam*. New York, 1979.
179. Lewis, B. *The Emergence of Modern Turkey*. London, 1968.
180. Lewis, B. "The Ottoman Archives as a Source for the History of the Arab Lands" (1951). In *Studies in Classical and Ottoman Islam (7th — 16th centuries)*. Reprints. London, 1976.
181. Littman, D.G. "Jews under Muslim rule in the Late Nineteenth Century". *WLB* 28, n.s. 35/36 (1975).
182. Littman, D.G. "Jews under Muslim Rule, II: Morocco 1903—1912". *WLB* 29, n.s. 37/38 (1976).
183. Littman, D.G. "Jews under Muslim Rule: The Case of Persia". *WLB* 32, n.s. 49/50 (1979).
184. Littman, D.G. "Quelques Aspects de la condition de dhimmi: Juifs d'Afrique du Nord avant la colonisation". (d'après des documents de l'*AIU*) *YOD* 2, no. 1 (1976). Englarged reprint, Avenir, Geneva, 1977.
185. Littman, D.G. "Mission to Morocco (1863—64)". In *The Century of Moses Montefiore*. Edited by S. and V.D. Lipman. Oxford University Press, 1985.
186. Loeb, L.D. *Outcaste: Jewish Life in Southern Iran*. New York, 1977.
187. Lokkegaard, F. "Fay". *EI*^{2} 2.
188. Lortet, L. *La Syrie d'aujourd'hui*. Paris, 1884.
189. Mac Donald, D.B. "Djihad". *EI*^{1} 1.
190. al-Maghili, *Ahkam ahl al-Dhimma (Regulations of the Dhimmis)*. See Vajda, "Un Traité..."
191. al-Maliki, Abu Bakr. *Riyad an-Nufus*. See Idris.
192. Ma'oz, M. Ottoman Reform in Syria and Palestine, 1840—1861: *The Impact of the Tanzimat on Politics and Society*. Oxford, 1968.

193. Ma'oz, M. ed. *Studies on Palestine during the Ottoman Period*. Jerusalem, 1975.
194. Marcel, J., and Ryme, A. *Egypte*. Paris, 1848.
195. al-Marrakushi. *Al-mu'jib fi talkhis' akhbar al-maghrib (Histoire des Almohades)*. Translated by E. Fagnan. Algiers, 1893.
196. Masriya, Y. *Juifs en Egypte*. Geneva, 1971.
197. Masriya, Y. "A Christian Minority: The Copts in Egypt". In *Case Studies on Human Rights and Fundamental Freedoms: A World Survey*. Edited for SPS by W.A.Veenhoven. Vol. 4. The Hague, 1976. (French, Geneva, 1973).
198. al-Mawardi. *Al-ahkam as-sultaniyya (Les Statuts gouvernementaux)*. Translated by E.Fagnan. Algiers, 1915.
199. Memmi, A. *The Colonizer and the Colonized*. New York, 1963.
200. Memmi, A. *Dominated Man*. New York, 1966.
201. van der Meulen, D. *Aden to the Hadhramaut: A Journey in South Arabia*. London, 1947.
202. Miège, J. L. *Le Maroc et l'Europe (1830—1894)*. 4 vols. Paris, 1961—63.
203. Miège, J. L. *Documents d'histoire economique et sociale marocaine au 19e siècle*, Paris, 1969 (Index to 4 vols.)
204. Ministry for Foreign Affairs (Research Division). *The Arab View*. Jerusalem, Sept. 1971.
205. Misrahi, R. *La Philosophie politique et l'Etat d'Israël*. Paris, 1975.
206. Mitchell, R.P. *The Society of the Muslim Brothers*. Oxford, 1969.
207. Momen, M., ed. *The Babi and Baha'i Religions (1844—1944): Some Contemporary Western Accounts*, Oxford, 1981.
208. Moreen, V. "The Status of Religious Minorities in Safavid Iran (1617—1661)". *JNES* 40 (1981).

209. Morison, A. *Relation historique d'un voyage nouvellement fait au Mont Sinaï et à Jérusalem*, Paris, 1705.
210. Moses b. Maimon (Maimonides). *Iggeret Taiman (Epistle to Yemen)*. Edited by A.S.Halkin. Translated by B. Cohen. New York, 1952.
211. Muslim. *Al-Sahih (Traditions)*. Translated by A.H.Siddiqi. 4 vols. Lahore, 1976.
212. Muyldermans, J. "La Domination arabe en Arménie", extrait de *l'Histoire Universelle de Vardan*. Louvain and Paris, 1927.
213. Naipaul, V.S. *Among the Believers: An Islamic Journey*. London, 1981.
214. an-Nasiri, A. *Kitab el-Istiqsa li Akhbar doual el-Maghrib ed-Aqsa (Recherches approfondies sur l'histoire des dynasties du Maroc)*. Translated by E. Fumey. 2 vols. In *Archives Marocaines* 9 and 10. Paris, 1906.
215. Niebuhr, K. *Travels through Arabia and Other Countries in the East (1761—1767)*. 2 vols. Edinburgh, 1792.
216. Obadyah, D. *Fas we-Hakhameha (The Sages of Fez)* (Hebrew). 2 vols. Jerusalem, 1979.
217. Obadyah, the Norman. *Chronicle*. See Scheiber.
218. Oliphant, L. *Haifa or Life in Modern Palestine (1882—1885)* (London, 1887). Reprint, Jerusalem, 1976.
219. Oliphant, L. *The Land of Gilead*, London, 1880.

Parliamentary Papers (P.P.).

220. Oliphant, L. "Despatches from Her Majesty's Consuls in the Levant, respecting Past or Apprehended Disturbances en Syria: 1858—1860". 1860 [2734] LXIX.
221. Oliphant, L. "Correspondence relating to the Affairs

of Syria: 1860—1861". 1861 [2800] LXVIII.
222. Oliphant, L. "Reports by Her Majesty's Diplomatic and Consular agents in Turkey respecting the condition of the Christian subjects of the Porte: 1868—1875". 1877 [C. 1739] XCII.
223. Oliphant, L. "Further Despatch respecting theState of Affairs in Bosnia 1877". [C. 1768] XCII.
224. Oliphant, L. "Further Correspondence respecting the Affairs of Turkey. 1877". [C. 1806] XCII.
225. Paton, A.A. *History of the Egyptian Revolution*. 2 vols. 2d ed. London, 1870.
226. Pearlman, M. *Mufti of Jerusalem*. London, 1947.
227. Perlmann, M. "Asnawi's Tract against Christian Officials". In *Ignace Goldziher Memorial Volume*. Edited by D. Löwinger et al. vol. 2. Jerusalem. 1958.
228. Perlmann, M. "Eleventh-Century Andalusian Authors on the Jews of Granada". *PAAJR* 18 (1948—49).
229. Perlmann, M. "Ghiyar". *EI*^{2} 2.
230. Perlmann, M. "Notes on Anti-Christian Propaganda in the Mamlûk Empire". *BSOAS* 10 (1939—42).
231. Perlmann, M. "Notes on the Position of Jewish Physicians in Medieval Muslim Countries". *IOS* (1972).
232. Perlmann, M. *Shaykh Damanhuri on the Churches of Cairo* (1739). Berkeley: University of California, 1975.
233. Péroncel-Hugoz, J. P. *Le Radeau de Mahomet*. Paris, 1983.
234. Perrot, G. "Souvenirs d'un voyage chez les Slaves du Sud (1868); IV: Une promenade en Bosnie". *In Le Tour du Monde* 21. Paris, 1st sem. 1870.
235. Peters, R. *Islam and Colonialism: The Doctrine of Jihad in Modern History*. The Hague, 1979.

236. Peters, R. "Jihad in Mediaeval and Modern Islam". In *Nisaba* 5. Leiden, 1977.
237. de Planhol, X. *Les Fondements géographiques de l'histoire de l'Islam*. Paris, 1968.
238. Poliakov, L. *Le Racisme*. Paris, 1976.
239. Proust, A. "Moeurs Turques. II: Le Cydaris" (1862). *In Le Tour du Monde*. Paris, 2nd sem, 1863.
240. Quaresmius, F. *Elucidatio Terrae Sanctae historica, theologica et moralis*. 2 vols. Rome, 1639.
241. Reischer, V.V. *Sha'are Yerushalayim (The Gates of Jerusalem)* (Hebrew). Warsaw, 1879.
242. Rey, F. *La Protection diplomatique et consulaire dans les Echelles du Levant et de Barbarie*. Paris, 1899.
243. Riley, J. *Loss of the American Brig Commerce: Wrecked on the Western coast of Africa, in the month of August, 1815. With an account of Timbuctoo and of the hitherto undiscovered great city of Wassanah*. London, 1817.
244. Romanelli, S. *Massa ba-'Arav (The Oracle of Arabia)* (Hebrew). Berlin, 1792. See Hirschberg.
245. Rosenmüller, E. *Ansichten von Palästina oder dem Heiligen Lande, nach Ludwig Mayers*. Leipzig, 1810.
246. Roumani, M.M. *The Case of the Jews from Arab Countries: A Neglected Issue*. Tel Aviv, 1975.
247. Rubens, A.A. *Jewish Iconography*. Revised Edition. London, 1981.
248. Rubens, A.A. *A History of Jewish Costume*. London, 1973.
249. Russell, M. *History and Present Condition of the Barbary States*. Edinburgh, 1835.
250. Rustum, A. *Al-Mahfuzat al-Malikiyya al-Misriyya (The Royal Archives of Egypt)* (Arabic). 4 vols. Beirut, 1940—1943.

251. Samuel b. Ishaq Uceda. *Lehem dim'ah (The Bread of Tears)* (Hebrew). Venice. 1606.
252. Schechtman, J.B. *On Wings of Eagles*. New York, 1961.
253. Scheiber, A. "Fragment from the Chronicle of Obadyah the Norman proselyte". *AOH* 4 (1954).
254. Scheiber, A. "The Origins of Obadyah the Norman Proselyte". *JJS* 5, no. 1 (1954).
255. Schiller, E. *The First Photographs of the Holy Land*. Jerusalem, 1979.
256. Schiller, E. *The First Photographs of Jerusalem and the Holy Land*. Jerusalem, 1980.
257. Schiller, E. *The Holy Land in Old Engravings and Illustrations*. Jerusalem, 1977.
258. Schreiner, M. "Contributions à l'histoire des Juifs en Egypte" (Ibn Taymiyya). *REJ* 31 (1895).
259. Sémach, Y.D. "Charles de Foucauld et les Juifs marocains" (Conference, Institut des Hautes Etudes Marocaines). In *Bulletin de l'Enseignement Public du Maroc* 23 (June 1936).
260. Sémach, Y.D. *Une Mission de l'Alliance au Yémen*. Paris, 1910, Also, *BAIU* 35 (1910).
261. Sémach, Y.D. *A travers les communautés israélites d'Orient: Visites des écoles de l'Alliance Israélite*. Paris, 1931.
262. Serero, Saul ben David. *Dibray ha-Yamim* (Chronicle of Fez). See Hirschberg.
263. ash-Sha'rani. *al-Bahr al-mawrud fi l-mawathiq wal-uhud (The Sea of Promises)* (Arabic). Cairo, n.d.
264. ash-Sha'rani. *al-Bahr...* (Cambridge Univ. Lib.), Arabic Ms. 1000.
265. Sharon, M. "The Political Role of the Bedouins in Palestine in the Sixteenth and Seventeenth centuries". In *Studies on Palestine during the Ottoman Period*. Edited by M. Ma'oz. Jerusalem, 1975.
266. Shaybani, *Siyar (The Islamic Law of Nations)*.

Translated by M.Khadduri. Baltimore, 1966.
267. Shaler, W. *Sketches of Algiers, Political, Historical, and Civil.* Boston, 1826.
268. Shamir, S. "Muslim Arab Attitudes Towards Jews: The Ottoman and Modern Periods". In *Violence and Defence in the Jewish Experience.* Edited by S.W. Baron and G.S. Wise. Philadelphia, 1977.
269. Silvain, G., ed. *Images et Traditions Juives.* Paris, 1980.
270. Slouschz, N. "Israélites de Tripolitaine". *BAIU* (1906).
271. Slouschz, N. *Travels in North Africa.* Philadelphia, 1927.
272. Smith, W.C. *Islam in Modern History.* Princeton, N.J., 1957.
273. Spicehandler, E. "The Persecution of the Jews of Isfahan under Shah Abbas II (1642—1666)". Paper. International Conference on Jewish Communities in Muslim Lands (Institute of Asian and African Studies, Ben Zvi Institute), Hebrew University Jerusalem (1974).
274. Spoll, E. A. "Souvenir d'un Voyage au Liban" (1859). *In Le Tour du Monde.* Paris, 1st sem., 1861.
275. Stephens, J.L. *Incidents of Travel in Egypt, Arabia, Petrea and the Holy Land.* New York, 1837; reprint, University of Oklahoma, 1970.
276. Stillman, N.A. *The Jews of Arab Lands: a History and Source Book.* Philadelphia, 1979.
277. Strauss, E. See Ashtor
278. Streck. "Armenia". *EI*[1].
279. Stutfield, H.E.M. *El Maghreb, 1200 Miles' Ride through Morocco.* London, 1886.
280. al-Tabari. *Ta'rikh al-Rusul wa'l-Muluk (History of the Prophets and Rulers)* (Arabic). Edited by M.J. de Goeje et al. Leiden, 1879. See Stillman.

281. al-Tabari. *Kitab al-Jihad (Book of Holy War).* Edited by J.Schacht (Arabic). Leiden, 1933.
282. al-Tall, A. *Khatar al-Yahudiyya al-Alamiyya Ala al-Islam wa-al-Masihiyya (The Danger of World Jewry to Islam and Christianity).* Cairo, 1964. See Harkabi, *Arab.*
283. Thevet, A., *Cosmographie Universelle.* 2 vols. Paris, 1575.
284. Theophanes. *See Corpus Scriptorum Historiae Byzantinaea.* Bonn, 1892.
285. Tibawi, A.L. "Russian Cultural Penetration of Syria-Palestine in the Nineteenth Century". *RCAJ* 56 (1966).
286. Tobi, Y., ed. *Toledot Yehudei Teman: mi-Kitvehem (History of the Jews in Yemen from their Chronicles)* (Hebrew). Jerusalem, 1979.
287. Le Tour du Monde. See Anon. Voyage, Perrot, Proust, Spoll.
288. Tritton, A.S. *The Caliphs and their Non-Muslim Subjects: A Critical Study of the Covenant of Umar.* London, 1930; reprint 1970.
289. Tritton, A.S. "Islam and the Protected Religions". *JRAS* (1931).
290. Trotter, P.D. *Our Mission to the Court of Morocco (1880).* Edinburgh, 1881.
291. Tyan, E. "Djihad". *EI*^{2} 2.
292. Vajda, G. "Ahl al-Kitab". *EI*^{2} 1.
293. Vajda. G. "L'Image du Juif dans la tradition islamique". *NC* 13—14 (1968).
294. Vajda, G. "Juifs et Musulmans selon le hadit". *JA* 219 (1937).
295. Vajda, G. *Un Recueil de textes historiques Judéo-Marocains. In Hespéris* 12 (1951).
296. Vajda, G. "Un *Traité magherébin* 'Adversus Judaeos': Ahkam ahl al-Dimma du Sayh Muhammad b. Abd al-Karim al-Maghili". In *Extraits des*

Etudes d'Orientalisme dédiés à la mémoire de Lévi-Provençal. Vol. 2. Paris, 1962.
297. Volney, C.F. *Travels in Egypt and Syria (1783—1785)*. 2 vols. London, 1787.
298. al-Waqidi. *Kitab al-Maghazi (The Book of Expeditions)* (Arabic). Edited by M.Jones. 2 vols. London, 1966.
299. Watt, W.M. "Muhammed". In *The Cambridge History of Islam*, edited by P.M. Holt, A.K.S. Lambton, B. Lewis. 2 vols. Cambridge, 1970.
300. Weill, G. "Le Juif des sables", *NC* 13-14 (1968).
301. Wellsted, F.R. *Travels in Arabia*. London. 1838.
302. Weyl, J. *Les Juifs protégés francas aux Échelles du Levant et en Barbarie sous les règnes de Louis XIV et Louis XV. (D'après des documents inédits terés des archives de la Chambre de Commerce de Marseille)*. REJ 12 and 13 (1886).
303. Wilkie Young, H.E. "Notes on the City of Mosul". Ed. E. Kedourie *MES* 7, no. 2 (1971).
304. Wilson, C., ed. *Picturesque Palestine, Sinai and Egypt*, 5 vols. London, [1882].
305. Wolff, J. *Narrative of a Mission to Bokhara in the Years 1843—1845*. Edinburgh, 1852.
306. Wolff, J. *Researches and Missionary Labours (1831—1834)*. London, 1835.
307. Wyman Bury. C. *Arabia Infelix, or the Turks in Yamen*. London, 1915.
308. Yodfat, A.H., and Arnon-Ohanna, Y. *PLO: Strategy and Politics. London, 1981.*
309. Zahra, M.A. *"The Jihad" (1968).* See al-Azhar.
310. Zwemer, *S.M. Law of Apostacy in Islam*. Cairo, 1925; reprint, New Delhi, 1975.

Addendum:

311. Gibb, H.A.R. and Bowden, H. *Islamic Society and the West: A Study of the Impact of Western Civilization on Muslim Culture in the Near East.* Vol. 1: 2 Parts: *Islamic Society en the Eighteenth Century.* Oxford, 1950/1957.
312. Ashtor, E. *The Jews of Moslem Spain.* 3 vols. Philadelphia, 1973/1979/1984.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

AOH	*Acta Orientalia Hungarica* (Budapest) — Венгерские документы по ориентали-стике (Будапешт)
AS	*Arabian Studies* (Cambridge) — Исследования по арабистике (Кембридж)
BAIU	*Bulletin, Alliance Israélite Universelle* (Paris) — Бюллетень Всемирного еврейского союза (Париж)
BIJS	*Bulletin of the Institute of Jewish Studies* (London) — Бюллетень Института изучения ев-рейства (Лондон)
BSOAS	*Bulletin of the School of Oriental and African Studies* (London) — Бюллетень Школы изучения Востока и Африки (Лондон)
EI[1]	*Encyclopaedia of Islam, first edition* — Энциклопедия ислама, первое издание

EI^2 — *Encyclopaedia of Islam, new edition* — Энциклопедия ислама, второе издание

EJ — *Encyclopaedia Judaica, new English edition* — Еврейская энциклопедия, новое английское издание

HESPERIS — *Institute des Hautes-Etudes Marocaines* (Paris) — Высшая школа изучения Марокко (Париж)

IOS — *Israel Oriental Studies* (Jerusalem) — Израильские исследования по востоковедению (Иерусалим)

JA — *Journal Asiatique* (Paris) — Журнал исследований по Азии (Париж)

JAOS — *Journal of the American Oriental Society* (New York) — Журнал Американского Востоковедческого общества (Нью-Йорк)

JESHO — *Journal of the Economic and Social History of the Orient* (Leiden) — Журнал по экономической и общественной истории Востока (Лейден)

JHSE — *Jewish Historical Society of England* (London) — Английское общество по изучению еврейской истории (Лондон)

JIMMA — *Journal Institute of Muslim Minority Affairs* (Jeddah) —
Журнал Института по изучению мусульманских меньшинств (Джедда)

JJS — *Journal of Jewish Studies* (London) —
Журнал по изучению еврейства (Лондон)

JNES — *Journal of Near Eastern Studies* (Chicago) —
Журнал исследований по Ближнему Востоку (Чикаго)

JPS — *Journal of Palestine Studies* (Beirut) —
Журнал по изучению Палестины (Бейрут)

JRAS — *Journal of Royal Asiatic Society* (London) —
Журнал Королевского общества по изучению Азии (Лондон)

JQ — *Jerusalem Quarterly* (Jerusalem) —
Иерусалимский ежеквартальник (Иерусалим)

JQR — *Jewish Quarterly Review* (Philadelphia) —
Еврейское ежеквартальное обозрение (Филадельфия)

JYCSR — *Journal of Yemen Centre for Studies and Research* (San'a) —
Журнал Йеменского научно-исследовательского центра (Сан'а)

MES	*Middle Eastern Studies* (London) — Исследования по Ближнему Востоку (Лондон)
NC	*Nouveaux Cahiers* (Paris) — Новые тетради (Париж)
PI	*Politique internationale* (Paris) — Международная политика (Париж)
PAAJR	*Proceedings of the American Academy for Jewish Research* (New York) — Протоколы Американской Академии по изучению еврейства (Нью-Йорк)
RCAJ	*Roayl Central Asian Journal* (London) — Королевский журнал исследований по Центральной Азии (Лондон)
REI	*Revue des Etudes Islamiques* (Paris) — Обзор исследований по исламу (Париж)
REJ	*Revue des Etudes Juives* (Paris) — Обзор исследований по изучению еврейства (Париж)
RMI	*Rassegna Mensile di Israel* (Rome) — Ежемесячник научных работ по Израилю (Рим)
RSPT	*Revue des Sciences Philosophiques et Théologiques* (Paris) — Философско-теологическое обозрение (Париж)

SEFUNOT — *Sefunot, Annual for Research on the Jewish Comminities in the East* (Hebrew) (Jerusalem) —
Сфунот, ежегодный сборник исследований по еврейским общинам Востока (на иврите) (Иерусалим)

SPS — *Studies in Plural Societies* (The Hague) —
Исследования многонациональных обществ (Гаага)

WLB — *Wiener Library Bulletin* (London) —
Бюллетень Библиотеки Винера (Лондон)

YOD — *Revue des Etudes Hébraïques et juives modernes et contemporaines* (Paris) —
Обзор исследований по гебраистике и по вопросам современного еврейства (Париж)

АРХИВЫ и т.п.

AIU — *Alliance Israélite Universelle* (Paris) —
Всемирный еврейский союз (Париж)

PRO — *Public Record Office* (London) —
Бюро правительственной документации (Лондон)

FO — *Foreign Office* (PRO) (London) —
Министерство иностранных дел (Лондон)

PP — *Parliamentary Papers* (London) —

Парламентские документы (Лондон)
См. в библиографии *PP*

FO 78/500
78/836
78/1452
78/1520
195/369
195/524

КНИГИ ИЗД-ВА "БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ"

1. **Леон Юрис.** ЭКСОДУС. Книга 1
2. **Леон Юрис.** ЭКСОДУС. Книга 2
3. **Д-р А.И.Кауфман.** ЛАГЕРНЫЙ ВРАЧ
4. **Сарра Нешамит.** ДЕТИ С УЛИЦЫ МАПУ
5. **Арье (Лева) Элиав.** НАПЕРЕГОНКИ СО ВРЕМЕНЕМ
6. **Д-р Е.Хисин.** ДНЕВНИК БИЛУЙЦА
7. **Макс Брод.** РЕУВЕНИ, КНЯЗЬ ИУДЕЙСКИЙ
8. 6 000 000 ОБВИНЯЮТ (Процесс Эйхмана)
9. **А.И.Гешель.** ЗЕМЛЯ ГОСПОДНЯ
10. НА ОДНОЙ ВОЛНЕ. Еврейские мотивы в русской поэзии
11. **Натан Альтерман.** СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДО
12. **Шаул Черниховский.** СТИХИ И ИДИЛЛИИ
13. **Теодор Герцль.** ИЗБРАННОЕ
14. **Ахад-ха-Ам.** ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ
15. **Ахарон Мегед.** ХЕДВА И Я
16. **Яаков Цур.** И ВОССТАЛ НАРОД
17. **Р. и У.Черчилль.** ШЕСТИДНЕВНАЯ ВОЙНА
18. ПРИДЕТ ВЕСНА МОЯ. Стихи советского еврея
19. **Говард Фаст.** МОИ ПРОСЛАВЛЕННЫЕ БРАТЬЯ
20. **И.Домальский.** РУССКИЕ ЕВРЕИ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ
21. **Игал Аллон.** ОТЧИЙ ДОМ
22. **Юлия Шмуклер.** УХОДИМ ИЗ РОССИИ
23. **Хана Сенеш.** ДНЕВНИК
24. ЕВРЕИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1917—1967)
25. **Ш.И.Агнон.** ИДО И ЭЙНАМ. Рассказы, повести, главы из романов

26. **Элиэзер Смоли.** ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ
27. **Тувия Божиковский.** СРЕДИ ПАДАЮЩИХ СТЕН
28. ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА. Книга 1
29. ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА. Книга 2
30. **А.Итай и М.Нейштат.** ЧЕРЕЗ ТРИ ПОДПОЛЬЯ
31. **Эли Люксембург.** ТРЕТИЙ ХРАМ
32. **С.Г.Фруг.** СТИХИ И ПРОЗА
33. **Р.Губер.** КНИГА БРАТЬЕВ
34. ЭРЕЦ-ИСРАЭЛЬ. Географический очерк
35. **Дж. и Д.Кимхи.** ПО ОБЕ СТОРОНЫ ХОЛМА
36. **И.Башевис-Зингер.** РАБ
37. **Р.Бонди.** ЭНЦО СЕРЕНИ
38. **Иегуда Галеви.** СЕРДЦЕ МОЕ НА ВОСТОКЕ
39. **Шломо Цемах.** ГОД ПЕРВЫЙ
40. **Шаул Авигур.** С ПОКОЛЕНИЕМ ХАГАНЫ
41. **Ханох Бартов.** ВОЗМУЖАНИЕ
42. **Ружка Корчак.** ПЛАМЕНЬ ПОД ПЕПЛОМ
43. **Бернард Маламуд.** ПОМОЩНИК
44. ДРУЗЬЯ РАССКАЗЫВАЮТ О ДЖИММИ
45. МОЙ ПУТЬ В ИЗРАИЛЬ. Сборник очерков
46. **Моше Натан.** БИТВА ЗА ИЕРУСАЛИМ
47. **Ицхак Маор.** СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ
48. **Ицхак Шенхар.** СЫНЫ ЗДЕШНИХ МЕСТ
49. **Генри Рот.** НАВЕРНО ЭТО СОН
50. СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ И СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА
51. **Моше Шамир.** ОН ШЕЛ ПО ПОЛЯМ
52. **Ахарон Мегед.** ЗА СЧЕТ ПОКОЙНОГО
53. **Давид Маркиш.** ПРИСКАЗКА
54. МАКОВЫЙ ХОЛМ. Рассказы о жизни в киббуцах
55. **Джон Орбах.** РИКША
56. **Иосеф Гедалия Клаузнер.** КОГДА НАЦИЯ БОРЕТСЯ ЗА СВОЮ СВОБОДУ
57. **Исаак Бабель.** ДЕТСТВО И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ
58. **Проф. И.Слуцкий.** ИСТОРИЯ ХАГАНЫ. Книга 1

59. **Проф. И.Слуцкий.** ИСТОРИЯ ХАГАНЫ. Книга 2
60. **Андре Шварц-Барт.** ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ПРАВЕДНИКОВ
61. **Эммануэль Литвинов.** ПУТЕШЕСТВИЕ ПО МАЛОЙ ПЛАНЕТЕ
62. **Владимир (Зеев) Жаботинский.** ИЗБРАННОЕ
63. **Мартин Бубер.** ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
64. **Макс И.Даймонт.** ЕВРЕИ, БОГ И ИСТОРИЯ
65. **Сол Беллоу.** ПЛАНЕТА м-ра СЭММЛЕРА
66. ЕВРЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ. Сборник:
    И.Кауфман. Библейская эпоха
    Л.Финкелстайн. Еврейская вера и претворение ее в жизнь
    Ш.Эттингер. Корни современного антисемитизма
67. **А.Суцкевер.** ЗЕЛЕНЫЙ АКВАРИУМ
68. АНТИСЕМИТИЗМ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ. Сборник
69. СКОПУС. Антология поэзии и прозы писателей-репатриантов из СССР
70. **Ури Дан.** ОПЕРАЦИЯ ЭНТЕББЕ
71. **Моше Шамир.** СВОИМИ РУКАМИ
72. **Л.Коллинз и Д.Лапьер.** О, ИЕРУСАЛИМ!
73. **М.Новомейский.** ОТ БАЙКАЛА ДО МЕРТВОГО МОРЯ
74. **М.Гесс.** РИМ И ИЕРУСАЛИМ
75. **Ф.Кандель.** ВРАТА ИСХОДА НАШЕГО
76. **Ф.Баазова.** ПРОКАЖЕННЫЕ
77. **А.Шлионский.** ГОРЫ ГИЛЬБОА
78. **Иехуда Бурла.** ПОХОЖДЕНИЯ АКАВЬИ
79. **Х.Н.Бялик и И.Х.Равницкий.** АГАДА
80. ИСКУССТВО В ЕВРЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ
81. ДВЕ КОНЦЕПЦИИ ЕВРЕЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ:
    Б.Динур. Исторические основы возрождения Израиля
    С.Дубнов. Письма о старом и новом еврействе
82. ЕВРЕЙСКАЯ СРЕДНЕВЕКОВАЯ ПОЭЗИЯ В ИСПАНИИ
83. **Х.Бартов.** ВЫДУМЩИК
84. **Гилель Бутман.** ЛЕНИНГРАД – ИЕРУСАЛИМ С ДОЛГОЙ ПЕРЕСАДКОЙ

85. **Жак Дережи.** ТАЙНА СУДНА "ЭКСОДУС-1947"
86. **Цивья Любеткин.** В ДНИ ГИБЕЛИ И ВОССТАНИЯ
87. **М.Стейнберг.** ОСНОВЫ ИУДАИЗМА
88. **А.Кестлер.** ВОРЫ В НОЧИ
89. Я СЕБЯ ДО КОНЦА РАССКАЗАЛА. Сборник стихов
90. **Ада Серени.** КОРАБЛИ БЕЗ ФЛАГОВ
91. **Иехуда Атлас.** ХОТЬ НА ВИСЕЛИЦУ
92. **М.Стейнберг.** КАК СОРВАННЫЙ ЛИСТ
93. **Н.Полетика.** ВИДЕННОЕ И ПЕРЕЖИТОЕ
94. **Эли Визель.** ЛЕГЕНДЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ
95. **Альбер Мемми.** ОСВОБОЖДЕНИЕ ЕВРЕЯ
96. **Шломо Авинери.** ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЕВРЕЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
97. МЫ НАЧИНАЛИ ЕЩЕ В РОССИИ. Воспоминания
98. **Хаим Градэ.** АГУНА (БЕЗМУЖНЯЯ ЖЕНА)
99. **Луи Финкелстайн.** РАББИ АКИВА
100. **Хаим Вейцман.** В ПОИСКАХ ПУТИ. Книга 1
101. **Хаим Вейцман.** В ПОИСКАХ ПУТИ. Книга 2
102. **Муня М.Мардор.** СЕКРЕТНАЯ МИССИЯ
103. **Феликс Розинер.** СЕРЕБРЯНАЯ ЦЕПОЧКА
104. **Владимир Лазарис.** МОЯ ПЕРВАЯ ВОЙНА
105. **Михаэль Бар-Зохар.** БЕН-ГУРИОН. Биография. Книга 1
106. **Михаэль Бар-Зохар.** БЕН-ГУРИОН. Биография. Книга 2
107. ИВРИТ – ЯЗЫК ВОЗРОЖДЕННЫЙ. Сборник статей
108. **Ахарон Аппельфельд.** ПОРА ЧУДЕС
109. **Гилель Бутман.** ВРЕМЯ МОЛЧАТЬ И ВРЕМЯ ГОВОРИТЬ
110. **Голда Меир.** МОЯ ЖИЗНЬ. Книга 1
111. **Голда Меир.** МОЯ ЖИЗНЬ. Книга 2
112. **Василий Гроссман.** НА ЕВРЕЙСКИЕ ТЕМЫ. Книга 1
112. **Василий Гроссман.** НА ЕВРЕЙСКИЕ ТЕМЫ. Книга 2
113. В ОТКАЗЕ. Сборник
114. **Гершом Шолем.** ОСНОВНЫЕ ТЕЧЕНИЯ В ЕВРЕЙСКОЙ МИСТИКЕ. Книга 1
115. **Гершом Шолем.** ОСНОВНЫЕ ТЕЧЕНИЯ В ЕВРЕЙСКОЙ МИСТИКЕ. Книга 2

116. **Эфраим Урбах.** МУДРЕЦЫ ТАЛМУДА
117. В ПОИСКАХ ЛИЧНОСТИ. Сборник рассказов современных израильских писателей
118. **Владимир (Зеев) Жаботинский.** ПОВЕСТЬ МОИХ ДНЕЙ. Воспоминания
119. **Оскар Минц.** ПРИЗМЫ
120. **Игал Аллон.** ЩИТ ДАВИДА
121. **Моше Даян.** ЖИТЬ С БИБЛИЕЙ
122. **Иерухам Кохен.** ВСЕГДА В СТРОЮ. Записки израильского офицера
123. **Исраэль Таяр.** СИНАГОГА – РАЗГРОМЛЕННАЯ, НО НЕПОКОРЕННАЯ
124. **Виталий Рубин.** ДНЕВНИКИ. ПИСЬМА. Книга 1
125. **Виталий Рубин.** ДНЕВНИКИ. ПИСЬМА. Книга 2
126. **Анита Шапира.** БЕРЛ. Книга 1
127. **Анита Шапира.** БЕРЛ. Книга 2
128. **Хаим Гвати.** КИББУЦ: ТАК МЫ ЖИВЕМ
129. **Виктория Левитина.** РУССКИЙ ТЕАТР И ЕВРЕИ. Книга 1
130. **Виктория Левитина.** РУССКИЙ ТЕАТР И ЕВРЕИ. Книга 2
131. **Януш Корчак.** ИЗБРАННОЕ
132. **Ашер Бараш.** ИСТОРИЧЕСКИЕ НОВЕЛЛЫ
133. **Ицхак Орен (Надель).** МОЯ КАМЕНОЛОМНЯ
134. **Андрэ Неер.** КЛЮЧИ К ИУДАИЗМУ
135. **Ицхак Зив-Ав.** ГОВОРЯТ, ЕСТЬ СТРАНА...
136. **Эрбер Ле Поррье.** ВРАЧ ИЗ КОРДОВЫ
137. ГОСУДАРСТВО ИЗРАИЛЬ. Становление и развитие. Книга 1
138. ГОСУДАРСТВО ИЗРАИЛЬ. Становление и развитие. Книга 2
139. ИЗРАИЛЬ. Географический справочник
140. **Шломо Гилель.** С ВЕТРОМ ВОСТОКА
141. **М.Бейзер.** ЕВРЕИ В ПЕТЕРБУРГЕ
142. **Абба Ковнер.** КНИГА СВИДЕТЕЛЬСТВ
143. **Авигдор Шинан.** МИР АГГАДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
144. **Давид Роскес.** ВОПРЕКИ АПОКАЛИПСИСУ
145. **Томас Манн.** О НЕМЦАХ И ЕВРЕЯХ
146. **Рамбам (Маймонид).** ИЗБРАННОЕ. Книга 1

147. **Рамбам (Маймонид).** ИЗБРАННОЕ. Книга 2
148. **И.Ахарони, Б.Ротенберг.** ПО СЛЕДАМ ЦАРЕЙ И БУНТАРЕЙ
149. **И.Гутман, Х.Шацкер.** КАТАСТРОФА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ
150. **Амос Эттингер.** СЛЕПОЙ ПРЫЖОК
151. **Феликс Кандель.** СЛОВО ЗА СЛОВО
152. **Ицик Мангер.** ЖИЗНЬ В РАЮ
153. **Леон Юрис.** МИЛАЯ, 18. Книга 1
154. **Леон Юрис.** МИЛАЯ, 18. Книга 2
155. **Коннор О'Брайен.** ОСАДА. Книга 1
156. **Коннор О'Брайен.** ОСАДА. Книга 2
157. **Давид Шахар.** ЛЕТО НА УЛИЦЕ ПРОРОКОВ
158. **Владимир (Зеев) Жаботинский.** САМСОН НАЗОРЕЙ
159. **И.Башевис-Зингер.** СБОРНИК РАССКАЗОВ
160. **Владимир (Зеев) Жаботинский.** ПЯТЕРО
161. **Малькольм Хэй.** КРОВЬ БРАТА ТВОЕГО
162. **А.Эйнштейн.** О СИОНИЗМЕ
163. **И.Константиновский.** СУДНЫЙ ДЕНЬ
164. СКОПУС-2. Сборник произведений израильских литераторов, пишущих по-русски
165. **Р.Зернова.** ИЗРАИЛЬ И ОКРЕСТНОСТИ. Сборник рассказов
166. **П.Пели.** ТОРА СЕГОДНЯ
167. **Р.Маркус, Г.Кохен, А.Галкин.** ТРИ ВЕЛИКИХ ЭПОХИ ЕВРЕЙСКОЙ ИСТОРИИ
168. **Яаков Кац.** ЕВРЕЙСКАЯ ДИАСПОРА В СРЕДНИЕ ВЕКА
169. **Э.Луз.** ПЕРЕСЕКАЮЩИЕСЯ ПАРАЛЛЕЛИ
170. **Яаков Кац.** КРИЗИС ЕВРЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ
171. **И.Левит.** ЗДРАВСТВУЙТЕ, ЛЮДИ!
172. **Х.Герцог.** ГЕРОИ ИЗРАИЛЯ
173. **Говард М.Сахар.** ИСТОРИЯ ИЗРАИЛЯ. Книга 1
174. **Говард М.Сахар.** ИСТОРИЯ ИЗРАИЛЯ. Книга 2
175. **Д.Дорон.** КИШИНЕВСКОЕ ГЕТТО — ПОСЛЕДНИЙ ПОГРОМ
176. **Д.Фришман.** В ПУСТЫНЕ
177. **А.Херцберг.** СИОНИЗМ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ. Книга 1

178. **А.Херцберг.** СИОНИЗМ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ. Книга 2
179. **Гедалия Алон.** ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВ ПАЛЕСТИНЫ В ТАЛМУДИЧЕСКУЮ ЭПОХУ. Книга 1
180. **Гедалия Алон.** ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВ ПАЛЕСТИНЫ В ТАЛМУДИЧЕСКУЮ ЭПОХУ. Книга 2
181. **И.Бер.** ГАЛУТ
182. **Бат-Йеор.** ЗИММИ. ЕВРЕИ И ХРИСТИАНЕ ПОД ВЛАСТЬЮ ИСЛАМА. Книга 1
183. **Бат-Йеор.** ЗИММИ. ЕВРЕИ И ХРИСТИАНЕ ПОД ВЛАСТЬЮ ИСЛАМА. Книга 2
184. ИЕРУСАЛИМ И ОКРЕСТНОСТИ. Справочник
185. БАБИЙ ЯР. К пятидесятилетию трагедии.

МОЛОДЕЖНАЯ СЕРИЯ

1. **Рут Сэмюэлс.** ПО ТРОПАМ ЕВРЕЙСКОЙ ИСТОРИИ
2. **Дорит Оргад.** МАЛЬЧИК ИЗ СЕВИЛЬИ
3. **Ури Орлев.** ОСТРОВ НА ПТИЧЬЕЙ УЛИЦЕ
4. **Амос Оз.** СУМХИ
5. **Шмуэль Хуперт.** ЛЬВЫ В ИЕРУСАЛИМЕ
6. **Й.Сегал.** ТАК ПОСТУПАЛИ НАШИ МУДРЕЦЫ
7. **Яэль Розман.** МОЙ РОМАН С БЕН-ГУРИОНОМ И ПНИНОЙ
8. **Двора Омер.** ПЕРВЕНЕЦ ДОМА БЕН-ИЕХУДЫ
9. **Сами Михаэль.** ПАЛЬМЫ В БУРЮ
10. **Шмуэль Авидор-Хакохен.** И СОТВОРИЛ БОГ...
11. **Двора Омер.** ЛЮБИТЬ ДО КОНЦА
12. **Юрий Суль.** ПАРТИЗАНЫ ДЯДИ МИШИ
13. **Ицхак Ной.** РОН И ДЖУДИ
14. **И.Башевис-Зингер.** ГАСНУЩИЕ ОГНИ. Сборник рассказов и сказок для детей
15. **Эстер Файн.** ХАДАС
16. **Н.Гутман и Э.Бен-Эзер.** МЕЖ ПЕСКАМИ И НЕБЕСНОЙ СИНЬЮ

17. СЧАСТЬЕ, ЧТО Я — ЭТО Я! Антология израильской детской литературы. Книга 1
18. ОСВЕЩЕННОЕ ОКНО. Антология израильской детской литературы. Книга 2
19. **Одед Бецер.** ЧУДЕСНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНА БАР-КОХБЫ
20. **Давид Шахар.** ТАЙНА РИКИ
21-22. **Абба Эвен.** МОЙ НАРОД. Книга 1. Учебник и сборник задач и упражнений.
23-24. **Абба Эвен.** МОЙ НАРОД. Книга 2. Учебник и сборник задач и упражнений.
25. **Мартин Гилберт.** АТЛАС ПО ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА
26. **Гила Альмагор.** ЛЕТО ИЗ ЖИЗНИ АВИИ
27. ПУТЕШЕСТВИЯ БИНЬЯМИНА ИЗ ТУДЕЛЫ. Обработка Миры Меир.
28. **Наоми Вишницер.** ГОЛУБАЯ БУСИНКА УДАЧИ, ИЛИ "ЗАБЕРИТЕ МЕНЯ ДОМОЙ!"
29. **Мирьям Акавия.** ГАЛИЯ И МИКЛОШ: РАЗРЫВ ОТНОШЕНИЙ
30. **Яэль Розман.** ВСЕ ИЗ-ЗА НИХ, ИЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЗРУБАВЕЛЫ
31. **Я.Черновиц, М.Лобэ.** ДРУЗЬЯ ОТПРАВЛЯЮТСЯ В ПУТЬ
32. **Леа Гольдберг.** НИССИМ И НИФЛАОТ
33. **Сами Михаэль.** МЕЧТЫ ЖЕСТЯНЫХ ЛАЧУГ
34. БИБЛЕЙСКИЕ ИСТОРИИ. Обработка для детей Атары Офек

Наши книги можно заказать по адресу:

P.O.B. 4140, 91041 Jerusalem, Israel

БАТ-ЙЕОР, автор этой книги, — египетская еврейка. В период власти Насера ей пришлось бежать в Лондон. С 1960 г. она живет в Швейцарии. Бат-Йеор — это псевдоним, означающий "Дочь Нила".

На протяжении последних двадцати лет Бат-Йеор занимается изучением жизни немусульманских меньшинств в странах ислама. Ее первое исследование вышло в свет на французском языке в 1971 г., а затем, в 1974 г., в значительно расширенном виде — на иврите. Ее последний серьезнейший труд, связанный с этой тематикой, издан в Париже в 1991 г.

ЗИММИ

Евреи и христиане под властью ислама

Книга "Зимми" (французское издание — 1980 г., английское — 1985 г.; именно по нему осуществлен перевод настоящего издания) считается незаменимой для желающих получить наиболее глубокое представление о доктрине и практике ислама по отношению к *зимми* — неарабским и немусульманским общинам в странах Ближнего Востока, то есть в странах, подпавших под владычество мусульман после арабского завоевания. В ходе глубокого научного анализа автор умело отделяет факты от наслоившихся на них мифов. Исследовательница привлекает огромное количество документов, относящихся к различным эпохам и регионам, и наглядно описывает историю и судьбу *зимми*. Многие из документов публикуются впервые.

Этот труд позволяет современному читателю — специалисту и неспециалисту — уяснить крайне существенный аспект сложной жизненной ситуации на Ближнем Востоке.